В.С. Флёров

«ГОРОДА» и «ЗАМКИ» ХАЗАРСКОГО КАГАНАТА

Археологическая реальность

V.S. Flyorov

«CITIES» AND «CASTLES» OF KHAZARIAN KAGANATE

Archaeological Reality

УДК 94(47)01"650/969"
ББК 63.3(2)2+63.444(2)-42
Ф71

Данное издание осуществлено
в рамках Программы фундаментальных
исследований Президиума РАН
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
И ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ

Утверждено к печати Ученым советом ИА РАН

Рецензенты:
Доктор исторических наук, проф. А.З.Винников
Доктор исторических наук, проф. В.Я. Петрухин
Кандидат исторических наук В.Н.Чхаидзе

Иллюстрации на обложке: *О.В. Фёдоров, Р. Рубин*

Флёров В.С.
«Города» и «замки» Хазарского каганата. Археологическая реальность. М.: Мосты культуры, 2010. – 260 с.

ISBN 978–5–93273–333–0

Термин «город» утвердился в археолого-исторической литературе при описании некоторых городищ Хазарского каганата. Насколько он обоснован материалами раскопок? В.С. Флёров приходит к отрицательному ответу: в Хазарском каганате городов не было.

Решение проблемы автор нашёл в строгом рассмотрении археологического материала памятников каганата, претендующих на статус города. В общем виде программа исследований сформулирована так – город или что-то иное. Для Хазарии она может выполняться на основе планов поселений, типов построек, размеров фортификационных сооружений, наличия ремесленного производства.

В книге исследуются также социально-экономические вопросы: о кочевании, развитии экономики, феодализме, степени централизации в каганате.

© Учреждение Российской академии наук Институт археологии РАН, 2011
© Флёров В.С. Текст, иллюстрации, 2011
© Петрухин В.Я. Статья, 2011
© Издательство «Гешарим-Мосты культуры». Макет, печать, 2011
© Чхаидзе В.Н. Планы городищ Таманское, Фанагория, 2011
© Фёдоров О.В. Рисунок реконструкции Правобережной Цимлянской крепости, 2011

Памяти Рашо Рашева

Оглавление

От автора 9

ТЕРМИН «ГОРОД» И ЧТО ЗА НИМ СТОИТ 15

Из истории и историографии города. 15
В поисках хазарских городов 22

БАССЕЙН ДОНА – СЕВЕРСКОГО ДОНЦА 28

Саркел–Белая Вежа 28

М.И. Артамонов о Саркеле 28
«Саркел и “Шёлковый путь”» 32
Белая Вежа 35
Об уличной планировке в Саркеле 37
А.Н. Поляк о двух Саркелах 40
О будущих раскопках Саркела–Белой Вежи 41

Семикаракоры 42
Правобережная Цимлянская крепость
и проблема феодального замка 45
«Замки» или иное 50
Маяцкое поселение 55
Верхне-Ольшанский комплекс. 58
Верхнее Салтово и Нетайловка 62
Маяки 72
«Протогорода», «раннегородские структуры»? 75

Битица 77
В.В. Седов о протогородах 79

ИТИЛЬ 83

Что представлял собою Итиль?. 85
О местоположении Итиля 87
О начале Итиля 87
О размерах города 89
Численность населения. 91
О круглых числах. 91
Мечети 96
«Дворец» или цитадель 100
Занятие горожан – сельское хозяйство 104

Городище Самосделка . . . 107
О будущих раскопках городища Самосделка . . . 114
Стратиграфический раскоп . . . 115
Где же находился политический центр Хазарского каганата? . . . 116

ХУМАРА . . . 120

ОБЪЁМЫ ФОРТИФИКАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ХАЗАРИИ . . . 124

ОБ УЛИЧНОЙ ПЛАНИРОВКЕ . . . 127

ПАМЯТНИКИ ДАГЕСТАНА . . . 129
Верхний Чир-Юрт . . . 130
Андрей-аул . . . 133

ТАМАНСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И КРЫМ: ЧЕТЫРЕ НЕ-ХАЗАРСКИХ ГОРОДА . . . 140
Фанагория . . . 141
Таматарха . . . 145
Боспор–Корчев . . . 155
Сугдея 160
О торговле . . . 164

OPUS SPICATUM . . . 173

ЛАГЕР И АУЛ . . . 178

СТАРЫЕ И НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ . . . 191
О феодализме в Хазарии . . . 208
Переселение или кочевание? . . . 212
Экономика каганата . . . 218
О государственности . . . 221

ЛИТЕРАТУРА . . . 226

СОКРАЩЕНИЯ . . . 241

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ. *В.Я.Петрухин.* Проблемы хазарских городов и процессов урбанизации в Восточной Европе . . . 243

SUMMARY . . . 251

ОТ АВТОРА

Идея предлагаемой читателю книги формировалась исподволь. Первый толчок дала необходимость самому себе объяснить, как же в конечном итоге определять в терминах и по существу Семикаракорское городище, которое я копал в 1971–1974 гг., и исследуемое мною доныне Правобережное Цимлянское городище.

За Правобережным Цимлянским, как и за Маяцким, издавна закрепился термин «замок». С Маяцким городищем и прилегающим к нему поселением я хорошо знаком, будучи свидетелем, а эпизодически и участником их раскопок, проводившихся в 1975, 1977–1982 гг. под руководством С.А. Плетнёвой и А.З. Винникова.

Сложнее было с Семикаракорским городищем, на месте которого изредка предполагалось открыть руины «города», а равно и с Саркелом, который прямо называют городом. С Саркелом познакомиться на месте сегодня невозможно — он давно затоплен Цимлянским водохранилищем, но с высоты Правобережного городища хорошо видно место, где он находился. Нетрудно представить, насколько в своё время миниатюрными выглядели белокаменный Правобережный «замок» и краснокирпичный «город» Саркел — Левобережное городище на фоне бескрайней степи.

О дальнейшем развитии темы нетрудно догадаться. Как по цепочке, одно за другим, пришлось рассматривать те городища салтово-маяцкой культуры, о которых имелись более или менее подробные сведения. За пределами исследования пришлось оставить земляные городища — слишком незначительно они раскопаны. Впрочем, я и ограничил объём работы в основном белокаменными и кирпичными крепостями.

Сомнения в том, что в каганате существовали города, возрастало, и впервые (не считая мелких публикаций) я обнародовал

их в статье с простым заголовком «Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект проблемы» (2005). Именно археологический, так как письменных данных о населенных пунктах каганата почти нет. Исключения — смутные известия о Беленджере, Семендере и более пространные — об Итиле. О крепостях бассейна Дона, кроме Саркела, вообще ни слова.

Интерес к теме подогревался идущими уже несколько лет раскопками городища Самосделка в дельте Волги. Итиль? Не Итиль?

Наконец, возникли вопросы, что же считать «хазарским городом» и по каким признакам его остатки можно выделить среди городищ; как определить ту историческую черту, за которой большое поселение становится городом? Далее логика исследования помимо моей воли с неизбежностью привела к теме социально-экономических отношений в каганате и проблеме феодализма.

К сожалению, какой бы вопрос ни приходилось затрагивать, везде сталкиваешься с недостатком, а то и полным отсутствием надёжной информации. В какие-то моменты необходимо было воздержаться от излишней конкретизации, чтобы не пойти по весьма ненадёжному пути реконструкций. Я в принципе не сторонник окончательных выводов и излишних предположений, особенно когда одно предположение обосновывается предшествующим. Возникает «карточный домик», который неизбежно рухнет. Археологические источники неисчерпаемы, и то, что неизвестно и неясно сегодня, станет известно следующему поколению археологов. Иного пути нет, но обсуждение текущих проблем необходимо вести постоянно. Таким обсуждением и является большая часть книги. В ней не следует искать чётких ответов на многие вопросы. Вместе с тем *на мною же поставленный вопрос я отвечаю твёрдо: городов в Хазарском каганате не было.*

В небольшой книге совершенно невозможно приводить все существующие определения понятия «город». Общего для всех эпох и культур и быть не может. Если в политэкономии, особенно марксистской, такие дефиниции созданы, то применить их к археологизированным объектам разной сохранности оказывается чрезвычайно сложно. Но это никак не избавляет от новых попыток, которые со временем будут всё продуктивнее.

Тема книги требовала посмотреть, что представлял собой процесс урбанизации за пределами каганата. Экскурсы в Византию, на Балканы и на Ближний Восток оказались чрезвычайно полезными. Разумеется, они не могут подменить поиск специфики «хазарского пути» развития общества, но и саму эту специфику можно обнаружить только на фоне урбанизации в современном Хазарскому каганату окружении. Особенно продуктивно обращение к исследованиям по проблемам становления ханских резиденций в Первом Болгарском царстве, имеющем общие исторические корни с Хазарским каганатом. Надо признать, что в (пра)болгаристике многие проблемы урбанизации на сегодня разработаны полнее и глубже, нежели в хазароведении. Тема позднеантичного-ранневизантийского города и поселений городского типа, «аула», «лагеря» и собственно средневекового болгарского города не сходит со страниц болгарских археологических и исторических изданий.

Мало того, оказалось не лишним обратиться и к «классической» медиевистике Западной Европы, хотя это и не нашло прямого отражения в книге. Отмечу лишь, что громадный фактический материал, источники и изложение теорий и истории происхождения города, реже замка, Западной Европы содержатся в изданиях второй половины XIX–XX вв. Я преднамеренно почти не касался истории становления города на Руси и признаков древнерусского города. По некоторым впечатлениям, список ранних древнерусских городов должен быть пересмотрен в сторону сокращения.

Далеко не всё, затронутое в моей очень небольшой книге, освещено в равной степени. В этом отношении я оказался в прямой зависимости от публикаций других авторов, ведь в научной литературе городища Хазарского каганата описаны далеко не в равной степени подробностей. Различен и научный уровень публикаций. Не все нужные для работы украинские издания последних лет оказались мне доступны, как, впрочем, и российские региональные издания.

Большие трудности вызывала проблематика пребывания хазар в Крыму, особенно в Сугдее. Разноголосица в оценке хазарского наследства на полуострове необычайна и не вполне соответствует степени опубликованности материалов раскопок.

Общее впечатление от состояния проблемы городов в Хазарском каганате в конечном итоге оказалось для меня неожидан-

ным: подавляющее большинство многочисленных статей содержит не рассмотрение археологической конкретики, а *мнения, представления и реконструкции.* Прокомментировать и даже просто упомянуть все известные высказывания по поводу интерпретации хазарских городищ было невозможно, тем более что пришлось затронуть и некоторые общие проблемы археологии и истории Хазарского каганата. Список использованной литературы и без того чрезмерен.

При всех моих критических замечаниях к трудам С.А. Плетнёвой, должен признать, что она единственная, кто попытался разобраться в целом, что же такое хазарский город. Другое дело, что она исходила из собственного не оправдавшегося предположения о том, что в Хазарском каганате города должны быть непременно. Тема города, надо это помнить, лишь одна из страниц её большого научного наследия, которое заслуживает специального объективного исследования. Именно объективного, поскольку вся археология Хазарского каганата — это непрекращающаяся дискуссия между авторами часто взаимоисключающих мнений.

В данной книге в значительной степени преобладает историографический элемент. В археологии, как в любой отрасли знания, периодически возникает необходимость разобраться в нагромождении накопленных гипотез, толкований опубликованных материалов и в итоге выудить из них самое ценное и действительно новое.

* * *

Круг лиц, кто действительно помогал мне в работе, невелик. Татьяна Михайловна *Калинина*, несмотря на постоянную загруженность, выкраивала время для неоднократного чтения рукописи. Многое было исправлено и заново переписано по её очень доброжелательным и ненавязчивым замечаниям.

Обязанности постоянного домашнего корректора и редактора выполняла моя жена Валентина Евгеньевна *Флёрова*, сама причастная к археологии Хазарского каганата.

Бесконечная признательность моим верным друзьям Людмиле *Дончевой-Петковой* и её супругу Петьо, заботами которых я смог объездить ряд интереснейших археологических памятников Болгарии. Увиденное в этих экскурсиях мне очень пригодилось в работе над книгой. Перефразируя известную пословицу, могу сказать — лучше один раз увидеть, чем много раз читать описания.

Но и без болгарской литературы обойтись было невозможно. Искренне признателен культурологу профессору Цветелину *Степанову* и молодым археологам Евгении *Коматаровой-Балиновой* и Марии *Христовой*, постоянно снабжающим меня новейшей болгарской археологической литературой.

Владимир Яковлевич *Петрухин* — центральная организующая фигура отечественного хазароведения и его представитель в связях с иностранными коллегами. Только благодаря его неимоверным усилиям удавалось в рамках «Хазарского проекта» в течение восьми лет продолжать раскопки Правобережного Цимлянского городища. Раскопки носят не только научный, но и спасательный характер. Если бы не его инициатива, Цимлянское водохранилище полностью уничтожило бы всю восточную стену белокаменной крепости без предварительного её исследования. Как видно из прилагаемой статьи Владимира Яковлевича, наши взгляды на ряд проблем могут не совпадать, что не мешает продолжать наше сотрудничество.

Человек, без которого рукопись не превратилась бы в книгу, — глава издательства «Гешарим–Мосты культуры» Михаил Львович *Гринберг.* Моё обращение к данному издательству совсем не случайно. «Гешарим» принадлежит к числу лучших современных *культурных* издательств равно России и Израиля. Культурных в том смысле, как это понималось во времена К.Т. Солдатенкова, братьев М.В. и С.В. Сабашниковых, И.Д. Сытина. Тематика издаваемых в «Гешариме» книг чрезвычайно обширна, но мне приятно отметить, что среди них заметное место занимают посвященные хазарской истории и археологии, в том числе объёмистые и прекрасно оформленные два тома «Хазары», выпущенные в 2005 и 2011 гг. У меня есть и особая причина быть признательным М.Л. Гринбергу — «Гешарим» почти полностью финансирует издание книги!

* * *

К громадному сожалению, выражать признательность крупному болгарскому историку и археологу Рашо Рашеву приходится посмертно. С ним меня связывали общие интересы в археологии

праболгар и добрые приятельские отношения со времени нашего знакомства в 1970-х гг. на раскопках Маяцкого могильника. Эта книга — дань уважения ученому, чьими трудами я пользуюсь постоянно.

* * *

Приношу глубокие извинения читателям за возможные погрешности и опечатки, которые могли быть не замечены мною.

В.С. Флеров
Март 2011 г.

Термин «город» и что за ним стоит

ИЗ ИСТОРИИ И ИСТОРИОГРАФИИ ГОРОДА

Распространённое явление в археологии — существование стереотипов, рождение которых весьма трудно проследить в историографии. Это относится и к термину «город», достаточно прочно утвердившемуся в археолого-исторической литературе при описании городищ Хазарского каганата. Насколько он обоснован материалами раскопок, накопленными к нашему времени? Это предстоит рассмотреть в предлагаемой книге*.

Но прежде о самом термине «город». Слово «город» русского языка происходит от *городить, ограждать.* Подчёркиваю, *русского языка* (как и некоторых славянских), т. к. в других этимология эквивалента слова может быть совершенно иной, как и его содержание, смысл, вплоть до социального значения.

В римской и раннесредневековой западноевропейской лексике ряд терминов так или иначе также был связан с обозначением укреплений, крепостей, оград: *oppidum* — всякое обнесённое стенами место, *castrum* — специальное обозначение военного укрепления. В эпоху Каролингов используются *castrum, castellum, burgus.* В немецком языке термин *burg* — первоначально огороженное, укреплённое место, а позднее — всякий город. Последнее — симптом того, что терминология формализуется, прежнее военное или социально-экономическое содержание терминов стирается.

Города Руси, совершенно несоизмеримые между собою по площади и численности населения, многократно описаны, в том

* См. первые варианты в форме статей (Флёров В.С. 2005, 2007) и тезисов (Флёров В.С. 2008). Предлагаемый текст переработан и значительно дополнен.

числе в одном из томов серии «Археология СССР» (Древняя Русь. 1985). Теории возникновения и лежащие в их основе признаки древнерусских городов многочисленны.

Изначально «город» по русской терминологии — это населённый пункт, имеющий по периметру искусственное ограждение в виде стен из любого материала. Они могли и часто сочетались со рвами и валами. При этом было совершенно не важно, кто находился внутри, гарнизон, гражданское население или те и другие. В случае осады население поголовно осуществляло оборону. Не принимались во внимание архитектурно-планировочная структура города, занятия жителей.

Особая тема — становление города, трансформация поселения — *негорода* в город. Тема имеет свою историю и терминологию, в которой фигурирует *протогород*. Это определение принято относить к древнейшим эпохам истории человечества, в частности к большим поселениям Древнего Востока. Однако мы встречаем его в приложении к памятникам иных эпох и археологических культур других территорий.

«Протогородами» названы большие укреплённые рвами городища первой половины I тыс. н.э. на Северном Кавказе — Брут, равно и Зилги, Алхан-кала, Нижний Джулат (Габуев Т.А., Малашев В.Ю. 2007. С. 460). Основной аргумент — большие размеры и мощная фортификация перечисленных городищ. Достаточно ли этого, чтобы сближать, к примеру, северопричерноморские собственно города, часто небольшие, и синхронные им указанные большие северокавказские памятники? Вопрос неизбежен. В тезисах одного из докладов В.Б. Ковалевской о городищах Северного Кавказа опять упомянуты те же протогорода с посадами, на которых «следы высокоорганизованных ремёсел свидетельствуют о высокой социальной организации алан». «Расцвет протогородов» отнесён к III–V вв. (Ковалевская В.Б. 2008. С. 51). Примечательно, что непосредственно в ходе доклада В.Б.Ковалевская отметила, что данный термин применительно к перечисленным памятникам надо употреблять в кавычках.

Имея в виду те же городища, несколько дальше пошёл А.А. Туаллагов. С оговоркой «возможно» он пишет о создании в Центральном Предкавказье в II–IV вв. «мощного протогосударственного объединения с необычайно высокоразвитой культурой», с «*урбанистическим типом экономики*» (Туаллагов А.А. 2008. С 48). Правда, автор констатирует, что основная масса исследованных аланских памятников указанного времени ещё не введена в научный оборот. Тем более нужна осторожность при общих характеристиках происходивших здесь социально-экономических процессов. Признаюсь, для меня осталось неясным, какие черты могут характеризовать «*урбанистический* тип экономики» Центрального Предкавказья первой половины I тыс. н.э. Попутно возникает ещё один вопрос: «необычайное развитие» аланской культуры в сравнении с какими культурами? Вопрос в критериях. Я расцениваю в целом аланскую культуру Северного Кавказа и первых веков н.э., и V–XII вв. как совершенно заурядную, как, впрочем, и культуру Хазарского каганата. Высокоразвитыми их можно назвать разве что в сравнении с восточнославянскими. В археологии вообще существует тенденция называть многие культуры «высокоразвитыми». Всегда возникает вопрос: по сравнению с какими?

«*Протогородской* центр» из нескольких поселений (гнездо поселений) гуннского времени в составе «особой этнополитической *протогосударственной* структуры» выделен в лесостепи Верхнего Дона (Обломский А.М. 2006. С. 240, 241).

Помимо «протогорода» в литературе фигурирует термин «первогород», который я встретил в приложении к поселениям бронзового и раннего железного века Сибири (Кызласов Л.Р. 1999; здесь явно имело место неравнодушное отношение автора к изучаемому региону).

Достаточно и этих примеров, наводящих на мысль, что объявление «протогородами» тех или иных поселений осуществляется произвольно (см. ниже раздел «Протогорода»).

Ещё более сложная тема — «города» ацтеков и майя.

Понятие «город» имеет, это известно, весьма расплывчатое содержание как в описаниях прошлых веков, так и в историографии. В современной русской лексике историков и археологов оно применяется к разнообразным объектам во времени, географии, сильно разнящимся в социальном отношении, по фортификации и архитектуре застройки. Вот отдельные примеры.

Городами называются: Поян, Чаньань в Китае; Мохенджо-Даро, Хараппа, Матхура, Амаравати в Индии; Вавилон, Ур, Урук, Лагаш, Дамаск, Тир, Сидон; Троя, Гераклея, Эфес, Милет; Пелла,

Фивы, Афины, Антиохия; Ольвия, Херсон, Фанагория; Гераклеополь, Мемфис, Саис; Кирена, Зама, Карфаген, Тингис; Сиракузы, Мессан, Неаполь, Рим; на Пиренеях — Кордуба, Сагунт; Лютеция, Лондиний. Многие из них существуют поныне. Это лишь мизерная выборка из так называемого Древнего мира.

В средние века количество и многообразие городов безмерно возросли во всех областях ойкумены. Вот лишь некоторые, синхронные Хазарскому каганату: Ханчжоу в Китае; Мартабан и Ангкор в Индокитае; Каликут в Индии; Газни, Мерв, Самарканд; Иконий, Хале; Киева и Момбаса в Восточной Африке; Барка и Мисурата, Александрия в Северной Африке; Мекка/Макораба и Ятриб/Медина, Санаа на Аравийском полуострове; Дамаск, Багдад; Константинополь и Никея; Херсон в Крыму; Средец в Болгарии; Краков, Венеция, Генуя и Винчи, Кордова в Европе и сотни других.

Возьмём также небольшую и преднамеренно неупорядоченную выборку иных показателей — количественных.

Ниневия: протяженность стен 7,5 мили со рвом с внешней стороны (Ллойд С. 1984. С. 212).

Вавилон времени Навуходоносора II (605–562 гг. до н.э.): стены города из сырцового и обожженного кирпича охватывали площадь в 25 кв. км.

Сиракузы: периметр стен в III в. до н.э. 27 км.

Иерусалим: император Тит осадил в городе, по сообщению Тацита, 600 тыс. человек всех полов и возрастов в 70 г. н.э. (Тацит. Кн. 5: *11*). Цифра, конечно, завышена, но даже при десятикратном уменьшении останется внушительное население («600 000» фигурируют и у Ибн Хордадбеха как число иудеев в Александрии (1986. С. 128, § 76); эта цифра известна у многих древних и средневековых авторов, выражает «бесчисленное множество»). Одна из стен Иерусалима несла 14 башен, другая 60, только стена Храма имела периметр в 1100 м. В VI в. население города в пределах 40 тыс.

Рим: по Ибн Хордадбеху (1986. С 104, § 58), длина городской стены от восточных ворот до западных 28 миль.

Константинополь. О нём написано много. Напомню, город в средневековье имел минимум 118 башен. Несколько линий каменных стен, из которых самая значительная стена Анастасия, измерялись километрами.

Антиохия: население в VI в. в пределах 150 тыс. Протяженность каменных стен ко времени Первого крестового похода достигала 37 км.

Дамаск: В VII в. ещё небольшой: 1600 х 800 м.

Херсонес: население в IV–IX вв. 6–7 тыс. (Сорочан С.Б. 2004*а*. С. 60). На Херсонес я обращаю особое внимание. Он может быть принят как один из эталонов по численности населения, при известной площади и плотности застройки (Сорочан С.Б. 2005), для сравнения с городищами Хазарского каганата.

Для сравнения можно выбрать любые города сопредельных стран, с которыми у каганата были контакты. В первую очередь это относится к Халифату с его сырцовым кирпичным и каменным строительством. Любопытно отметить, что буквально в те же годы, когда при содействии императора Феофила (829–842) возводились стены Саркела — наиболее совершенной крепости каганата, халиф Мутасим (833–842) строит севернее Багдада собственную столицу город Самарра.

Каждый автор может составлять списки по интересующему его направлению исследования, будь то фортификация и строительный материал, население и т.д. Я же преднамеренно выбрал случайные образцы, показывающие, каких размеров и численности населения могли достигать *города* разных эпох и культур (о численности населения и методике ее расчета см. Большаков О.Г. 2001. С 98–122).

Непосредственно на прежней территории интересующего нас Хазарского каганата существовали открытые, без стен, города Золотой Орды.

Иногда термин «город» трансформируется, уточняя размеры объекта. Так, в XVI–XVII вв. на Дону возникают казачьи стационарные *городки* с примитивной фортификацией и ещё более примитивными жилищами типа полуземлянок (Рыблова М.А. 2002. С. 26–48). Назвать такие поселения небольшим городом совершенно невозможно, хотя наименование вроде бы к этому располагает. Таким был Черкасск — столица Войска Донского. При основании городка в XVI в. разливы Дона защищали его, к концу XVIII в. они стали препятствием для выполнения столичных функций. Со строительством новой столицы г. Новочеркасска прежняя в самом начале XIX в. официально переводится в разряд станиц и переименовывается в Старочеркасскую. Таких

превращений, как и вызывавших их причин, в истории множество.

Не следует забывать, что термин «город» продолжает бытовать по настоящее время, причём применяется к поселениям, существующим с древности, и новым, несравнимым между собою ни по каким параметрам. С одной стороны — Самарканд, Баку, Тбилиси, Москва, Самара и аналогичные с населением в сотни тысяч, миллионы человек. С другой — вчерашние посёлки, искусственно переведённые в категорию городов. На Нижнем Дону, к примеру, бывшие ещё в середине XX в. станицы Семикаракорская и Цимлянская (давшие имена известным городищам каганата) ныне «преобразованы» в города, хотя в занятиях их населения сельское хозяйство, включая приусадебное, продолжает занимать заметное место; архитектура совершенно сельская, но они развиваются, население увеличивается. Сегодня отмечается и обратный процесс. В России, как в древности, идёт деградация малых городов. Пример тому Ростов Великий.

Из перечисленного приходится делать вывод: термин «город» (не только в русской историографии) слишком неопределён в применении к любой эпохе. Не буду повторять то, что уже сказано другими историками. Проста и ясна формулировка О.Г. Большакова: *«Понятие “город” относится к числу тех, казалось бы, очевидных истин, которые в силу своей очевидности вроде бы и не нуждаются в определении, но именно поэтому труднее всего ему поддаются»* (Большаков О.Г. 2001. С. 11). Исследователи при малейшей возможности привлекают историческую лексику изучаемых ими регионов и эпох и вкладываемые в неё понятия древних и средневековых народов, т.е. населения этих городов, но для Хазарского каганата мы такого источника лишены.

Для Древнего мира и Средневековья в лучшем положении оказываются исследователи, располагающие *комплексом* в составе письменных и археологических источников. Но даже при наличии письменных привлечение археологических источников крайнее необходимо в силу их объективности. В частности, только раскопки позволяют проверить и оценить достоверность сообщений древних авторов о размерах и численности населения конкретного населённого пункта. Столь же надёжна информация археологии о состоянии ремесла, соотношения скотоводства и земледелия (особенно при использовании методов естественных наук, в том числе палеопочвоведения).

Что касается исторических условий и конкретных причин возникновения города, то труды на эти темы бесчисленны, а концепции подчас несовместимы; многие из них уходят в область философии и общей методологии исторической науки. Обзоры мнений представлены во всех исследованиях по городской проблематике. Для хазароведения чрезвычайно продуктивно в методическом отношении обращение к исследованиям по восточной исторической урбанистике, от древнейшей до раннесредневековой. Достаточно упомянуть труды Е.В. Антоновой, О.Г. Большакова, И.М. Дьяконова, Э.В. Сайко.

Не желая затруднять читателя историографическими экскурсами в востоковедение и его достижения в изучении древнего города, остановлюсь на примере иного характера, почерпнутом из востоковедения. Он привлёк меня стремлением использовать некую общую вневременную схему в изучении города и его становления на примере Ашшура (Бондарь С.В. 2008). Исходный тезис исследования: «...при всём многообразии и многоукладности современного общества, при всех изменениях, которые *город* претерпевал в ходе эволюционного развития человечества, всегда *сохранял универсальную структуру* своей системы. Менялись исторические реалии, эпохи, калейдоскопом мелькали герои, события, изменялись традиции, но неизбежно проявлялись *универсальные законы развития*» (Бондарь С.В. 2008. С. 7). Далее в главе «Причинно-системный подход в исследовании древнего города» (заголовок говорит сам за себя) автор определяет «общественно-историческую систему (каковой является и древний город) следующим образом: «*Общественно-историческая система — упорядоченная, логическая конструкция, модель, содержащая в своей основе набор постулатов и обладающая в своей совокупности общей функцией по отношению к метасистеме, что позволяет учёному (или научному коллективу) организовать исследования упорядоченным и осмысленным образом*» (Бондарь С.В. 2008. С. 45). Некоторое противоречие во фразе заметно сразу. Общественно-историческая система в ней определяется и как объект исследования (город), и как метод. Вся глава посвящена расшифровке «общественно-исторической системы» вплоть до многочисленных графиков сопряженности

разных понятий и явлений*. Парадокс заключается в том, что в книге вся сложная теоретическая схема не реализована и не могла быть реализована ввиду своей искусственности, а также в силу отрывочности исторических сведений и неоднозначности в понимании документов.

Теоретические поиски С.В. Бондарь интересны прежде всего как неудачная и потому поучительная попытка преодолеть неполноту и отрывочность источников обращением к умозрительной схеме. Этот опыт должен быть учтён и в хазароведении, где база источников по всем типам поселений ещё весьма скудна.

В ПОИСКАХ ХАЗАРСКИХ ГОРОДОВ

Мнение о существовании в Хазарском каганате *городов* (множественное число!) исподволь складывалось десятилетиями и стало чуть ли не аксиомой, проникшей даже в учебники (История евреев… 2005. С. 8). Так ли это?

Подойти к решению проблемы города в Хазарии позволяет строгое рассмотрение археологического материала в поиске того, могут ли некоторые археологические памятники каганата претендовать на определение «город». В самом общем виде программа исследований может быть сформулирована так: *город или что-то иное.*

Для Хазарии она может выполняться на основе планов поселений, размеров и объёма фортификационных сооружений, конструкции построек.

Вопрос об отделении ремесла от сельского хозяйства для каганата не стоит. Его ремесленники-профессионалы были рассредоточены в массе земледельцев и скотоводов. Структурированных поселений ремесленников, полностью оторванных от занятий сельским хозяйством, Хазария не знает. Есть места сосредоточения нескольких гончарных мастерских, как, например, Канцерка или «гончарная слобода» Маяцкого поселения. Но называть их «ремесленными центрами» невозможно. Работа в них была сезонной, в климате лесостепи она и не могла быть другой. Такой же сезонной была и выплавка железа в районе Ютановского городища и других местах. Безусловно, существовала категория бродячих мастеров в ремеслах, требовавших специальных навыков и инструментария, как ювелиры, кузнецы или косторезы (Флёрова В.Е. 2001*а*) и др. В данной работе тема ремесла в Хазарском каганате не рассматривается. Детально её можно изучать по раскопкам поселений.

* Перечислю только некоторые разделы и термины. Общественно-исторические системы являются сложными, нелинейными, целенаправленными, динамическими, многоуровневыми и т.д. Предлагаются различные иерархии, выраженные вербально и графически. Рассматриваются законы полярности и дуализма мира, преемственности и подобия, причинно-следственной связи, цикличности, альтернативности.

Тут уместно напомнить, что всегда существует соблазн, который очень часто реализуется в археологии: причислять к городам «большие» памятники, скажем, больше средних по площади поселения в данной археологической культуре. Путь весьма ненадёжный, особенно в отношении поселений и городищ неисследованных или с небольшим процентом вскрытых площадей.

* * *

М.И. Артамонов и его ученик И.И. Ляпушкин, заложившие основы современной салтово-маяцкой археологии, к социологическим вопросам поселений не обращались.

Проблема «город Хазарии» внедрена в археологическое хазароведение С.А. Плетнёвой, о чём заявлено в названии её книги «От кочевий к городам», в которой выделен раздел «Города». Название отражает прямолинейную схему развития каганата в указанном направлении, что неоднократно вызывало критику (Степанов Ц. 2002. С. 25). Тогда автор отнесла к ним Итиль, Саркел, Семикаракоры, Семендер, упомянуты «остальные неизученные» (Плетнёва С.А. 1967. С. 44–48).

Спустя двадцатилетие появляется обзорная статья С.А.Плетнёвой «Города кочевников» (Плетнёва С.А. 1987), посвященная в основном генезису указанных объектов. Археологический материал в ней занимает второстепенное место. О каганате сказано немного. Теоретическая основа статьи прежняя — «от кочевий к городам». Поэтому не удивляет вывод о появлении городов у кочевников «только на высшей стадии их экономического и социального развития — на третьей стадии (полуоседлости)» (Там же. С. 204, 205). В качестве примера приводится Итиль, который был *зимником* кагана, в то время

как основное население было уже *оседлым и земледельческим*. В связи с этим напрашивается перестановка акцентов. Экономику Итиля определяли всё-таки не традиции кагана, но основное производящее население, оседлое и земледельческое. Отсюда возникает вопрос о правомерности самого словосочетания «города кочевников». Это попытка соединить антиподы. Либо кочевники, либо города с постоянным населением, для которого и третья стадия кочевания — пройденный этап. Другое дело, что тенденции к оседанию проявлялись исподволь раньше.

Тезис С.А. Плетнёвой о том, что «первым вариантом образования степных городов было активное заселение окружающей *замок* территории и превращение её в ремесленный посад», вызывает у меня принципиальное возражение. Процесс при нормальных внешних условиях шёл в прямо противоположном направлении. Сами «замки» вождей возникали в опробованных местах, там, где ранее уже проявилась оседлость, существовало постоянное население. Миниатюрные «замки» не могли возникать в *безлюдной* степи. Концентрация населения была непременным фактором безопасности их существования. В археологическом плане это означает, что рядом с любой крепостью, каменной или кирпичной, или в окру́ге следует ожидать открытия более ранних поселений. Проверить мою версию можно при одновременных раскопках крепостей и соседних поселений, сравнивая датирующие (или дающие относительную дату) материалы.

Лишь в пограничных зонах крепости могли по необходимости ставиться в незаселённых местах, но это уже не «замки феодалов»*, а оборонительные пункты государственного образования или местного вождя (к теме замков я вернусь в разделе о Правобережном Цимлянском городище). Становление пограничной крепости тоже требовало привлечения большого числа населения как рабочей силы для строительства, защиты, обслуживания и постоянно как производителя сельхозпродукции. Однако концентрация населения около крепости не означает, что возник «город». Забегая вперёд, отмечу, что таким объектом с некоторыми натяжками мог быть только Итиль. Всё-таки не

* С.А. Плетнёва часто использовала определения «замки», «феодалы». Надо учитывать, что к Хазарскому каганату они применимы условно.

случайно раздел об Итиле Б.Н. Заходер назвал «*Зачатки* городской жизни» (Заходер Б.Н. 1962. С. 167).

В 2002 г. выходит ещё одна статья С.А. Плетнёвой по проблеме городов в Хазарии. В ней исследовательница начала отказываться от прямолинейных решений (Плетнёва С.А. 2002). Комментировать её из-за многих противоречий очень сложно. В ней можно усмотреть попытку, хотя очень непоследовательную, пересмотра прежних взглядов автора. Обращают на себя внимание нюансы. Так, статья снабжена подзаголовком «К постановке проблемы», хотя именно сама исследовательница, дважды подчеркнувшая свой приоритет, поставила проблему уже более сорока лет назад, а отнюдь не «впервые». Выделяя интересующие нас более всего степные памятники, собственно салтово-маяцкие, С.А. Плетнёва предлагает неустойчивые характеристики памятников, проявляя в них заметные колебания. Не случайно она допускает возражения своим выводам. Показательна фраза «…некоторые памятники, привычно считавшиеся в археологической науке городами, таковыми вряд ли являются» (Там же. С. 123). Но «привычно» можно было отнести только к немногим археологам, но не к археологической науке вообще.

Заметна неустойчивость и в терминологии. Такие определения, как «провинциальный пограничный *городок*», «небольшой *городок*» и аналогичные, не помогают решению проблем. Предваряя описание «поселений» Верхнесалтовского, Маяки, Малого Сидоровского, Ютановского, Маяцкого, С.А. Плетнёва определяет их как «города?», но в дальнейшем знак вопроса исчезает.

В качестве второго типа городов С.А. Плетнёва впервые выделяет *степной.* Собственно степные Саркел и Семикаракоры ею из разряда городов исключены, с чем, впрочем, я полностью согласен.

Автор по-прежнему полагает, что «степные города» Хазарии выросли из «ставок (стойбищ) богатейших аристократов». В этом её позиция неизменна, хотя археологически это не подтверждено ничем. В качестве примера исследовательница называет ненайденный Итиль, что, разумеется, доказательством служить никак не может. Доказательства надо искать не в теории, не в наших «соображениях», а в полевой практике. Прежде всего необходимо встретить соответствующую стратиграфиче-

скую ситуацию, минимум двухслойную. Но как отличить слой обычного поселения от слоя «стойбища кагана»? На современном уровне знаний салтово-маяцких поселений и хронологии керамики это практически невыполнимая задача.

* * *

Непосредственно систематизацией критериев «городов» Хазарского каганата никто серьёзно не занимался. Мне удалось найти лишь одну публикацию на эту тему: тезисы В.А. Катунина (Харьков). Несмотря на обещающее название, она разочаровывает (Катунин В.А. 2000. С. 187, 188). Автор предложил для выделения городов Хазарии просто использовать «разработанные А.В. Кузой для древнерусских городов» критерии. Такой перенос признаков памятников из одной культурной среды в иную принципиально неприемлем. Неудивительно, что автор вынужден из списка А.В. Кузы исключить монументальное зодчество и тип городской застройки. Катунин не остановился на Хазарии, но пошел далее, предлагая распространить систему А.В. Кузы на Волжскую Болгарию, Иран, Византию и даже Западную Европу. Как я попытаюсь показать в заключении очерка, самим хазароведам необходимо досконально изучать вековой опыт западной и восточной медиевистики по проблеме города.

В предлагаемом ниже обзоре рассматриваются городища, в основном с каменной и кирпичной фортификацией, бассейна Дона с его главным притоком Северским Донцом — территория, где культура Хазарского каганата, салтово-маяцкая, сложилась и в дальнейшем развивалась в чистом виде. Именно для этого региона и необходимо решать вопрос о «городах» Хазарии. Но привлечены и памятники соседних регионов, Крыма, Дагестана, Чечни, для которых чаще всего можно встретить определение «города Хазарии», что далеко не так.

* * *

Археология в рассмотрении поселений даёт большие преимущества в сравнении с письменными традициями. Предмет её изучения достаточно конкретен, источники практически неисчерпаемы. Следует учитывать и то, что на планы, фортификацию и постройки раскапываемых поселений проецируются конкретные предметы древнего обихода.

В подходе к хазарским «городам» особо выделю два признака. При этом под «*хазарскими*» подразумеваются исключительно памятники в бассейне Дона и, возможно, Итиль. Речь идёт о городищах, возведённых самим населением каганата, а не наследованных от предшествующих эпох.

1. Архитектурно-планировочный облик. При обращении к памятникам любой древней культуры его исключать невозможно. Он материально (до визуальности), *археологически* отличает город от села/деревни. В нём отражаются социальная структура городского населения, его состав и организация. Всё-таки облик поселения как *города* (не села!) определяли не жилища знати/аристократов, не культовые строения, а тип и структура расположения жилищ горожан с их образом жизни и занятиями. Даже при наличии письменных источников только археология во всей полноте даёт представление о плане и архитектуре древнего города. Город без рядового городского населения — это нонсенс. Не буду развивать эту многократно обсуждавшуюся тему. За нею встаёт не менее сложный вопрос о функции того или иного поселения, которому присваивается название «город», о городах-крепостях и т.д. Здесь теория города должна неразрывно сочетаться с конкретикой исследуемых поселений и общества, к которым они принадлежали.

2. Структура. Как ни странно, признак не однозначен. Нет ясности, что включать в состав «города», только ли городища или вместе с ними и прилегающие открытые поселения. Появляется большой соблазн начать некоторые игры с термином «посад».

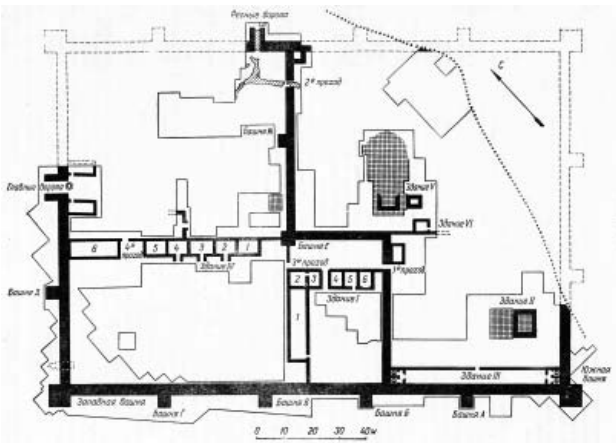
Ниже я коснусь лишь некоторых археологических памятников исключительно с целью показать состояние проблемы «существовали ли в Хазарии города?». Будут упоминаться преимущественно те же археологические памятники, что и в статье С.А. Плетнёвой (2002). Все они известны по многим публикациям. Поэтому я предельно ограничу ссылки на издания. Это преимущественно памятники с кирпичной или каменной фортификацией. Обращение к некоторым городищам с валами (Сидоровское, Андрей-аул, Маяки) спровоцировано другими авторами, представляющими их остатками городов.

Бассейн Дона — Северского Донца

САРКЕЛ–БЕЛАЯ ВЕЖА

М.И. Артамонов о Саркеле

С.А. Плетнёва пишет, что в 30-е гг. М.И. Артамонов «утверждал», среди прочего, что «в первой половине X в. Саркел был уже городом, о чём свидетельствуют остатки ремесленных мастерских» (Плетнёва С.А. 1996. С. 6). М.И. Артамонов не только не *«утверждал»* этого, но и никогда не занимался теоретическим вопросом, является ли Саркел городом (Рис. 1, 2). В археологических разделах своих трудов М.И. Артамонов избегал поверхностного теоретизирования, предпочитая анализировать непосредственно источники. Только в связи с сообщением Константина Багрянородного он дважды употребил термин «город». Типичное выражение М.И. Артамонова — «*городище*», не только для Саркела, но и для Правобережного Цимлянского, Потайновского и других. Характерные же для Саркела — «кирпичная крепость» или «крепость» (Артамонов М.И. 1935. С. 81–85 и сл.). Гораздо более показательна итого-



Илл 1. Саркел. Общий план крепости

Илл. 2. Раскопки Саркела. Аэрофотоснимок, 1951 г.

вая статья М.И. Артамонова, в которой Саркел недвусмысленно назван крепостью (Артамонов М.И., 1958. С. 11, 48).

Уровень развития ремесла в Саркеле ничем не отличался от общего для каганата. М.И. Артамонов упоминает несколько гончарных печей и косторезное дело. Что касается мастерских, на которые ссылается С.А. Плетнёва, то известна одна (!): «Несомненных следов металлургического производства в хазарском слое Саркела не найдено, за исключением одной кузницы…» (Артамонов М.И. 1958. С. 39–43).

Белую Вежу, т.е. Саркел русского этапа, М.И.Артамонов действительно называл городом и в последних работах, явно в соответствии с ситуацией своего времени. Но в 1934 г. он отмечал, как неверно оценённые результаты раскопок, проведённых в течение нескольких дней, способствовали «возвеличиванию» Белой Вежи. «…Произведённые здесь (на городище. — *В.Ф.*) Сизовым и Веселовским раскопки дали крайне неотчётливый материал, среди которого наиболее заметное положение заняли вещи русского происхождения, в связи с чем *явилась тенденция рассматривать Цимлянское городище как русский город, как*

форпост русской культуры в её распространении к Востоку для одних, или же даже, как указание на глубокую древность русского населения на Дону и движения его на запад для других» (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 122).

То, какие разные определения давал М.И. Артамонов в разное время Саркелу и Белой Веже, хорошо прослеживается по архивным материалам, опубликованным в книге Н.А. Медведенко. При том что в ранних заметках по отношению к Саркелу можно встретить и «город», и «крепость», медленная трансформация в сторону «крепости» очевидна. До и после раскопок 1934 г. Артамонов прямо говорит о *городе* Саркеле (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 119, 122), но тогда же появляется и двоякое «*город-крепость*» (Там же. С. 124). Однако уже в 1935 г. после двух сезонов раскопок встречаем более ясную формулировку: «Можно говорить, что это действительно было *укрепление*, которое *превратилось в город, в ремесленный центр в русскую эпоху*». Знаменательно завершение: «Но для меня Саркел интересен только до этого момента» (Там же. С. 127). Объявить год спустя отсутствие интереса к русскому городу было бы небезопасно, тем более в конце 40-х — начале 50-х гг. XX в.

В 1949 г. в тезисах к выступлению на Пленуме ИИМК Белая Вежа названа «городом», а её могильник «городским кладбищем», но в тезисах 1950 г. «кладбище» лишь дополняет данные «*городища*» (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 134, 135). И тем не менее Белую Вежу в итоге он относит к специфическим «пограничным *городам-крепостям*» (Артамонов М.И. 1958. С. 56).

Особенностью Белой Вежи была её территориальная удалённость от собственно русских земель. Отсюда необходимость самообеспечения продуктами как ремесла, так и сельского хозяйства. Последнее же «было необходимым условием развития всех других, уже собственно городских видов хозяйственной деятельности» (Артамонов М.И. 1958. С. 65).

Не в укор М.И. Артамонову замечу, что несколько завышенную им оценку ремесла беловежцев надо объяснять опять-таки политическими особенностями времени, в которое писалась статья. Но, декларировав в тезисах к Пленуму ИИМК 1952 г. (время борьбы с космополитизмом) обнаружение «*многочисленных* ремесленных мастерских русского периода», назвать он смог всего две — кузницу и мастерскую по обработке янтаря (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 136). После известной публикации в газете «Правда», по сути отстояв все свои основные позиции на заседании Ученого совета ЛГУ, М.И. Артамонов обязан был произнести: «Материалы, полученные раскопками Саркела–Белой Вежи, убедительно свидетельствуют о превосходстве русской славянской культуры над предшествующей хазарской». А по-другому сравнивать в той конкретной ненормальной политической ситуации культуры славянскую и салтово-маяцкую было немыслимо. Любопытно, что уже в 1958 г. он замечает, что и эта кузница возникла, кажется, в хазарское время (Артамонов М.И. 1958. С. 43). Невозможно представить, что *археолог* Артамонов не видел несравнимо более высокий уровень материальной культуры Хазарского каганата во всех её проявлениях.

Сегодня известно, что в выработке черных металлов и изделий из них каганат опередил славян даже хронологически, а в гончарном ремесле превосходил во все века своего существования. Да и в целом салтово-маяцкая культура несравнимо выше культур соседних славянских племён, в частности боршевской.

В итоге, оценивая сегодня высказывания М.И. Артамонова о Саркеле, как и о Белой Веже, надо постоянно помнить, что в его время проблема «город в Хазарском каганате» во всей её полноте не стояла. Само собой подразумевалось, что города в Хазарии были, как известные по именам, так и ещё не найденные. Что касается «замка», Правобережного Цимлянского, то такое определение возникло по иной причине. Правобережная крепость рассматривалась им в русле противостояния местных «феодальных образований» и центральной власти (в: Медведенко Н.А. 2006. С. 121), а где речь заходила о феодализме, там появлялся и «замок» — укрепление феодала, как аллюзия Западной Европы. Но тему феодализма в Хазарии М.И. Артамонов в своих исследованиях глубоко не затрагивал. В течение всей творческой жизни изучая Хазарский каганат во всех его иных проявлениях, он подытожил: «Не следует забывать, что Хазарское государство было первым, хотя и примитивным, феодальным образованием Восточной Европы, сложившимся на местной варварской основе, не прошедшей через рабовладельческую формацию» (Артамонов М.И. 1962. С. 37). «Государство, феодальное», но при этом, обратим внимание, — *примитивное образование.* «Образование» — что-то неопределённое, аморфное, неустойчивое. Обра-

щаясь к творческому наследию М.И. Артамонова, необходимо учитывать, когда и по какому случаю дано то или иное заключение. Многие археологические представления и высказывания раннего М.И. Артамонова сегодня имеют лишь историографический интерес, но знать их необходимо, чтобы понимать, как складывались не только его поздние взгляды, но и положения современного хазароведения, в том числе и ошибочные.

«Саркел и “Шёлковый путь”»

Это программное название носит книга С.А. Плетнёвой, требующая отдельного и детального рассмотрения по многим вопросам (Плетнёва С.А. 1996), что выходит за рамки нашей темы.

Трактовке Саркела как «перевалочного пункта (на северном ответвлении Великого шёлкового пути. — *В.Ф.*) и крупнейшей таможни в стране» (Там же. С 150) противоречит констатация в заключительном разделе книги: «Высказанные гипотезы об экспорте* в Саркеле и через Саркел в IX в. основаны на *крайне небольшом количестве конкретных материалов* на памятниках. *Что же касается прямой связи Саркела с «шелковым путём», то их по существу нет»* (Там же. С. 153; выделено мною. — *В.Ф.).* К этому приходится добавить, что реконструкция двух отсеков крепости как «караван-сараев» построена на серии предположений. «Сохранность всех помещений очень плохая», — отмечает автор. Другими словами, сам археологический источник ненадёжен, отсюда выделение «гостиничного комплекса», двухэтажность зданий и трактовку каждого помещения (Там же. С. 35–56) принять не представляется возможным. Впрочем, ещё М.И. Артамонов, ориентируясь на толщину стен и допуская, что здания могли быть двухэтажными, объективно подчеркнул, что «никаких следов вторых этажей, хотя бы в виде остатков лестниц, которые вели наверх, не сохранилось» (Артамонов М.И. 1958. С. 18).

Было бы некорректно с моей стороны умолчать, что и М.И. Артамонов в тезисах по итогам раскопок 1950 г. упомянул здание «типа караван-сарая» (в: Медведенко Н.А., 2006. С. 134), но затем к этой версии не возвращался никогда.

* Вероятно, не экспорте, а импорте, так как далее речь идёт об «импортных», т.е. привозных, предметах: согдийской фигурке слона и самаркандской бумаге. О малочисленности восточных импортов в каганате см.: Равич И.Г., Флёров В.С. 2000.

В связи с проблемой «караван-сарая» отвечу на небольшую реплику Ф.Х. Гутнова на мою совместную с И.Г. Равич публикацию по поводу случайного, не в качестве товара, попадания в Саркел шахматной фигурки и бумаги среднеазиатского происхождения, а в погребение у Большой Орловки — восточного блюда. Наше сомнение в регулярных торговых связях с Востоком, если угодно, по ответвлению Шелкового пути, ввиду недостатка археологических подтверждений, Ф.Х. Гутнов назвал «излишне принципиальным подходом». Приходится заметить: принципиальность не имеет степеней (не может быть излишней или недостаточной). Не будем, однако, придираться к неудачному выражению, но нельзя не считаться с тем, что Саркел (Левобережное Цимлянское городище), как и соседнее Правобережное Цимлянское городище, раскопки которого ныне возобновились, не дают оснований для противоположного утверждения. Иное дело, что в культуре каганата и сопредельных территорий прослеживается много связей с культурой Средней Азии, в частности Согда (в поясных наборах, даже в прикладном искусстве — Флёрова В.Е. 2001*б*), но это совершенно иное явление, требующее специального изучения. Возражая мне и И.Г. Равич, Ф.Х. Гутнов пишет: «Саркел первоначально представлял собой крепость, *специально* (выделено мною. — *В.Ф.*) построенную для размещения в ней караван-сарая для остановок проезжавших по Хазарии купеческих караванов» (Гутнов Ф.Х. 2007. С. 247). Откуда такая уверенность? Ссылка на «дословный перевод» С.А. Плетнёвой топонима «Саркел» как «белая гостиница» не может быть принята. С.А. Плетнёва, кстати как и автор данных строк, не владела восточными языками. Напомню, *что* писал о переводе слова «саркел» Б.Н. Заходер: «История расшифровки этого названия настолько почтенна, что сама по себе может стать темой для очерка» (Заходер Б.Н. 1963. С. 192).

* * *

Саркел (Левобережное Цимлянское городище) — это кирпичная миниатюрная крепость, 178,6 х 117,8 м по внутреннему периметру. В жилищах нет ни малейших признаков, отличающих эти постройки от известных по сельским поселениям. Ничем не выделяется и материальная культура. Кирпичные помещения внутри крепости, на мой взгляд, вероятнее всего складские по-

мещения, арсеналы. Для жилья они мало пригодны, особенно в зимнее время, так как для поддержания внутри них плюсовой температуры требовался бы большой расход топлива.

Раскопки не дали никаких оснований полагать главной функцией Саркела «торгово-таможенную деятельность», что приписывает ему С.А. Плетнёва. Процент находок импортных видов керамики (амфоры и др.) здесь не больше, чем на других памятниках Нижнего Дона. Заметим, что амфоры из Саркела имеют не восточное, а причерноморское происхождение, как и более редкие на Дону красноглиняные баклажки и эйнохои. Во всём облике культуры Саркела нет ничего, что позволяло бы говорить о «*сходстве* этой крепости *с городком*» (Плетнёва С.А. 2002. С. 118). В конечном итоге *С.А. Плетнёва признаёт: «У нас нет данных говорить о том, что Саркел был городом»* (Там же). Мало того, в заключительной главе книги в связи с дискуссией по известной формулировке «…и градъ ихъ и Белу Вежу взя…» *С.А. Плетнёва прямо пишет о Саркеле* как о *«посёлке, ещё даже не ставшем городом»* (Там же. С. 157). Казалось, это определение станет окончательным. В дальнейшем выясняется, что это не так.

В 2006 г. выходит новая книга С.А. Плетнёвой, посвящённая теперь беловежским слоям Левобережного Цимлянского городища. Буквально первыми словами введения к книге значатся — «хазарский крепость-город Саркел» (Плетнёва С.А. 2006. С. 30; далее указываются только страницы). Затем следуют определения «небольшой город» (С. 5), «сравнительно небольшая крепость» (С. 8), «городок» (С. 11). В посвященной непосредственно Саркелу первой главе преобладает определение «крепость», при этом автор напомнила, что каган и пех просили Феофила о помощи в постройке именно *крепости* (С. 13). Сохраняется и прежняя версия о «караван-сарае» (С. 17 и др.). В третьей главе говорится о «существовании Саркела, как крепости, а затем городка» (С. 36). И, наконец, в завершающей главе («Вместо заключения») на с. 236 наряду с «городом-крепостью» трижды твёрдо повторено «*город*».

Нетрудно видеть, что в характеристике Саркела С.А. Плетнёва постоянно колеблется. Когда возобладал опыт исследователя-археолога, она не могла не признать, что говорить о Саркеле как городе нет оснований. Но в большей части определений проявляется стремление несколько «возвысить» Саркел, изучению материалов раскопок которого она посвятила много сил, проведя его по ступеням от «сравнительно небольшой крепости» к «крепости», от «посёлка» к «небольшому городку» и через «город-крепость» уже к «городу».

Позволю себе, может быть, не совсем уместный приём: попробуем мысленно убрать окружающие Саркел стены и его четырёхчастное деление. Останется не очень большое поселение, во много раз уступающее, скажем, исследованному руководимой С.А. Плетнёвой экспедицией Маяцкому поселению.

Вся суть Саркела в назначении его как крепости, в его кирпичных мощных стенах и башнях.

В связи со взятием войском Святослава «и *града* их и Белой вежи». В данном случае для нас не имеет значения, относится «град» к Итилю или Саркелу (Артамонов М.И. 1962. С. 426). Любопытен этот небольшой фрагмент из летописания в другом отношении — косвенно он указывает на впечатление славян от Саркела и Итиля. Никак иначе как «градами» они и не могли воспринимать великолепный кирпичный с многочисленными башнями Саркел, а тем более Итиль с кирпичным «дворцом». Ничего подобного в середине X в. на Руси не было.

Белая Вежа

Обзор проблематики Белой Вежи не входит в задачи моего исследования, и я лишь выражу своё мнение по поводу определения её С.А. Плетнёвой как города. Не касаясь содержания книги, замечу, что это определение программное, так как вынесено в заголовок книги «Древнерусский город в кочевой степи». В этом читается явное противопоставление. С одной стороны, город, к тому же древнерусский, с другой — чужая, не-русская, кочевая степь.

По поводу «древнерусский город». Это можно воспринимать только в древнерусском понимании города — ограждённое стенами поселение. Позволю себе заметить, если кирпичный Саркел воспринимался славянами как город и как чудо строительной техники, то нам такая оценка непозволительна.

От «древнерусского» в захваченном славянами Саркеле ничего нет. Он не построен славянами. Ими он занят и в дальней-

шем используется как опорный пункт, крепость, какой он и был изначально. Пришлое население осело в крепости, построенной отнюдь не в древнерусских традициях. С собою оно принесло лишь свою бытовую, «этнографическую» культуру.

Не была Белая Вежа городом и в социальном плане. Её население — это гарнизон с семьями и остававшееся немногочисленное местное население. У подножия стен не возник посад, а если точнее, о нём ничего не известно.

Не могу вслед за М.И. Артамоновым согласиться с выводами С.А. Плетнёвой о небрежном отношении нового гарнизона к крепостным стенам. Кирпичи для собственных нужд могли извлекаться из ветшавших внутренних строений. В целом же на основе археологических данных вопрос просто не решаем, так как стены и башни были уничтожены в конце XIX в. Но то, что они сохранялись до этого времени, как раз свидетельствует против их разрушения во времена существования Белой Вежи. Предположение о разрушении стен в беловежское время противоречит другому предположению С.А. Плетнёвой — о сооружении беловежцами большого (второго) «рва».

Сам «ров», однако, приводит нас к иной проблеме, которой она посвятила большой раздел книги (Плетнёва С.А. 2006. С. 121–128): действительно ли это ров? Остаётся необъяснённым, почему всё-таки грунт из рва вывозили на 50–100 м на внешнюю (!) сторону вместо того, чтобы использовать его сразу на сооружение вала. С учетом этого и того, что дата сооружения «рва» неизвестна, а на охваченной им территории нет никаких культурных остатков, я всё-таки склонен видеть в этом объекте не ров, а естественную протоку. Вероятно, образованный ею и руслом Дона островок и был признан удобным местом для строительства Саркела (на большом естественном острове в пойме левобережья Дона стояла на берегу протоки Семикаракорская крепость; два оврага, впадавшие в долину Дона, обороняли Правобережную Цимлянскую крепость). Протока была естественным препятствием на подходе к крепости, но отнюдь не непреодолимым. Добавлю, что сама автор отметила, что аналогов беловежскому «рву» на Руси нет. Для более достоверного решения дилеммы «ров или протока» должны быть привлечены детальные карты местности вокруг Саркела до образования водохранилища со всей сетью протоков*. Наконец, должен обратить внимание на то, что всё левобережье Дона от излучины до Азовского моря — это громадная полоса протоков, ериков, пересохших и действующих поныне. Должен признаться, что у меня нет уверенности, что и малый ров у стен Саркела не был естественной протокой, может быть с подработанными (эскарпированными) берегами.

Об уличной планировке в Саркеле

Я обращаюсь к более ранней, чем книга, статье С.А. Плетнёвой не с точки зрения выводов, а хочу обратить внимание на систему доказательств, применённых в ней (Артамонова О.А., Плетнёва С.А. 1998**). Подводя итоги разделу о слоях Белой Вежи, С.А. Плетнёва пишет: «Размещение жилых домиков на раскопанной площади (цитадели. — *В.Ф.*) *несомненно* подчинено определённому порядку — рядами». ... «Выявленная рядность охватывает, к сожалению, *только 16 построек* в полупластах. Размещение остальных представляется беспорядочным». Остановимся. С одной стороны — *«несомненно»*, с другой — незначительность выборки и беспорядочность остальных. Продолжим: «Разбросанные вокруг рядов остатки синхронных построек, погребов и ям *затрудняют выявление проездов* (дорог) вдоль них, т.е. *возможности предположить* наличие *уличной планировки*». Ситуация, кажется, ясна: из-за плохой сохранности слоя решение вопроса об улицах затруднено, но тем более неожиданно читать следующее заключение. «Однако рядность и *вероятность* существования (*или* начала формирования) улиц *дают основание считать*, что Белая Вежа *превращалась* из поселения в город» (Там же, с. 599). Но *вероятность* не может служить *основанием для выводов!* В последнее время об этом пишут многие авторы. Всё приведённое находится в разделе, название которого без всяких оговорок определяет концепцию автора: «Городская застройка».

---

* С Саркелом — Белой Вежей связано много нерешенных проблем, а сам памятник остался недоисследованным. Я уверен, когда-то он станет доступен археологам для продолжения раскопок, в том числе на прилегающей территории.

** Надо иметь в виду, что авторство О.А. Артамоновой номинально, так как вся статья написана С.А. Плетнёвой.

Необходимо пояснить, откуда могла появиться «рядность» в цитадели Белой Вежи. Она стала следствием прямоугольного плана и миниатюрности цитадели — размером всего, округляя, 55 х 65 м. Рядность в таких условиях не могла не появиться хотя бы в расположении первых строений без всякого стремления создать улицу, но затем и эта первоначальная упорядоченность нарушается. Впрочем, последнее заметила и сама С.А. Плетнёва.

* * *

История Белой Вежи — это в миниатюре история Тмутаракани. Последняя также была на некоторое время захвачена славянами, которые не оставили следов собственного монументального строительства, а на культуру города не оказали никакого влияния.

Не следует переоценивать значение Белой Вежи в истории Руси. Меня всегда занимало, каким образом маленькая Белая Вежа могла выживать в таком удалении от метрополии. Открытие последних лет намечает ответ на этот вопрос. В нескольких десятках километров северо-западнее Белой Вежи ростовский археолог Р.В. Прокофьев исследует у г. Белая Калитва на Северском Донце «древнерусское» поселение «Длинное», датируемое им XII–XIII вв. (Прокофьев Р.В. 2005). В какой мере оно современно Белой Веже, решать специалистам по хронологии керамики этого времени, жилища там пока неизвестны. Отмечу обращение автора к беловежским аналогам костяных изделий, а также упомянутые им салтово-маяцкие традиции в лощёной керамике. Таким образом, есть основания ожидать открытия на пути из Белой Вежи на Русь цепочки поселений, в том числе со славянской и древнерусской керамикой X — начала XII вв.

Как инженерное сооружение кирпичная крепость Саркела — инородный элемент, имплантированный в культуру каганата. В итоге образовался симбиоз византийской фортификации, уходящей корнями в римскую, и обычных для Хазарии примитивных жилищ-полуземлянок. Для выяснения структуры Саркела было бы гораздо важнее знать, что находилось на территории, охваченной рвом. С.А. Плетнёва пишет, *что* «саркельцы не селились вне стен крепости» (Там же), но именно этого мы не знаем, поскольку указанная территория осталась неисследованной.

Все силы Волго-Донской экспедиции были брошены на раскопки кирпичной крепости.

Как в отношении Саркела, так и в отношении Белой Вежи мнение С.А. Плетнёвой осталось неопределённым. То она «торгово-ремесленный посёлок» (как преемница Саркела) и «городок с синкретичной древнерусско-степной культурой» (1996. С. 157), то «древнерусский город».

По поводу культуры Белой Вежи. Вопрос очень важный для определения его социально-экономического статуса. Материальная культура Белой Вежи не сложилась в синкретичную, так как не произошло слияния культур разных этнических групп, её населявших. Прежде всего это видно по керамике. Белая Вежа не была котлом, в котором переваривались бы культуры разного происхождения, что как раз и должно быть одним из признаков города, каковым она всё-таки не стала.

Ошибочно считать изучение материалов раскопок Саркела — Белой Вежи завершенным. Оно должно быть продолжено без оглядки на существующие мнения. В первую очередь это относится к богатой керамической коллекции из собрания Государственного Эрмитажа, а также всему комплексу жилищ. В ещё большей степени необходимо новое изучение могильников Саркела — Белой Вежи.

* * *

В серии публикаций *С.А. Ромашова* об исторической географии Хазарского каганата одна посвящена его городам. Перечисляя «основные города» каганата, в их число Ромашов включает и «крупнейшую хазарскую крепость» Саркел (Ромашов С.А. 2004. С. 185). Отмечу сразу, что проблему «что считать городом в Хазарии» автор не рассматривает, поскольку его интересует лишь вопрос локализации её населённых пунктов, упоминаемых в нарративных источниках. С этой точки зрения работа Ромашова не подлежит здесь критическому рассмотрению. Обратим внимание, однако, на некоторые несоответствия в позиции С.А. Ромашова по проблеме «город». Следовало бы более строго относиться к терминологии: либо «город», либо «крепость». Это не только формальное требование. Обойти это противоречие автор мог, остановившись на термине «населённые пункты», с которого и начинается его статья (см. ниже определение Ити-

ля Б.Н. Заходером). В другом месте публикации, вероятно, в невольной попытке обойти противоречие Ромашов называет Саркел «городом-крепостью» (Там же, с. 216).

Нельзя не отметить и уже ставшую «штампом» в историографии особенность: из нижнедонских крепостей обращать внимание только на Саркел.

Пример С.А. Ромашова типичен почти для всех историков каганата — исключать из истории каганата неоднократно упоминаемые в литературе от Х.И. Попова, В.И. Сизова до М.И. Артамонова и С.А. Плетнёвой не менее крупные крепости: например, Правобережную Цимлянскую. Значительно превосходила Саркел по площади Семикаракорская крепость, а совершенно недавно открыта Камышевская белокаменная крепость. Игнорирование (или незнание) этих археологических памятников привело к тому, что, касаясь традиционного вопроса «против кого построен Саркел?», С.А. Ромашов как на само собою разумеющееся указывает на венгров. В таком случае мы должны поставить вопрос, против кого построены перечисленные нижнедонские крепости, и ответ в отношении Саркела окажется не столь очевидным. Или вся цепочка нижнедонских крепостей также построена против венгров?

А.Н. Поляк о двух Саркелах

В написанной до 1967 г., но тогда не изданной статье А.Н. Поляка есть небольшой раздел, в котором автор касается давней проблемы местоположения Саркела. Об этом не стоило бы упоминать, если бы статья не была опубликована совершенно недавно. Используя данные металлической карты XV в. из Ватикана и карты XVII в. Гондиуса, А.Н.Поляк предлагал следующее: «…Не следует ли считать, что два мнения, имеющиеся в русской и советской науке о местоположении Саркела (на Дону, у волока, и на Дону, у станицы Цимлянской), скорее дополняют друг друга, нежели противоречат одно другому? Город Саркел был на волоке. Если выстроенная хазарами в IX в. (с византийской технической помощью) крепость входила в состав Саркельской земли (или охраняла подступы к городу Саркелу) (везде разрядка моя. — *В.Ф.*), то её могли назвать по имени Саркела (а тем более за рубежом, в Византии)… Она должна была иметь и своё особое название, хотя бы менее известное тогда за пределами данных земель» (Поляк А.Н. 2001. С. 95).

Заранее предостерегу от соблазнительной попытки связать версию о двух Саркелах с известным сообщением Повести временных лет о взятии Святославом Белой Вежи ***и*** города.

Переволока должна находиться на территории современной Волгоградской области. Последняя в археологическом плане обследована достаточно хорошо, но следы «города», т.е. значительного по площади археологического памятника хазарского времени, в месте сближения Дона и Волги к 60-м гг. прошлого века не находили (как и сегодня). Наверняка зная об этом, А.Н. Поляк полагал, что в результате запустения степей в период упадка Золотой Орды предполагаемый город Саркел превратился в «город-призрак».

О будущих раскопках Саркела–Белой Вежи

Постановка вопроса об этом только на первый взгляд кажется невероятной. Цимлянское водохранилище безостановочно расширяется, разрушая свои берега, уничтожая не только памятники археологии (гибнет Правобережное Цимлянское городище), но и современные населённые пункты, пахотные земли. Одновременно оно мелеет, стареет подпорная плотина Цимлянского гидроузла. Перспективы на ближайшие десятилетия те же, что были просчитаны ещё тридцать(!) лет назад (Цимлянское… водохранилища, 1977. Рис 72). Водохранилище превратилось в зону экологического, народнохозяйственного и археологического бедствия. Неизбежно рано или поздно встанет вопрос о преобразовании или ликвидации водохранилища. Вот тогда-то и появится возможность, расчистив над Саркелом донные наносы, продолжить исследования не только крепости, но и территории внутри большого вала, могильников в насыпях. Безусловно, многое из ныне спорного прояснится.

* * *

В связи с темой Саркела вынужден упомянуть попытку автора из Ростова-на-Дону П.А. Ларенка возродить старую версию о том, что под Саркелом следует понимать не только Левобережное Цимлянское городище, но и Правобережное Цимлянское. С открытием же рядом с Правобережным ещё одного, Камыши-

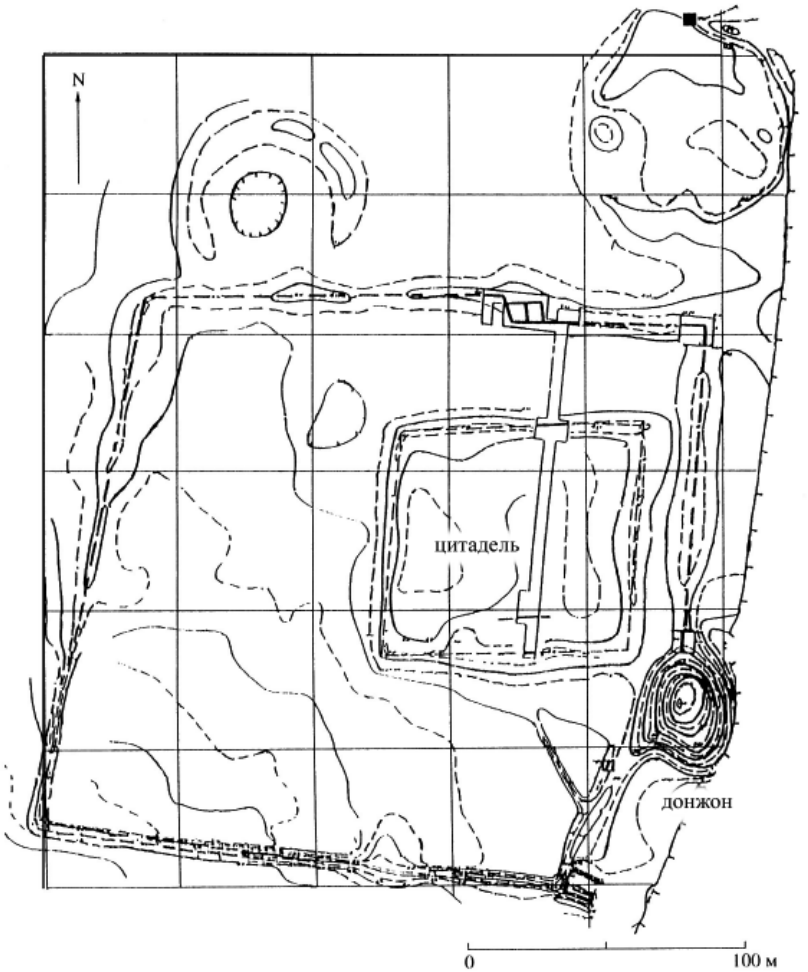
но*, в этот «город» включено и оно (Ларенок П.А., Семёнов А.И. 1999. С. 31, 32). В сети Интернета на сайте коммерческой организации «Донское археологическое общество» (25.11.2003), возглавляемой П.А. Ларенком, эта «идея» оформлена следующим образом: «На степных просторах Нижнего Дона… существовал огромный по средневековым меркам город, имевший сложную систему укреплений и несколько частей, выполнявших различные функции. Здесь была торгово-ремесленная часть (Левобережное городище…), и укреплённый военно-феодальный замок (Правобережное Цимлянское городище), и, как можно предположить из скромных по площади раскопок Саркела-3, политико-административная часть, а возможно, и одна из многочисленных резиденций хазарского кагана». Ничего не остаётся, как удивляться смелости фантазии автора.

СЕМИКАРАКОРЫ

Как единственный на сегодня археолог, проводивший раскопки на Семикаракорском городище, могу констатировать, что данных, которые позволили бы ставить вопрос об этом памятнике как остатках города, не обнаружено (Флёров В.С. 2001, 2009*а*, 2009*б*). Размеры крепости, сложенной из сырцового кирпича, невелики (хотя она и превосходит Саркел) — 200 х 215 м (рис. 3, 4). Сам я никогда не писал о возможности видеть в Семикаракорах город. В своё время С.А. Плетнёва писала о Саркеле и Семикаракорах как о «крепостях-городах» (Степи Евразии. 1981. С. 67). Позднее она от определения «город» отказалась (Плетнёва С.А. 2002. С. 118).

В целом же структура Семикаракорского комплекса на сегодня не выяснена. За пределами крепости у её юго-западного угла собрана керамика, что указывает на возможность существования рядом с крепостью открытого поселения. Однако называть такое поселение «посадом» или «рабадом» (Плетнёва С.А. 2002.

* А.И. Семёнов и П.А. Ларенок назвали его «Саркел-3». О неприемлемости такого наименования, вносящего путаницу в номенклатуру цимлянских городищ, я уже писал (Флёров В.С. 2002. С. 161). Вместо этого я предложил называть этот памятник Камышевское (или Камышино) по названию соседней балки.

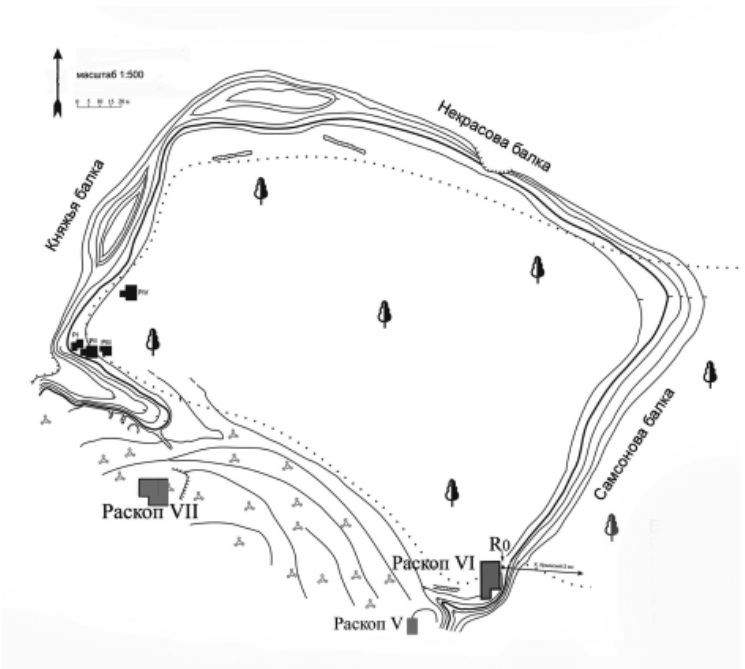


Илл. 3. Семикаракорское городище. План В.С. Флёрова, 1971

С. 118) ни в коей мере нельзя, поскольку в целом, как уже сказано, нет ни малейших оснований видеть в Семикаракорах город. То же самое касается и Саркела, для которого С.А. Плетнёва поднимает вопрос о посаде (Там же).

В цитадели Семикаракорской крепости были постройки из кирпича, крытые черепицей. Их размеры и планы пока неизвестны. Само существование кирпичных сооружений — единственный признак, позволяющий предполагать, что крепость могла быть одной из ставок кагана, но не городом.

Илл. 4. Семикаракорское городище. Башня на северной стене крепости. Раскопки В.С.Флёрова, 1973 г.



Илл. 5. Крымское городище (по: Иванов А.А. 2010)

Одно замечание, выходящее за рамки темы. С.А. Плетнёва пишет, что в отличие от Саркела Семикаракорская крепость построена «по местным традициям», явно имея в виду преобладание на Семикаракорах сырцового кирпича, что якобы повлияло на качество строительства. В другой публикации С.А. Плетнёва пишет о местных традициях в Саркеле (Плетнёва С.А. 2003. С. 68). Вероятно, автор не определила для себя, что всё-таки считать местными традициями в кирпичном строительстве на Нижнем Дону. Для более чётких выводов С.А. Плетнёва не располагала данными. Сегодня мы такими данными располагаем уже в значительном объёме (Токаренко С.Ф. 2009; Флёров В.С. 2009*а*, 2009*б*).

Саркел и Семикаракоры — не единственные значительные памятники Хазарского каганата в степях Нижнего Дона, однако ни один из известных не может быть определён как город, в том числе и обширный Крымский археологический комплекс с земляным городищем (рис. 5), расположенный невдалеке от Семикаракорской крепости, в устье Северского Донца (Иванов А.А. 2010).

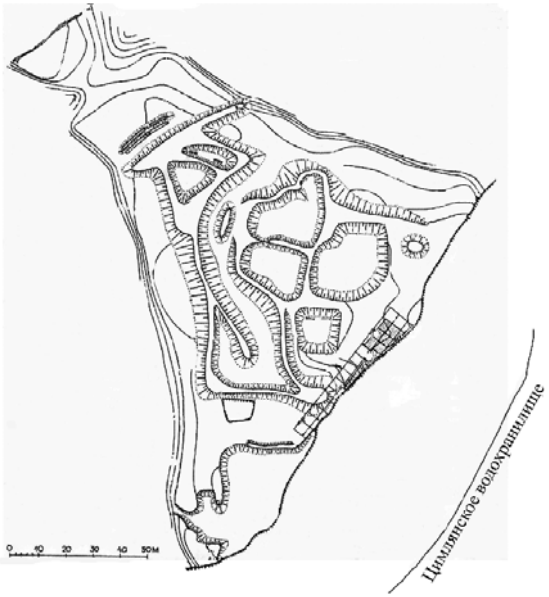
ПРАВОБЕРЕЖНАЯ ЦИМЛЯНСКАЯ КРЕПОСТЬ И ПРОБЛЕМА ФЕОДАЛЬНОГО ЗАМКА

Материалы раскопок И.И. Ляпушкина, С.А. Плетнёвой, В.С. Флёрова до 1990 г. на Правобережном Цимлянском городище опубликованы, нет смысла их повторять.

Правобережная Цимлянская — самая совершенная из всех белокаменных крепостей каганата (рис. 6).

Крепостные стены толщиною 4,20 м, как и восемь башен, поставлены на прочное и надёжное основание из плит ракушечника и песчаника (рис. 7). Внутреннее пространство крепости поделено на три отсека более тонкими стенами. Облик квадратного здания (башни?) у прохода из основного северного отсека крепости в южный (упоминалось В.И. Сизовым) остался не ясен. Оно хорошо видно на плане И. Сацыперова (рис. 8) (Флёров В.С. 1996. С 101, рис 1: *1*).

Самым ярким и неожиданным стало открытие следующего. Стены и башни, вероятно только лицевые фасы в отдельных ме-



Илл. 6. Правобережное Цимлянское городище. План В.С.Флёрова

Илл. 7. Правобережное Цимлянское городище. Основание восточной стены крепости. Раскоп 7, 2009 г. Публикуется впервые

Илл. 8. Правобережное Цимлянское городище. План И.Сацыперова, 1740-е гг.

стах и до определённого уровня, были покрыты великолепной по исполнению и отполированной до блеска белой штукатуркой. Мало того, в других местах блоки стен (не везде и только до определённого уровня?) были оконтурены раствором, покрытым тонкой полосой красной краски (охрой). В итоге крепость имела чрезвычайно живописный вид, что совершенно не вяжется с примитивной «архитектурой» внутри крепости: в отличие от почти не застроенной Маяцкой, Правобережная оказалась сплошь занята юртообразными жилищами.

М.И. Артамонов предполагал: «Были в *крепости* и более солидные сооружения из сырцовых кирпичей, по-видимому, крытые черепицей и с полами, вымощенными обожженными глиняными плитками. К сожалению, ни одно из них ещё не раскрыто раскопками» (1962. С. 318, 319). Раскопки гипотезу М.И. Артамонова не подтвердили. Хотя они не были сплошными, тем не менее места для таких «солидных» сооружений в крепости не остаётся. В крайнем случае это могла быть небольшая постройка, местонахождение которой определить трудно. Но и это моё предположение ненадёжно. Зато С.А. Плетнёва и я обнаружили небольшие прямоугольные «погреба», облицованные внутри сырцовыми кирпичами нестандартных размеров.

Черепица, обломки керамид и калиптеров, в моих новых раскопках 2003–2010 гг. представлены сотнями обломков, которые в совокупности могли составить лишь несколько десятков целых экземпляров. Не так много, но интересен сам факт присутствия черепицы в крепости, сплошь занятой юртообразными постройками, которые никак не могли бы выдержать тяжесть черепичной кровли (Флёров В.С., Ермаков С.Н. 2010. С. 443, 444). Парадоксально, но в соседнем Саркеле с его кирпичными строениями найдено всего два обломка калиптеров (совершенно иного типа). Происхождение правобережной цимлянской черепицы остаётся невыясненным, но вряд ли она доставлялась из Семикаракорской крепости или только из неё. При однотипности керамид и калиптеров обеих крепостей правобережные цимлянские более качественные по промешанности глины и тщательности формовки.

Наиболее «загадочным» из строительных материалов оказалась *керамическая плитка* (целые не найдены) шириною 10–12 см при толщине в среднем 3 см. Предполагаемая длина 20–24 см. Поражает высочайшее качество лучших экземпляров: выполнены из тонко отмученной глины амфорного типа, а боковые грани по прямизне можно сравнить с гранями современного стола. Качество лучших образцов несравнимо с качеством саркельских кирпичей. Последние грубее сформованы и имеют иные признаки замеса. Глина плиток по составу и однородности замеса напоминает глину херсонесских и фанагорийских пифосов (я не знаком, к сожалению, с натурными образцами таманских).

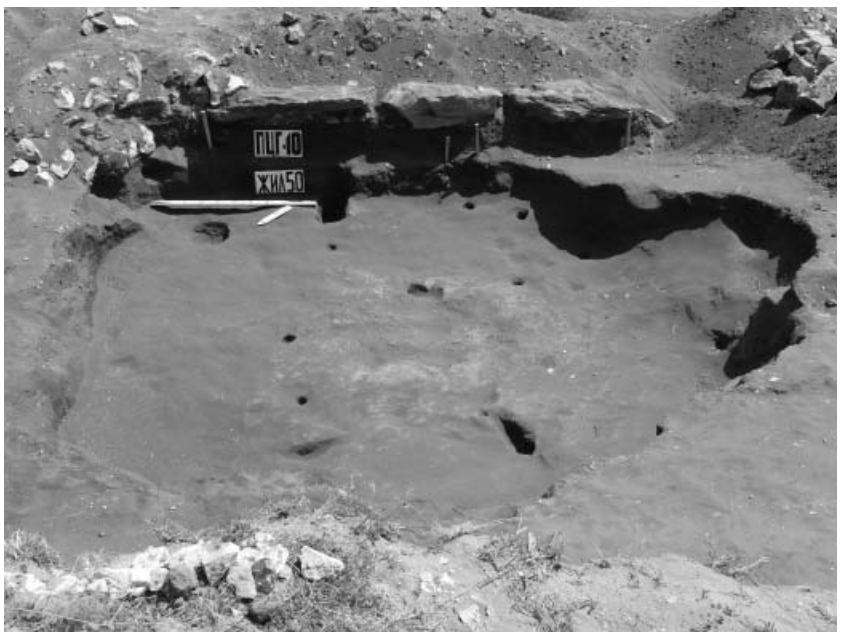
Особенность плитки: увеличение толщины от торцов к середине (вспухание). Отмечу, что плитка по всем параметрам (размеры, состав и промешанность глины, качество отделки) нестандартна. Наряду с лучшими образцами есть грубо сформованные. Впечатление, что каждый экземпляр выполнялся индивидуально.

Место изготовления плитки остаётся под вопросом. Аналоги в Северном Причерноморье мне неизвестны. Прототипы не установлены. Находимые в крепости обломки плиток и черепицы немногочисленны. Говорить о том, что они «изготавливались специально для крепости» (Артамонов М.И. 1962. С. 320), не приходится за отсутствием данных об этом.

Нет оснований говорить об изготовлении специально для крепости о*божжённых кирпичей* толщиною 4–7 см лишь на том основании, что на них нет следов извести (Там же). В последние годы мною найдены на городище и обломки кирпичей с налипшим известковым раствором, что дополнительно указывает на их саркельское происхождение. Кирпичи, преимущественно обломки, встречаются на всей площади крепости на всем протяжении её существования, в том числе в углублённых юртообразных жилищах и сопровождающих их хозяйственных ямах, с момента основания крепости.

В конце жизни крепости кирпичи в большом числе нашли особое применение, однако никак не соответствующее их прямому назначению. Судя по раскопкам И.И. Ляпушкина, из них стали выкладывать площадки, служившие, вероятно, основаниями наземных жилищ.

В итоге у нас нет данных для того, чтобы говорить о существовании в крепости каких-либо кирпичных строений, крытых черепицей и вымощенных плиткою. Раскопки на Правобережном городище ещё не завершены (хотя и приостановлены), и,



Илл. 9. Правобережное Цимлянское городище. Юртообразное жилище № 50; на заднем плане плиты основания восточной крепостной стены. Раскопки В.С. Флёрова, 2010

возможно, они дадут новые и неожиданные результаты, что позволит вернуться к обсуждению характера этого памятника.

Является ли памятник Правобережное Цимлянское городище остатками города? Безусловно нет. Это *крепость*, построенная, вероятнее всего, в византийских традициях (с непосредственным участием византийских инженеров?) и заселённая гарнизоном — группой вчерашних кочевников с семьями с традиционными для них юртообразными жилищами (рис. 9), расположенными без всякой системы. Условно говоря, культуру населения крепости можно назвать «культурой юртообразных жилищ». Что касается черепицы, кирпичей, плиток, то для гарнизона это был необычный материал, которым они по-настоящему воспользоваться не могли, да не было в этом и необходимости при их приверженности к традиционному жилищу.

Не относила Правобережное городище к городам и С.А. Плетнёва, включив его в группу «замки». Так ли это?

«ЗАМКИ» ИЛИ ИНОЕ

В своей самой известной монографии «От кочевий к городам» С.А. Плетнёва шесть поселений с земляными валами, включая неизученное у с. Костомарово на Среднем Дону, относила к категории замков. В данном случае «за́мок» представлен автором социальной категорией, но не архитектурной или фортификационной: «...эти большие огороженные посёлки можно считать одной из первичных форм *“феодальных кочевнических за́мков”*» (Плетнёва С.А. 1967. С. 24).

«Кочевнический за́мок» — сочетание для меня неприемлемое. Оно, как и другие категории в трудах Плетнёвой, является производным из самой концепции — развитие Хазарии «от кочевий к городам». Тема «кочевые феодальные замки» была позднее разработана С.А. Плетнёвой в другой монографии (1982. С. 78). К ней я ещё вернусь.

Двенадцать городищ салтово-маяцкой культуры С.А. Плетнёва отнесла уже без всяких оговорок к «каменным за́мкам» (Плетнёва С.А. 1967. С. 25–44). Среди них и Правобережное Цимлянское городище. Может быть, это сделано под влиянием отдельных фраз в ряде трудов М.И. Артамонова.

В ранней монографии М.И. Артамонов на основании найденных В.И. Сизовым следов «квадратного здания» писал о Правобережном Цимлянском городище: «Может быть, правобережное городище предстанет перед нами в виде *замка* местного *феодального властителя*, т.е. как важнейшее свидетельство *социально-экономического строя* Хазарского государства» (Артамонов М.И. 1935. С. 86). Не трудно усмотреть во фразеологии влияние времени. В 1934 г., уже завершив монографию, Артамонов писал о Правобережном городище как о «*маленьком укреплении*», которое, «по-видимому, представляет *род* феодального замка» (цит. по: Медведенко Н.А. 2006. С. 119). Я прежде всего обращаю внимание на этот небольшой нюанс — *род* замка (т.е. разновидность), за которым явно должно было стоять понимание, что этот хазарский замок чем-то отличается от западноевропейских. В «Истории хазар» (1962. С. 321) городище постоянно называется *крепостью*, но, определяя его назначение, М.И. Артамонов вновь говорит о за́мке местного владетеля, правда не называя его феодальным владетелем. Мне трудно комментировать это упорство известного ученого, тем более что проблему феодализма в этой книге он специально не рассматривает.

Понятие «замок» (в современном немецком языке *das Schloβ*) пришло в отечественную историографию из западноевропейской медиевистики. Западноевропейский за́мок — мощное фортификационное сооружение с плотной застройкой, часто это одно сплошное здание, стены которого являются одновременно крепостными (Виолле-ле-Дюк Э. 2007). Второе принципиальное отличие: европейский замок — это жилище *феодала* с запасами, рассчитанными на многие месяцы, а то и годы осады. Но европейские государства времен Хазарского каганата ещё не знали таких замков. К примеру, для Германии под замками понимаются сооружения крепостного характера, в которых главное место отводится жилым и парадным помещениям. Строятся они с конца XIV в. (Майер В.Е. 1981. С. 122). Ничего подобного в Хазарии не было. Справедливости ради отмечу, что небольшие укрепления (castrum) в сельских местностях строятся в Западной Европе, в частности во Франции и Германии, в IX–X вв. Одновременно подновляются старые, римского времени, получавшие иное название (castellum, burgus). А.К. Дживелегов в небольшой обзорной книжке связывал

это строительство с набегами норманнов и мадьяр (Дживелегов А.К. 1902. С. 11). Не следует забывать и об участии в этом строительстве церкви. Не буду углубляться в историю западноевропейских замков. Отмечу другое. Социальные процессы шли в Европе совершенно по иному пути, и при сравнении социальных статусов укреплений там и в Хазарском каганате это надо учитывать. Если же и предпринимать такое сравнение, то непременно с участием медиевистов, которые, уже «глядя из Европы», выскажут своё мнение о «замках» каганата.

Вряд ли что-либо решит замена «замка» арабским «qasr».

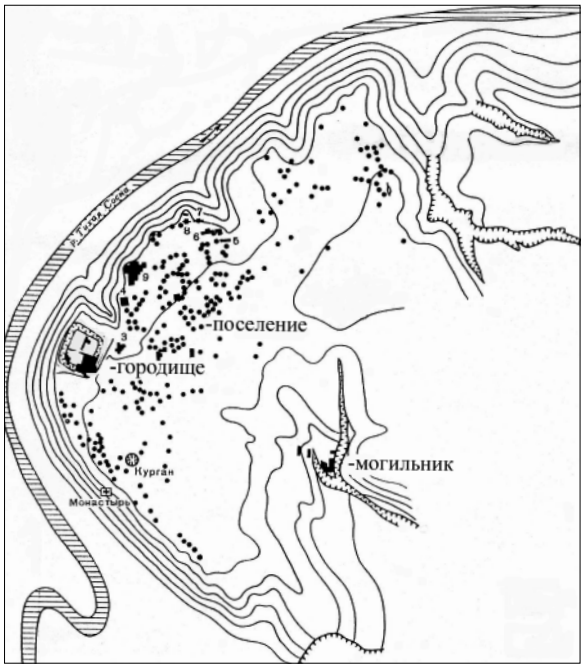
Проблема социальной характеристики городищ Хазарского каганата сложна. В ней переплетены минимум «четыре неизвестных»: 1) наше весьма смутное представление о социальных процессах в каганате; 2) практически полное отсутствие известий о внутриполитических событиях, о степени централизации власти и самостоятельности местных институтов; 3) слабая изученность некоторых и полная неизученность большинства городищ; 4) как вытекающее из последнего, полное отсутствие представлений о хронологии и стадиях появления в каганате укреплений разных типов. В свете вышеперечисленного заслуживает упоминания возражение М.А. Рыбловой против тезиса С.А. Плетнёвой о связи куренного расположения жилищ на Правобережном городище с феодальными отношениями (Рыблова М.А. 2002. С. 37, 38).

В качестве примера иных решений проблемы полезно упомянуть гипотезу Деяна Рабовянова, посвященную выяснению причин появления и статуса укреплений, в том числе с доминирующим четырёхугольным планом. Речь идёт о становлении в X в. системы каменных крепостей с башнями-бастионами в районах Первого Болгарского царства, ранее охраняемых земляными «лагерами» (Рабовянов Д. 2007). Не без влияния исследований по общинным укреплениям Византии (частично и становлению крепостей в Западной Европе) болгарский исследователь предполагает, что *в период ослабления центральной власти, не обеспечивавшей должную охрану внутренних районов государства и торговых путей, за строительство укреплений берутся местные, достаточно свободные от аристократической зависимости слои населения*. В итоге «появляется множество крепостей, в сущности *укреплённых селищ,* отличающихся планами, способами и материалами строительства, соответствующими местным возможностям… Возможно, именно крепости типа «Цар Асен» были построены и поддерживались организованными *сельскими общинами*, находившими в них убежище». Мало того, этому процессу содействовало и государство (Там же. С. 355, 356). Д. Рабовянов приводит и археологические доводы. При том что крепости исследованы недостаточно, примеры заслуживают внимания. В укреплениях найдены те же полуземлянки, что и на синхронных неукреплённых поселениях. В двух случаях прямо отмечен невысокий общественный статус и экономические возможности обитателей крепостей. Другими словами, они не относились к богатым слоям. Даже церкви в них были маленькие и небольшие. Наконец, отмечено отсутствие в крепостях ценных находок. Забегая вперед: с жилищами и находками совершенно аналогичное положение в Маяцкой крепости. Что же касается «замков», то Рабовянов прямо указывает, что таковых в это время не было и в Византии.

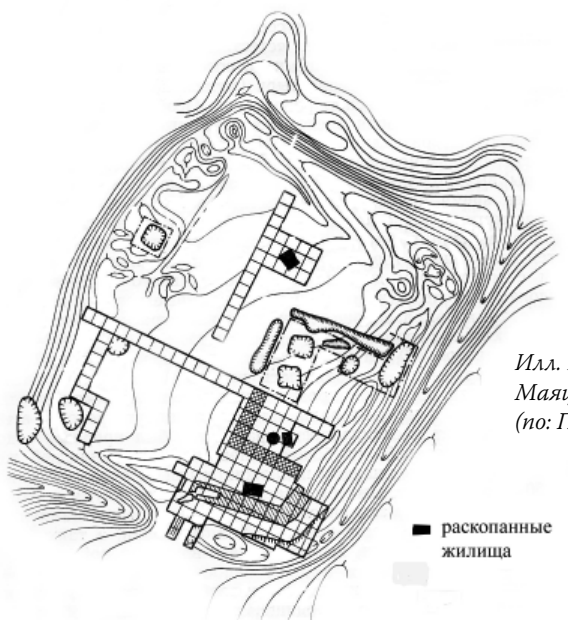
Я не предлагаю перенести гипотезу Д. Рабовянова в исследования памятников Хазарского каганата и уклоняюсь от её оценки, не владея достаточным объёмом знаний о крепостном строительстве на Дунае. Но я обращаю внимание на саму возможность построения иных гипотез, нежели о «замках» в Хазарском каганате.

Было бы совершенно несправедливо не отметить, что термин «замок» неудачно, не по существу его содержания используется в работах некоторых исследователей до последнего времени. Так, в заслуживающем внимания труде Ф.Х. Гутнов упоминает с соответствующими ссылками на источники резиденцию царей Серира — *замок* с каменными стенами площадью 4х4 фарсаха. Сам же Серир X в. определяется им как раннеклассовое общество, но не феодальное государство (Гутнов Ф.Х. 2008. С. 26). Не разбирая данную характеристику стадиального положения Серира, отмечу, что «замок» просто не мог быть столь громадной площади и с таким протяженным периметром.

Итак, мы встретились с почти единовременными «замками»: с одной стороны, хазарским миниатюрным с десятками юртообразных жилищ — Правобережная Цимлянская крепость, с другой стороны — со столичным «замком» Серира, громадной площади, обнесенной каменными стенами.



Илл. 10. Маяцкий археологический комплекс (по: Плетнёва С.А. 1984)



Илл. 11. Маяцкое городище (по: Плетнёва С.А. 1984)

И ещё раз обратимся к Правобережной Цимлянской крепости — предполагаемому С.А. Плетнёвой «замку». Так вот, если мысленно убрать его внешние стены с башнями и внутренние, то на берегу Дона в конце VIII — начале IX в. мы увидели бы небольшой посёлок, состоящий из нескольких десятков примитивных юртообразных жилищ (на 2010 г. раскопано 50), издали напоминающих самые обыкновенные юрты. Обнаружить среди их скопления жилище вождя (постройка № 12) было бы чрезвычайно трудно, ибо оно ничем не отличается от прочих, разве что, позволим некоторую вольность, обозначено шестом с висящим на нём «знаменем». Так примем ли мы этот степной посёлок за замок как в архитектурном, так и в социально-экономическом аспекте?

Думаю, такой же виртуальный опыт стоит проделать и с другими крепостями Хазарского каганата.

Перейдём к памятникам в среднем течении р. Дона и на его притоке р. Северский Донец, начав с упомянутого Маяцкого комплекса.

МАЯЦКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Расположено при впадении р. Тихая Сосна в р. Дон. Занимает около 40 га (= 400 000 кв. м), включая небольшую крепость из блоков известняка (рис. 10). На поселении десятки жилищ (Плетнёва С.А. 1984). Из них исследовано около 50 — преимущественно однотипных полуземлянок (Винников А.З. 2006; Винников А.З., Плетнёва С.А. 1998; Винников А.З., Синюк А.Т. 2003. С. 260). Рядом с поселением комплекс из нескольких гончарных мастерских. Концентрации следов иного производства не обнаружено. А.З. Винников, исследователь поселения, отметил малое количество находок орудий труда кузнецов по железу и ювелиров, отсутствие железных шлаков.

Миниатюрная крепость, 95х80 м, практически не застроена (рис. 11). В ней лишь несколько жилищ самого рядового облика. Ничем не выделяется по составу находок и цитадель крепости. Она невелика — 27х47 м. Как фортификационное сооружение Маяцкая крепость не слишком совершенна (Флёров В.С., Флёрова В.Е. 2008).

Илл. 12. У юго-западной стены Маяцкой крепости, слева направо: директор Дивногорского археологического заповедника М.И.Лылова, В.Е.Нахапетян-Флёрова, художница А.Атавина. 1991 г.

На блоках крепостных стен (рис. 12) среди сотен разных изображений и знаков только две более или менее длинные рунические надписи неизвестного содержания и несколько коротких (не расшифрованы). Об уровне грамотности населения эти находки ничего не говорят, но, вероятно, она была невысока.

Две культовые постройки на поселении довольно примитивны и типологически близки жилищам-полуземлянкам.

Среди исследованных погребений (катакомбы, редко ямы) могильника и поселения преобладают самые рядовые. Погребения знати, представителей правящего слоя не обнаружены. Таким образом, однообразию жилищ соответствует однообразие захоронений. Даже несколько воинских погребений нельзя признать сколь-либо выдающимися.

Маяцкий комплекс — один из наиболее исследованных памятников салтово-маяцкой культуры. Известен по многочисленным публикациям Г.Е. Афанасьева, А.З. Винникова, С.А. Плетнёвой, В.Е. Флёровой (Нахапетян), В.С. Флёрова и др.

С.А. Плетнёва пишет о Маяцком поселении с крепостью: «Вероятно, был городом» (Плетнёва С.А. 2002. С. 121). Аргументы не приведены. Перечисленные обязанности жителей, такие, как сельскохозяйственные работы, ремесло, внутренняя торговля, присущи любому сельскому поселению. Упоминается сбор дани и таможенных пошлин, но это не подтверждается археологическим материалом. Полностью отсутствуют находки монет на поселении, а на могильнике на 140 погребений найдена лишь одна индикация (серебро?), не поддавшаяся определению.

Многочисленность находок граффити и нескольких надписей автор сама объяснила хорошей сохранностью стен, служивших удобным «писчим» материалом. Так что это не свидетельствует о большем распространении здесь зачатков искусства и грамотности, нежели у населения иных регионов. Наконец, она же указала и на отсутствие уличной планировки на поселении.

В итоге на Маяцком поселении нет ни одного признака, который позволил бы выделить его среди прочих в лесостепи.

Теперь о крепости. Почти без культурного слоя, с несколькими рядовыми полуземлянками, она не была ни градообразующим ядром, ни даже постоянным местом жительства местного воинского начальника. Это не более чем убежище, причём для небольшого числа людей на случай непродолжительной осады. К Маяцкой крепости, как и аналогичным Верхне-Ольшанской, Верхне-Салтовской и подобным, не могут быть применены и определения типа «замок феодала». Затрагивая проблему планировки салтово-маяцких поселений, А.А. Тортика отметил: «Даже застройка окруженных оборонительными сооружениями участков — Правобережное Цимлянское городище, «цитадель» Маяцкого городища — лишена какой-либо упорядоченной планировки и по своему характеру напоминает застройку неукреплённых селищ» (Тортика А.А. 2005. С. 477).

Оборона поселения базировалась не на маленькой крепости, а прежде всего на многочисленности населения и на взаимодействии с жителями соседних столь же обширных поселений с небольшими убежищами-крепостями или без них на р. Тихая Сосна: Алексеевское, Верхне-Ольшанское, Колтуновское, Красное, Павловское и др. (Афанасьев Г.Е. 1987. С. 182, 183). Основное назначение этой линии поселений, вероятнее всего, *сторожевое наблюдение за* соседями-славянами на северо-западной границе каганата. Я не говорю даже о долговременной обороне, которая только собственными силами этих поселений была невозможна. Я не очень погрешу, используя сравнение с Кавказской по-

граничной линией XIX в., при создании которой наряду с возведением крепостей и укреплений главным стабилизирующим мероприятием было заселение её, создание непрерывной цепи казачьих станиц против набегов горцев (Захаревич А.В. 2002. С. 7–9). Без этого крепости оказывались изолированными друг от друга и совершенно беззащитными.

Не могу не отметить, что основной исследователь Маяцкого поселения А.З. Винников ни в одной из своих работ не называет его вкупе с крепостью городом. В археологическом отношении воронежский ученый характеризует памятник как «сложный археологический комплекс». Полностью согласен с таким определением*.

Перейдём к Верхне-Ольшанскому комплексу.

ВЕРХНЕ-ОЛЬШАНСКИЙ КОМПЛЕКС

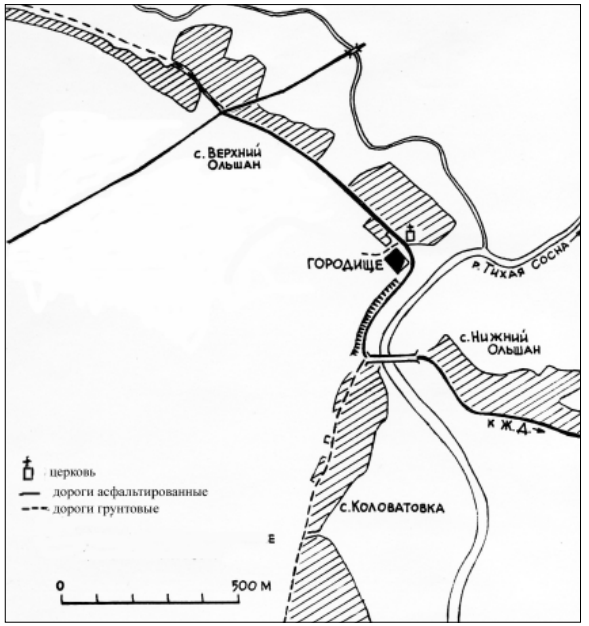
Находится на той же р. Тихая Сосна при впадении в неё речки Ольшанки, в 40 км от Маяцкого выше по течению. Полностью аналогичен последнему, но менее изучен и менее известен. Это скопление поселений на протяжении не менее 2 км, среди которых стояла белокаменная крепость, 100х100 м (рис. 13, 14, 15). Как и на Маяцком, здесь открыт гончарный центр (Замятнин С.Н. 1921; Флёров В.С. 1994*а*; Якименко Е.В. 1994**).

Внутреннее пространство крепости не исследовано, но мой небольшой раскоп 1991 г. свидетельствует об отсутствии на нём сколько-нибудь заметного культурного слоя. Уже это одно показывает, что крепость не имела многочисленного населения.

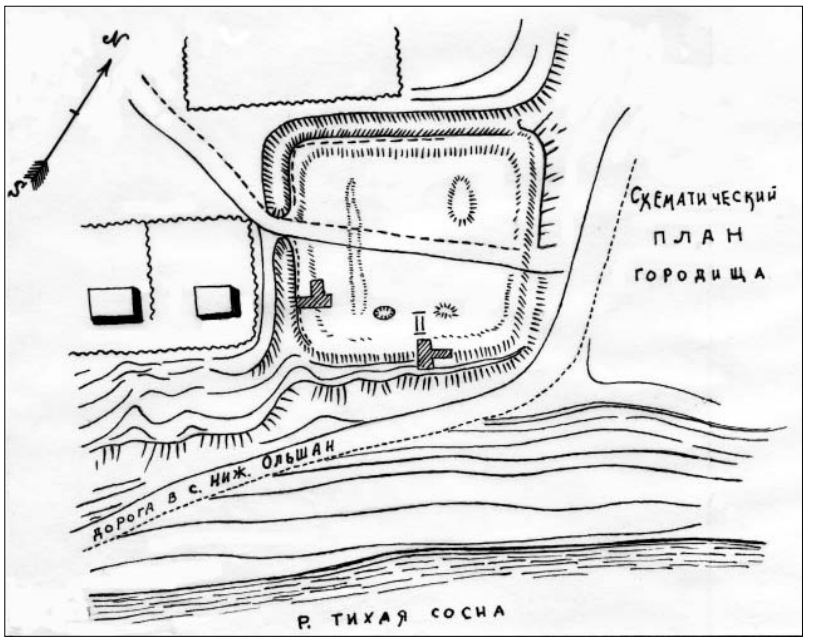
---

* Уместно упомянуть авторитетное мнение А.З. Винникова о синхронном памятнике славян. Во время посещения известного городища Михайловский кордон в октябре 2008 г. я задал Анатолию Захаровичу вопрос: «Можно ли считать его остатками *города?*» Ответ был категоричен: «Конечно нет!» Напомню, Михайловский кордон входит в группу памятников, связываемых иногда с легендарным Вантитом (Пряхин А.Д. Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. 1997. С. 29–32).

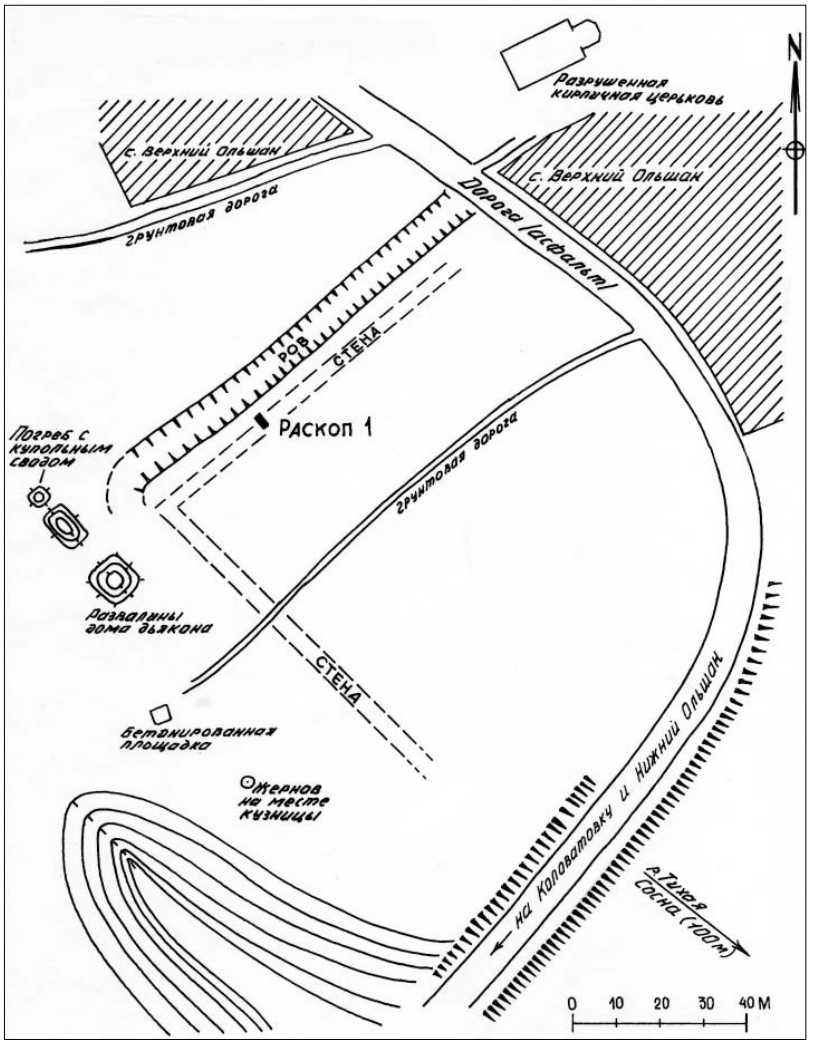
** Вряд ли стоит ожидать новых публикаций о Верхне-Ольшанском городище. Е.В. Якименко, по сведениям А.З. Винникова, ушла из археологии. Коллекции керамики остаются необработанными. Отличительная особенность керамического комплекса Верхне-Ольшанского поселения — большое количество и многообразие *котлов с внутренними ушками,* что указывает на распространение открытых очагов.



Илл. 13. Местоположение городища Верхне-Ольшанского.



Илл. 14. Верхне-Ольшанское городище (по: Замятнин С.Н. 1921)



Илл. 15. Верхне-Ольшанское городище. Глазомерная съёмка В.С.Флёрова, 1991. Публикуется впервые

Верхне-Ольшанские могильники, предположительно катакомбно-ямные, пока не найдены.

Вместе с Маяцкой Верхне-Ольшанская крепость входила в северо-западную* сторожевую пограничную линию Хазарского

* В моей статье было ошибочно указано «северо-восточную» (Флёров В.С. 2005. С. 323).

каганата. При том что Маяцкая и Верхне-Ольшанская крепости одинаковы, кладка на Верхнее-Ольшанском городище более совершенна и выполнена из блоков более крупных размеров, чем в Маяцкой крепости. В прекрасно сохранившемся нижнем слое кладки внешнего панциря стены зафиксированы блоки следующих размеров (рис. 16):

№ блоков	Длина	Ширина	Высота (в см)
1	86	24	32
2	86	21	38
3	86	24	38
4	100	25	36
5	96	29	40
6	—	34	36
7	114	22	36
8	103	—	36

По размерам верхне-ольшанские блоки ближе блокам расположенной далеко на юге Правобережной Цимлянской крепо-

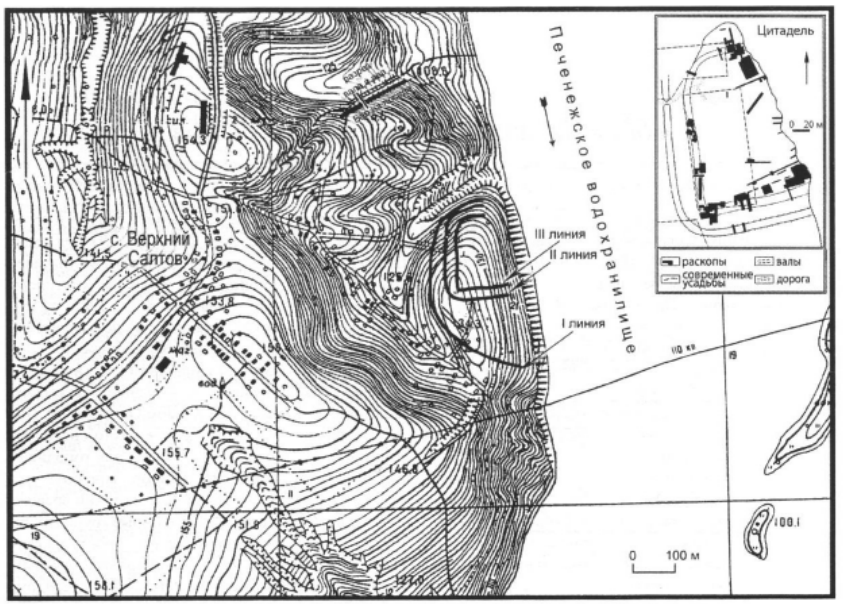
Илл. 16. Верхне-Ольшанское городище. северо-западная стена крепости. Раскопки В.С.Флёрова, 1991. Публикуется впервые

сти, нежели соседней Маяцкой. Нет особых сомнений в том, что Верхне-Ольшанская и Маяцкая крепости возводились разными группами каменщиков. Каждая из них строго не придерживалась определённой меры длины. Выбор размеров был довольно произволен. В определённой степени это позволяет предполагать у каменщиков Хазарского каганата довольно низкий уровень строительной культуры.

ВЕРХНЕЕ САЛТОВО И НЕТАЙЛОВКА

Верхнее Салтово — один из самых известных памятников каганата, давший первое составляющее наименованию его культуры — *салтово-маяцкая.*

Историю раскопок городища изложил Г.Е. Свистун (2009; там же библиография). Исследовалось оно эпизодически начиная с В.А. Бабенко, оставившего план ещё не нарушенной водохранилищем цитадели (рис. 17). Последующие раскопки Н.Е. Макаренко опубликованы предельно кратко. Печально, что не сохранились чертежи раскопок 1947–1948 гг. С.А. Семёнова-Зусера. Недавние



Илл. 17. Верхнее Салтово, городище (по: Свистун Г.Е. 2009)

раскопки В.В. Колоды, Н.В. Черниговой при участии Г.Е. Свистуна опубликованы частично. К настоящему времени в нарушение законодательства Украины об охране памятников археологии и при попустительстве местных властей городище застроено «новыми украинцами» и стало для исследований недоступно.

При обращении к нижерассматриваемой проблеме «Верхнее Салтово: город или негород» надо иметь в виду следующее. 1. Основным объектом раскопок на городище Верхнее Салтово были стены цитадели. «На исследованиях оборонительных сооружений были сконцентрированы усилия практически всех археологических экспедиций, работавших на городище» (Свистун Г.Е. 2009. С. 469). Внутреннее пространство цитадели осталось неизученным за исключением небольших площадей, опять же примыкающих к стенам. В итоге мы лишены всей полноты археологических данных о плотности её заселённости, а также типах, количестве и расположении жилищ; лишены и каких-либо социальных характеристик обитателей цитадели. Ко всему прочему, цитадель активно использовалась в XVII в., укрепления перестраивались. 2. Ещё в меньшей степени, чем цитадель, изучены пространство, охваченное внешним валом, и примыкающие к городищу поселения. Их реальные границы не установлены; ещё хуже они представлены в публикациях. Г.Е. Свистун, изучавший архивные материалы раскопок, отметил существование на прилегающей к городищу территории селища, имеющего культурные отложения раннего и позднего Средневековья. Раскопки здесь вела А.Т. Брайчевская в 1959–1961 гг. В их ходе была зафиксирована граница «селища-посада». Но и её внимание было сосредоточено также на исследовании фортификации, а результаты их остались не опубликованными (Там же. С. 463, 464). Вероятно, информация была настолько скудна, что Г.Е. Свистун ограничился, помимо упоминания находок лощёной керамики (иной не найдено?), следующим: «С западной и северной сторон к городищу примыкает *обширное селище,* образующее *посад крепости*» (Там же. С. 363). Но надо иметь в виду, что в центре внимания Свистуна было не селище, не вопросы заселённости крепости, а опять же, как у его предшественников, фортификация.

До настоящего времени по Верхнему Салтову нет ни одного обобщающего труда, нет и отдельного труда по исследованиям

городища и поселения*. Несмотря на такое состояние информации о памятнике, Верхнее Салтово без серьёзных оснований уже с 60–70-х годов XX в. стали называть *«городом»*.

Одним из первых о Верхнем Салтове как «городе» (по-украински *місто*) написал *Д.Т. Березовец* в сводном издании по археологии Украины (Археологія УРСР. 1975. С. 422). То же самое, но усилив акцент, повторила О.В. Пархоменко (Иченская): *«...большой средневековый город*, являвшийся, очевидно, крупным ремесленным, торговым и, возможно, административным центром» (Археология УССР. 1986. С. 217). Оговорки «очевидно» и «возможно» свидетельствуют о том, что данных для таких утверждений у автора не было.

В конце XX в. небольшие раскопки стены крепости-цитадели и нескольких прямоугольных полуземлянок на соседнем *Нетайловском поселении* проводила Н.В. Чернигова. Автор использовала исключительно археологическую терминологию (селище, городище) и вопрос о «городе» не поднимала (Чернигова Н.В. 1998, 1999).

Первым в полной мере о Верхне-Салтовском комплексе (включая в него и Нетайловский памятник) как о городе стал писать А.В.Крыганов, исходя в первую очередь из общих размеров поселений и могильников. Стоит процитировать полностью его описание памятника: «...Представлен огромным городищем с небольшой цитаделью и большими *пригородами*, несколькими частями громадного могильника с несколькими десятками тысяч катакомб. Расположенный напротив... Нетайловский археологический памятник состоит из огромного поселения и некрополя, где не менее 15 тысяч ямных могил. Оба являются остатками *самого большого города* салтовской культуры и всей (! — *В.Ф.*) Хазарии» (Крыганов А.В. 2001а. С. 102). На первый взгляд описание впечатляет, но разберёмся в нём.

Городище не громадное, а самое обычное, а цитадель (в данном случае это не укрепление внутри крепости, а собственно крепость) столь же невелика, как и Маяцкая (90х115 м) или Верхне-Ольшанская (100х100 м). Её усреднённые размеры 160х140 м (Аксёнов В.С. 2006. С. 74). Для сравнения, размеры Семикаракорской прямоугольной крепости 200х215 м, а её прямоугольной цитадели 80х85 м. Пространство городища между второй линией обороны и цитаделью не исследовано, а работы на цитадели едва начаты. Были ли городище и его цитадель сплошь заселены — неизвестно.

Второе. Собственно поселение (селища), «пригород» по Крыганову, охватывает примерно 120 га, грубо округляя, 1х1,2 км (об этом см. ниже). Не много и вполне сравнимо с Маяцким поселением и другими в лесостепи. Но дело в том, что опять же совершенно неизвестно, было ли оно заселено сплошь или это скопление отдельных небольших посёлков с сельским, бессистемным типом размещения жилищ. Последнее же более чем вероятно. Так, сделавший сводку жилищ Верхнего Салтова В.В. Колода (2000) перечисляет «селище», «селище А», «селище Б», но неизвестны границы и этих отдельных селищ. О структуре и планировке селищ данных нет. Кроме того, не изучен их культурный слой, в литературе нет ни его детальных описаний, ни стратиграфических чертежей. Об одном из селищ (каком из

---

* В мою задачу не входит описание упоминаемых в книге памятников. Описания читатель может почерпнуть из соответствующей литературы, в том числе трудов, на которые я ссылаюсь. Что касается структуры Верхне-Салтовского городища, то должен предостеречь: можно встретить разные и весьма нечёткие её описания, в которых путаются понятия «городище», «крепость», «цитадель». Так, к примеру, по Черниговой, памятник состоит из крепости с каменной цитаделью и посада (Чернигова Н.В. 1998. С 52). Что здесь понимается под «крепостью», что под «цитаделью»? Я *формально* следую в данной книге за описанием, предложенным Г.Е. Свистуном, чтобы не вносить дополнительных разногласий. В то же время не полностью согласен с ним.

В моём понимании прямоугольное (с одной скошенной стороной) замкнутое фортификационное сооружение на Верхне-Салтовском городище и есть *крепость, не имеющая внутри цитадели* (сравните с Маяцкой и Семикаракорской крепостями с цитаделями внутри). Под *городищем* же я подразумеваю всё пространство, окружённое внешними валом и рвом, первой линией обороны, по Свистуну. Н.В. Чернигова же под крепостью понимала всю территорию внутри внешней линии обороны. Так же описывает памятник В.С. Аксёнов: «Крепость была окаймлена рвом и валом... Цитадель размером 160х140 м была окружена двумя рядами известняковых плит, пространство между которыми было забутовано» (Аксёнов В.С. 2006. С. 73, 74).

Вопросы терминологии для обозначения памятников салтово-маяцкой культуры, имеющих фортификационные сооружения, оказываются не так просты. Выбор их в первую очередь должен быть обусловлен функциями оборонительных сооружений, степенью заселённости заключённого в них пространства. Тема требует специального рассмотрения.

двух?) имеется лишь очень краткая, менее страницы текста, информация* (Колода В.В. 1998*а*. С. 22).

Третье. Что же касается жилищ, то их на 2000 г. (более поздними данными не располагаю. — *В.Ф.*) было разными авторами и в разные годы раскопано всего 18 (!) на предполагаемые 120 га — землянки и полуземлянки, при этом, как указывает В.В. Колода, жилища, исследованные С.А. Семёновым-Зусером, не опубликованы и не поддаются анализу (Там же. С. 41). Лишь одно жилище наземное со стенами вроде бы «в ёлочку» (Колода В.В. 1999*а*. С. 70), но и оно, кажется, не опубликовано. Действительно ли там обнаружен этот тип кладки, широко распространённый в VIII–IX вв. в некоторых городах и поселениях Крыма и Таманского полуострова?

Обратимся к могильникам. Вычисления количества погребённых в них сделаны исключительно «гипотетично», по предполагаемым площадям. Сплошного погребального поля здесь не было, катакомбные захоронения образуют отдельные участки. Границы Нетайловского могильника так же неизвестны, как и его структура. Таким образом, нет никаких подтверждений ни «десяткам тысяч» катакомб в Верхнем Салтове, ни «15 тысячам» в Нетайловском могильнике.

В итоге описание А.В. Крыганова оказывается ненадёжным предположением с преобладанием эмоционального момента. Тем не менее он объявил Верхнее Салтово вместе с Нетайловкой крупнейшим городом Хазарии (первоначально речь шла только об административно-торговом центре на северо-западной окраине Хазарии — Крыганов А.В. 1997. С. 57). На этом автор не остановился и отождествил Верхний Салтов с городом «Савгар-Сарада», исходя из созвучия, по его мнению, с «Салтановское-Салтово»: «Лингвистически здесь совпадают первые две буквы, а третья — в, р, л — зачастую при переходе из одного языка в другой взаимозаменяются» (Крыганов А.В. 1999). Насколько грамотно такое «превращение» *Савгара* в *Салтов*, оценят лингвисты. Мне оно представляется сомнительным.

Верхнесалтовские катакомбные могильники дали около 200 монет, преимущественно арабских дирхемов. Казалось бы, это

* Я не исключаю, что имеются и другие публикации, оставшиеся мне неизвестными. К сожалению, поступление украинской археологической литературы в Россию происходит нерегулярно.

прямое подтверждение роли поселения как торгового центра. Но и здесь не всё так просто. Как отметил сам А.В. Крыганов, монеты заношенные, использовались как украшения. Надо полагать, как средства платежа дирхемы не представляли интереса для местного населения. В целом же монетный материал требует изучения специалистами-нумизматами, которые должны установить эмиссии, пути поступления и определить сроки запаздывания монет при помещении в погребения. От археологов надо ждать детального рассмотрения монет в контексте погребального обряда (распределение по половой принадлежности и возрасту погребённых, места расположения в погребении, сочетание с прочими вещами, в том числе с немногими импортными видами (например, бусами).

Совершенно иная картина изученности и точности сведений о Верхне-Салтовском и Нетайловском памятниках рисуется по другой публикации А.В. Крыганова (2001*б*). Оказывается, границы Верхне-Салтовского могильника необходимо уточнять, для чего нужны разведки; протяженность Нетайловского поселения в 7 км (по Д.Т. Березовцу) сомнительна, и уточнить её из-за затопления водохранилищем сейчас нельзя; «вопрос о размерах и количестве погребённых [на Нетайловском могильнике] является сложным» и так далее. Не сообщая ничего нового о Верхне-Салтовском поселении, городище и каменной цитадели и Нетайловском поселении, автор опять повторил свой тезис о «самом крупном археологическом памятнике салтовской культуры и всей Хазарии», называя его «Сарада». Никаких новых доказательств своих определений автор не привёл. Особенно большое сомнение вызывает протяженность Нетайловского поселения. Действительно ли это одно сплошное поселение или вереница разрозненных? Аналогичный вопрос мы относим и к «пригороду» Верхне-Салтовского городища, протяженность которого указана в 4 км (Крыганов А.В. 2001*б*. С. 347). С полной ответственностью утверждаю — селищ протяжённостью 4 и тем более 7 км на территории Хазарского каганата не существовало. Совершенно очевидно, что эти цифры указывают лишь на распространение разрозненного подъёмного материала.

Судя по публикациям, Нетайловское селище сегодня уже недоступно для исследований. Что касается раскопок на нём Кочетокской экспедиции 1960–1961 гг., то из небольшой публикации

Н.В. Черниговой узнаём следующее. Результаты работ Кочетокской экспедиции не опубликованы, мало того, отсутствуют отчёты о её раскопках. Сама исследовательница для издания нескольких жилищ Нетайловского селища пользовалась только дневниковыми записями А.М. Шовкопляс. Однако даже дневниковые записи, как бы тщательно они ни велись, не восполнят потери информации в ходе самих раскопок из-за способа их проведения. «Культурный слой снимался при помощи бульдозера отдельными траншеями, в результате чего было вскрыто около 1000 кв. м площади селища. Естественно, при такой методике раскопок не было возможности проследить характер этого слоя, степень его насыщенности вещевым материалом и пр. Фиксировались лишь строительные остатки, врезанные в материк»* (Чернигова Н.В. 1998. С. 52, 53).

Некоторое недоумение вызывает опубликованная А.В. Крыгановым карта «Города (мн. число. — *В.Ф.*) на территории салтово-маяцкой культуры (Хазарии)». Единственный обозначенный на нём пункт — «Верхне-Салтовский и Нетайловский археологические памятники» (Крыганов А.В. 2001*б*. С. 348, рис. 1). Поскольку автор назвал их «остатками крупнейшего города Хазарии», то на карте следовало бы обозначить и менее крупные.

Другой автор, В.К. Михеев, называл Верхне-Салтовское городище городом Серате («городище отождествляют с городом Серате», но кто, не указано) и полагал, что на площади 120 га, «ограниченной рвом», могло проживать 6–7 тысяч человек (Михеев В.К. 1999. С. 31). На каких основаниях сделан расчёт? Нетрудно подсчитать, что на одного человека, по Михееву, приходится 170–200 кв. м. Почему именно эти исходные данные были взяты автором, тоже не ясно. Сегодня какие-либо данные о плотности заселённости можно получить по Маяцкому поселению, где вскрыты относительно большие площади с жилыми и хозяйственными постройками, а на поверхности хорошо видны западины нераскопанных жилищ (рис. 18). Верхне-Салтовский памятник исследован слишком незначительно, чтобы проводить такие вычисления.

Если харьковские археологи в какой-то мере предлагали какое-то собственное обоснование идентификации памятника Верхнее Салтово с указанным полулегендарным городом, то киевский археолог О.В. Сухобоков со ссылками на труды Б.А. Рыбакова пишет о тождестве Верхнего Салтова и города Сарад как об установленном факте. Он считал Верхнее Салтово политико-экономическим центром «алано-болгаро-буртасской федерации» (вслед за В.К. Михеевым?), при этом вновь как не вызывающая сомнения упоминается площадь в 120 га (Сухобоков О.В. 2004. С. 163). В связи с этим должен уточнить собственную позицию по вопросу о Сараде. На сегодня нет данных для безоговорочного принятия этой версии. Если появятся новые источники, то к этой проблеме можно будет вернуться вновь. Попутно замечу, что впоследствии оба автора так и не объяснили, что же это за «алано-болгаро-буртасская федерация» и каково её место в Хазарском каганате. Более всего недоумения вызывает её третья составляющая — буртасы, проблема географии расселения которых, не говоря о неизвестной доныне материальной культуре, остаётся хронически дискуссионной (Тортика А.А. 2006. С. 302 и сл.) и без надежды на решение.

---

* Не будем сегодня безоговорочно осуждать Д.Т. Березовца и А.М. Шовкопляс за столь варварский способ раскопок гибнущего памятника. Но независимо от наших мнений результаты раскопок оказались чрезвычайно неполноценными. Непростительно отсутствие отчётов, независимо от причин.

В аналогичной ситуации в ходе раскопок Саркела, обречённого на затопление Цимлянским водохранилищем, прибегнул к использованию бульдозера М.И.Артамонов, но только в последний сезон исследований, 1951 г.

Логика действий археологов в обоих случаях понятна — вскрыть максимально бóльшую площадь исчезающего памятника, пожертвовав качеством исследования. Правда, М.И. Артамонов поступил несколько иначе: он пожертвовал только беловежским слоем на части городища, чтобы успеть тщательнее исследовать хазарский слой.

Опыт раскопок на ныне вслед за Саркелом гибнущем Правобережном Цимлянском городище привёл меня к убеждению, что качество спасательных раскопок должно превалировать в любых ситуациях над их объёмом. Другими словами, лучше исследовать небольшой участок, но предельно тщательно, сделав его эталонным для памятника, нежели раскопать кое-как большие площади, выхватив из памятника только постройки и отдельные вещи. Решения должны приниматься коллегиально группой уполномоченных на то специалистов, а не одним руководителем раскопок. Не секрет, что новоявленные акционерные общества более заинтересованы в прибыли путём выполнения максимальных объёмов работ, нежели в решении научных проблем археологии.

В.С. Аксёнов, многие годы плодотворно исследующий Верхне-Салтовский катакомбный могильник и не занимающийся специально проблемами городища, видит в нём остатки «административного центра Хазарского каганата в северных землях», называя этот поселенческий комплекс то крепостью, то городом (Аксёнов В.С. 2006. С. 76).

* * *

На мой взгляд, Верхне-Салтовское поселение с его маленькой крепостью, по имеющимся на сегодня данным, не может претендовать на особое место в системе аналогичных поселений бассейна Северского Донца, тем более на определение «город». Соответственно нельзя говорить ни о «пригородах», ни о «посадах города», ни о «посаде крепости». Они появляются, повторяю, когда уже сложилось основное ядро города. С.А. Плетнёва не решилась сразу назвать Верхнее Салтово городом и сначала пишет как об «одном из наиболее *вероятных городов»,* но затем всё-таки «вероятный» отбросила, упоминая и «посад», и «торговый центр» (Плетнёва С.А. 2002. С. 118, 119.).

Вероятно, пройдёт *не один десяток лет,* пока все данные раскопок Верхне-Салтовского и Нетайловского памятников будут обработаны в комплексе и полностью изданы. Поселения же требуют дальнейших многолетних рутинных раскопок. Только после этого можно будет вернуться к вопросу о статусе Верхне-Салтовского комплекса, его месте в цепочке городищ Северского Донца.

В заключение отмечу, что мне не удаётся выяснить, кто определил, что площадь поселения составляет именно 120 га. Так что и общую площадь распространения поселений (пресловутые «пригороды») около Верхне-Салтовского городища ещё предстоит уточнять*. Так, В.С. Аксёнов сообщает иные сведения: «Общая площадь Верхне-Салтовского археологического комплекса — около 150 га. Только катакомбный могильник занимает около 100 *га*» (Аксёнов В.С. 2006. С. 74). Не совсем понятно, входит ли площадь могильника в указанные 150 га.

* А.В. Крыганов ссылается на сведения «Сельской книги памяти воинов, погибших в боях при освобождении села Верхний Салтов, села Украинка Волчанского района Харьковской области в 1941–1943 гг.», 1998, в которой упомянут город Сарада площадью 120 га. Возникает вопрос: где первоисточник этих сведений о 120 га? Это издание к археологии отношения не имеет. Судя по теме, оно подготовлено сельскими краеведами.

Все сегодняшние обобщения, касающиеся Верхнего Салтова, опережают изученность его как археологического источника. Пример в салтово-маяцкой археологии довольно распространённый.

О назначении Верхне-Салтовского памятника можно встретить самые разные предположения. Выше упомянуто мнение О.В. Сухобокова как о центре федерации алан, болгар и буртасов. Выходя за рамки темы, замечу, что мнение Г.Е. Афанасьева (ссылку на работу последнего делает автор) о присутствии буртасов на Дону — Северском Донце подвергнуто серьёзной критике харьковским историком А.А. Тортика в том же альманахе, где размещена статья Сухобокова (Тортика А.А. 2004).

М.В. Горелик выдвинул самую невероятную версию. Полагая, что у кабар после поражения в восстании возникло самостоятельное политическое образование, он пишет: «Самым большим центром новой страны, которую условно можно назвать — по политически господствовавшим в ней силам — Кабарией-Угрией, можно считать Салтово. Северными центрами оказываются Киев и Чернигов, особенно первый из городов» (Горелик М.В. 2002. С. 27). Не буду комментировать последнюю фразу — о том, что Киев (равно как и Чернигов) не имеет отношения к хазарам, написано достаточно (например: Флёров В.С. 2000; Толочко П.П. 2001). Что же касается Верхнего Салтова, то, во-первых, автор не приводит абсолютно никаких доказательств своего тезиса; во-вторых, обходит вопрос о громадном катакомбном могильнике, который никак не мог принадлежать кабарам. Да и какой у них был погребальный обряд, неизвестно.

Рассматривать в небольшой книге все известные к нашему времени городища верхнего течения Северского Донца не представляется возможным. На некоторых проходили лишь небольшие работы, большинство известно только внешне. Кратко коснёмся только ещё одного, более изученного в сравнении с другими — городища Маяки.

МАЯКИ

Ниже Верхнего Салтова по течению Северского Донца расположено несколько городищ салтово-маяцкой культуры, среди них Маяки (Царино; не путать с Маяцким). Исследовалось В.К. Михеевым; опубликованы краткие сведения (Михеев В.К. 1985 С. 12–18). Комплекс состоит из городища, двух селищ, четырёх могильников.

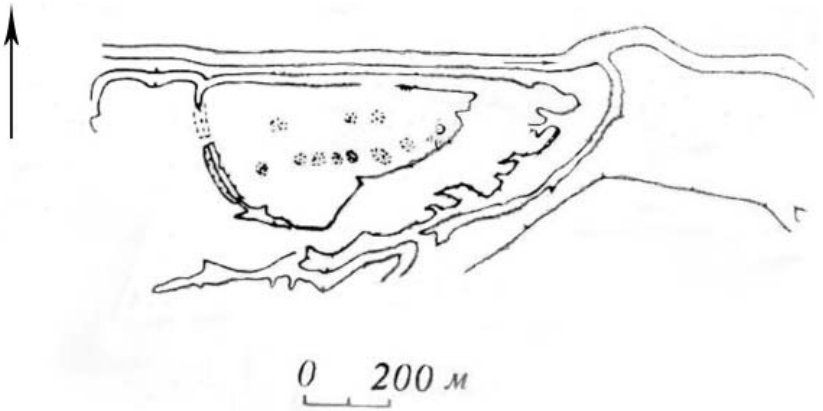
Городище неправильных очертаний (670х360 м; 17,78 га) имеет рвы и валы, возникшие на месте ранее (!) существовавшего селища. Культурный слой городища всего 40–50 см. Особо отмечу зольники на его территории.

Селище № 1 не исследовалось, его размеры — 30 га — установлены по подъёмному материалу. Я не исключаю, что оно не было сплошь заселённым. На селище № 2 (9 га) открыто несколько жилищ — юртообразные и полуземлянки, хозяйственные ямы. Большое количество железных предметов, до 800 экз.

Сам В.К. Михеев об отнесении памятника Маяки к городам вопрос не ставил. Это делает С.А. Плетнёва — «*город среднего размера*», пользуясь указанной публикацией В.К. Михеева. Аргументация следующая: «весьма крупные размеры, довольно отчётливо выявляющийся культурный слой, наличие примыкающих к укреплению поселений — посадов (?), наличие нескольких могильников. И, пожалуй, главное — большое количество железных вещей, что свидетельствует о развитом кузнечном деле, а сделанные орудия практически демонстрируют развитие в городе всевозможных ремёсел» (Плетнёва С.А. 2002. С. 120).

Рассмотрим по порядку. 1. Размеры памятника совершенно обычны для городищ лесостепи. Многие же (например, Сидоровское) значительно превосходят Маяки. О чём не пишет С.А. Плетнёва: городище почти не изучено, ничего не известно о его заселённости, внутренней структуре и планировке расположения жилищ. Однако образование зольников на городище — яркое указание на то, что свободного пространства на нём было более чем достаточно. Вообще же зольники — это характерная черта многих обычных открытых сельских поселений каганата.

2. Культурный слой городища — 40–50 см — также характерен для обычных поселений. Кроме того, неизвестно, на всей ли площади городища он распространён.



Илл. 18. Маяки, городище (по: Михеев В.К. 1985)

3. Концентрация поселений около городищ также типична для всех городищ лесостепи. В качестве примера укажу на Дмитриевский археологический комплекс, который исследовала сама С.А. Плетнёва и который она городом никогда не называла (Плетнёва С.А. 1989).

4. Остаётся кузнечное дело. Во-первых, следует иметь в виду, что сохранность железных изделий определяется в первую очередь свойствами культурного слоя, на что указала сама автор («свойства грунта, сохранявшего железо от ржавчины»). Во-вторых, само по себе кузнечное дело никак не может служить признаком города. Без него не могло существовать ни одно более или менее значительное поселение, открытое сельского типа или крепость, как и без собственного гончарного ремесла. Так, большое разнообразие железных орудий труда представлено на Правобережном Цимлянском городище, где этому способствовали всё те же химико-физические особенности культурного слоя (Плетнёва С.А. 1994). В-третьих, количество остающихся на любом поселении предметов, особенно металлических, зависело от обстоятельств, при которых оно было покинуто жителями. При внезапном бегстве всё имущество могло быть брошено. При неспешном, заблаговременном уходе при угрозе нападения все необходимые предметы уносились с собою. Наконец, количество любых вещей, в том числе из черных металлов, сокращалось при медленном затухании поселения вплоть до полного прекращения на нём жизни.

При всём желании их найти, признаков, позволяющих признать Маяки городом, пока не обнаружено ни по структуре, ни по содержанию культурного слоя, ни по типам жилищ. Соответственно нельзя говорить о поселениях около городища как о «посаде». Не случайно С.А. Плетнёва поставила за определением «посад» вопросительный знак.

Хочу обратить внимание на ещё один важный момент. В.К. Михеев указывает, что валы городища насыпаны на месте более раннего поселения, что подтверждает мой тезис о том, что укрепления возникали на уже освоенных населением территориях, но не наоборот.

Городище Маяки единственное земляное из привлечённых мною. Это сделано для того, чтобы проиллюстрировать то, что проблема «город — не город» стоит и для такого типа памятников.

* * *

Нет возможности в данном небольшом издании охарактеризовать все городища бассейна Северского Донца, которые хоть в какой-то степени подвергались раскопкам. Помимо городища Маяки В.К. Михеев сообщает некоторые сведения о памятниках Сухая Гомольша, Старое Салтово, Пятницкое, Сидорово, Теплинское, Святогорское, Татьяновское, Кировское, Новосёловское (Михеев В.К. 1985. С. 5–24). Ни одно из них не содержит ни малейших признаков города, как и упоминаемое С.А. Плетнёвой Ютановское городище. По крайней мере того, что отличало бы их от обычных поселений. Обнаруженные на некоторых из них жилища являются обычными юртообразными, полуземлянками или наземными с деревянными конструкциями. Рассредоточение их на самих городищах и примыкающих поселениях свободное. Мощность культурных слоёв незначительна.

В настоящее время Э.Е. Кравченко (г. Донецк, Украина) продолжает раскопки Сидоровского городища (17,9 га) с примыкающими поселениями на площади около 100 га. Пока же его основные раскопки происходили на могильнике (Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. 2001). Исследователь воздерживается от определения Сидоровского памятника как города (доклад в Институте археологии в феврале 2004 г.).

В.В. Колода и Г.Е. Свистун (г. Харьков, Украина) ведут раскопки Волчанского и Мохначанского городищ на р. Северский Донец, отражённые в серии предварительных публикаций (например: Колода В.В. 1998*б*; Свистун Г.Е., Чендев Ю.Г. 2002). Становится всё более понятным, что и эти памятники, о которых ранее почти не было информации, остатками городов не являются.

«ПРОТОГОРОДА», «РАННЕГОРОДСКИЕ СТРУКТУРЫ»

Первой реакцией на мои предшествующие выступления и публикации по проблеме городов в Хазарском каганате была статья харьковского археолога В.В. Колоды (Колода В.В. 2009*)*. Признавая дискуссионность выделения городов Хазарского каганата, он по сути согласился со мною в том, что городов в каганате обнаружить не удаётся (Там же. С. 35). Моя позиция в перспективах поиска городов была оценена им как «весьма пессимистическая», хотя сам я назвал бы её констатирующей.

Статья В.В. Колоды в целом носит характер предположений и некоторого присущего автору теоретизирования, отправной точкой для которого служит предложенная им типология городов Восточной Европы конца 1-го тыс. н.э.: 1) *антично-византийский* (причерноморский) — полисный; 2) *северокавказский* — крепости; 3) *восточный* (степной) – ремесленно-торговый, с крепостью и обширной сельскохозяйственной округой; 4) *древнерусский* (изначально родоплеменной центр) – многофункциональный, с кремлём и посадом.

Признаюсь, разобраться, из чего исходил автор в этой градации, я не был в состоянии. Полагаю, что такие же трудности испытывают и другие читатели статьи.

Идея статьи В.В.Колоды состоит в следующем: если города в Хазарском каганате не обнаружены, то попробуем выделить «протогород, как городище, обладающее некоторыми чертами и средневекового города». Вводятся два дополнительных показателя: «*общая площадь прилегающих к нему поселений селищного* (? — *В.Ф.*) *типа и зоны ремесленно-торговой деятельности*» (Там же. С. 36). На их основе из 37 городищ (27 из них не названы) к протогородам В.В. Колода причисляет десять: Волчанское, Верхний Салтов, Чугуевское, Мохнач, Коробовы Хутора, Сухая

Гомольша, Сидоровское, Маяки, Ютановское, Маяцкое. Кроме того, к перспективным в смысле присвоения им статуса «протогорода» отнесено «практически неисследованное» Кировское городище. Чтобы прокомментировать весь список, потребуется отдельная статья. Сам же автор отвел для каждого городища три–пять строк. Часть поименованных памятников известна только внешне, на других вскрыты очень небольшие площади. Достаточно полно раскапывался лишь Маяцкий комплекс. Таким образом, база источников для обсуждения неполноценна.

Что, на мой взгляд, имманентно присуще идее В.В. Колоды – это попытка в иной форме все-таки «внедрить» в Хазарский каганат несколько пусть и не городов, но находящихся близко к ним «больших населённых мест», в которых как минимум должны находиться гончарные мастерские и кузницы. Но без них не могло обойтись ни одно более или менее значительное сельское поселение! Скопление в округе Ютановского городища небольших гончарных горнов тоже не делало «Ютановку» ни городом, ни протогородом. Подмена одного термина («город») другим («протогород») никак не приближает нас к уточнению и конкретизации социально-экономической характеристики Хазарского каганата.

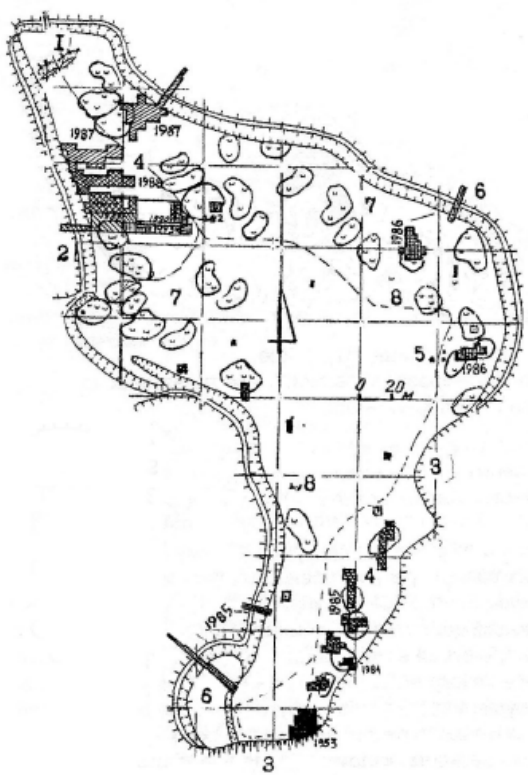
Что же касается самого термина «протогород», то он в последнее время стал модным в нашей археологической литературе. Забывается при этом, что так первоначально называли открываемые большие древнейшие поселения Востока с фортификационными сооружениями, с четкой планировкой, системой улиц. Термин подчёркивает тот факт, что урбанизация многих обществ началась много раньше, чем предполагалось во второй половине XIX и даже в начале XX в., раньше, чем появились античные города, не говоря уже о европейских средневековых. Термин рождён эпохой великих археологических открытий, прежде всего в Месопотамии, затем в Индии. Термин «протогород» призван обозначать первые города *в истории человечества*, в самых ранних центрах цивилизации. Внесение его в медиевистику не оправдано. Но и в исследованиях по древнейшему восточному протогороду в целом по проблематике возникновения городов однозначных решений нет. В качестве примера выше упоминалось исследование С.В. Бондарь (Бондарь С.В. 2008), с выводами которой можно спорить.

Мне трудно судить, насколько верно относить к остаткам «протогородов» некоторые упоминаемые В.В. Колодой славянские памятники, но следующее положение в его статье наверняка подвергнется обсуждению специалистами: «в рамках волынцевской культуры можно говорить о формировании *государственнообразующего микрорегиона* (здесь и ниже курсив мой. – *В.Ф.*) с центром на городище Битица-I» (Колода В.В. 2009. С. 36).

Битица

Городище Битица на р. Псёл — памятник, не относящийся непосредственно к кругу рассматриваемых, но близок к ним по ряду признаков, в том числе по представленным на нём *юртообразным жилищам* (рис. 19). Он привлечен мною исключительно в связи с вопросом терминологии, которая призвана определять содержание явления. О.В. Сухобоков полагал, что ряд особенностей памятника даёт основания рассматривать его как поселение с *раннегородской структурой* (по Д.Т. Березовцу, «эмбрион» города). Археологическими основаниями выдвинуты: 1) количество жилищ — 62 раскопанных и около 100 предполагаемых и 2) предполагаемая численность населения — 700–1000 человек (Сухобоков О.В. 2004. С. 167). Много это или мало, можно выяснить только в сравнении. Так, на совершенно маленьком и лишь частично раскопанном Правобережном Цимлянском городище уже найдено к 2010 г. ровно 50 жилищ. На Маяцком поселении при вскрытых 5–6% его площади найдено 44 постройки, предполагается ещё минимум до 240 (Винников А.З., Плетнёва С.А. 1998. С. 15). Что касается численности населения, то при его расчёте всегда надо иметь в виду, что на любом поселении не вся площадь равномерно заселялась, не все жилища существовали единовременно.

Впрочем, дело не в количественных характеристиках городища Битица, а в том, что его маленькие жилища ничем не отличаются от сельских, а в их расположении нет и намека на регулярность. На последнее я особо обращаю внимание. Что касается юртообразных жилищ, то они тоже не соответствуют пусть и «*ранне*городской» структуре. Пользуясь случаем, замечу, что реконструкция О.В. Сухобоковым юртообразных построек в виде яранг или чумов единственная в своём роде. Данные виды жилищ относятся к иным природным условиям и типам хозяйства.



Илл. 19. Битица, городище (по: Сухобоков О.В. 2004)

Высказав мнение, что круглые жилища типа битицких иногда «неверно называют юртообразными», он тем не менее использует это определение, хотя и с приставкой «так называемые» (Сухобоков О.В. С. 164, 167, подпись к рис. 3*б*).

Битица — объект, привлекающий постоянное внимание исследователей. Здесь не место рассматривать даже основные точки зрения. Как пример чрезвычайно усложненных реконструкций упомяну только построения В.В. Приймака. Он соединяет воедино проблему волынцевской керамики, последствия похода Мервана 737 г. и предполагаемого переселения какой-то поволжской группы на левобережье Днепра при поддержке Хазарского каганата. В результате этого здесь и возникает «предгосударственное» или «раннегосударственное» образование, пределы

которого, *возможно,* «на западе достигали Киевского Поднепровья, и тогда с этим временем *следует* связывать хазарскую подчинённость Киева — прямую или опосредствованную через Битицу» (Приймак В.В. 1999). В плане археологии вызывает сомнение связь волынцевской керамики с волжскими прототипами, в историческом плане — «хазарская подчинённость Киева» (Приймак В.В. 1999).

В.В. Седов о протогородах

Идея выделить протогородской этап в истории раннесредневекового города не нова. В конце XX в. В.В. Седов опубликовал обширную статью с привлечением около полусотни разных поселений Европы, от Англии и Испании на западе до линии Ладога–Херсонес на востоке (Седов В.В. 1989; далее указываются только страницы). Один только территориальный охват делает эту статью чрезвычайно полезной для исследователей темы становления европейского раннесредневекового города. Оставлю за скобками рассмотренные в статье города, возникшие ещё в римское время и продолжавшие существовать в средневековье, по Седову, города «южной зоны», в которую включены и города Византии. Обратимся к теме новых поселений северной зоны (по Седову, это территория севернее пределов Римской империи и Византии), на материалах которой и делается попытка обосновывать существование протогородской стадии.

Привлечённые автором памятники VII–IX вв. находятся в различных географических районах, принадлежат к разным археологическим культурам, от скандинавских и прибалтийских до восточнославянских. Среди них укрепленные и открытые. Археологически они исследованы в разной степени. Тем не менее в каждом автор видит в указанное время протогород, что было предопределено им заранее. Какие же признаки он в них видел (с. 43)? Их четыре. Первые два признака перекликаются.

Признак первый: *поселения неаграрного характера, отличающиеся концентрацией строений и жителей.* Так ли это? На деле «не-аграрность» для большинства из них имеет совершенно различную степень, вплоть до обратного — преобладания сельского хозяйства при наличии признаков ремёсел; признак «концентрации строений» расслоится на множество вариантов, от хаотичного расположения жилищ до очень редкого упоря-

доченного. Количество жителей в большинстве случаев не проверяемо, но, судя по указанным размерам поселений, никак не превосходило число жителей одновременных собственно сельских. Однако, с другой стороны, указанный набор первой серии признаков может принадлежать сформировавшемуся городу(!), а не протогороду.

К «не-аграрным» В.В.Седов относил посёлки ремесленников VII–VIII вв. на восточнославянской территории, укреплённые и неукреплённые. Первым названо Пастырское городище со славянским и «тюркоязычным» населением, затем городища Зимно, Каневское и другие. «Такие поселения в русской археологической литературе именуются протогородами» (с. 38). Sic! Вызывает недоумение, почему В.В. Седов, прекрасный знаток археологической историографии, в данном случае не нашел необходимым указать кого-либо из представителей обширной русской археологии.

Второй признак по сути повторяет признак «не-аграрность» — *«средоточие ремёсел»*. В обобщённом виде принять его невозможно. Более важно иное: наличие ремесленников надо оценивать не по отдельным находкам из металлов, стекла, рога и пр., а по количеству раскопанных мастерских или концентрации отходов производства. *Типичным протогородом* В.В. Седов определяет Щецин IX–X вв., «плотно застроенный жилыми постройками, в которых жили и работали преимущественно ремесленники» (с. 37). Если это так, то почему же не назвать Щецин уже с указанного времени городом, тем более что преобладание ремесла — бесспорный городской признак любого поселения? Ответ мы находим в связи с другим поселением, «соседним Волином в IX–X вв., представлявшим собой *развитый* протогород, *постепенно* переросший в раннефеодальный *город*» (с. 37). Прерву цитату.

Появление термина «развитый протогород» логически предполагает необходимость определить границу между селом и городом, то есть исходную точку появления *раннего* протогорода, а затем точку перехода последнего в *развитый,* а развитого протогорода в *ранний город.* Возможно ли провести подобную аналитическую процедуру? Ответ в продолжении цитаты: «*Границу между протогородским поселением и городом обнаружить не удаётся*» (!). Остаётся добавить, что точно так же невозможно

обнаружить границу между селом и городом. Не берём те случаи, когда поселение сразу основывается как город.

Итак, если границ между селом, ранним протогородом, развитым типичным протогородом и городом, найти не удаётся, то открывается простор для субъективных построений, зависящих исключительно от позиций того или иного автора. В.В.Седов повторяет, что «*не всегда можно провести грань между протогородом и ранним городом*» (с. 44). Ничего не решает введение В.В.Седовым ещё одного термина — *«не-аграрное поселение»* (с. 42), которое должно прийти на смену аграрному.

Этап трансформирования села в город не нуждается во введении дополнительных делений, влекущих за собою появление новой искусственной терминологии, которая сама требует обоснований (и так без видимого конца). Вывод напрашивается один: Европа в VII –X вв. переживает закономерный длительный исторический ***процесс*** становления новых городов и подъёма старых, переживших катаклизмы IV–VI вв. Отдельные европейские регионы и государства имели свои особенности этого процесса. Наконец, особенностями отмечена история каждого города. В частности большое значение имело географическое положение (приморское, континентальное и пр.).

Необходимо иметь в виду, что формирование архитектурно-планировочного облика города, его социально-экономической структуры — процесс сложный, совсем не прямолинейный. Все проявления урбанизации переплетены подвижными связями. В какой-то степени зарождение и становление города можно сравнить с развитием от простейших к сложным молекулярных структур, кристаллических решёток и подобных систем. Процесс может нарушаться, менять направление, прерываться, вновь активизироваться. Сплошь и рядом он подвергался воздействию непредвиденных внешних причин, в городе и вне его менялась политическая и экономическая ситуация и т.д. Если принять во внимание перечисленное, то станет ясно, что поиск точек перехода аграрного состояния поселения в не-аграрное бесперспективен.

Остаётся кратко рассмотреть ещё два признака протогорода по В.В.Седову, третий и четвёртый.

Третий: *«нередкие» находки дорогостоящих импортов, монет, весов и гирек.* Безусловно, торговля — одна из функций

города, иногда и основная причина его возникновения при наличии благоприятствовавших условий (географическое положение, расположение на крупной речной артерии, поддержка князя и др.). В.В.Седов писал, что перечисленные находки «свидетельствуют об активном участии протогородов в межплеменной и нередко международной торговле» (с. 43). Можно ли определить, какова должна быть частота выпадения импортов, монет, гирек, чтобы раскапываемое поселение считать уже не протогородом, а состоявшимся городом?

Четвёртый признак — *этническая неоднородность*, «когда совместные экономические интересы заставляли терпимо относиться к лицам иного этнического происхождения» (с. 43). Судя по упоминанию Бирки и Хайтхабу, автор подразумевал, вероятно, торговые интересы. Если это так, то данный признак надо считать лишь составляющей частью третьего.

Общий вопрос к сторонникам выделения протогородского этапа в истории города. В.В. Седов весьма неопределённо заметил: «...немалое число протогородов непосредственно эволюционировали в ранние города» (с. 44). На самом же деле из перечисленных им таких меньшинство, что позволяет вернуться к списку В.В. Колоды, из которого ни один «протогород» не стал городом. Целесообразно ли вводить термин «протогород» для населенных мест, которые так и не стали городами? В целом же, **вся история Хазарского каганата — непрерывный, но так и незавершенный процесс формирования культуры, экономики и государства.**

Я прихожу к заключению: распространение в археологической литературе нового термина более порождает новые проблемы, нежели помогает решать насущные старые, используя лучшие достижения отечественной и зарубежной раннесредневековой урбанистики.

Итиль

С позиций археологии этот предполагаемый «город», едва ли не самый известный в истории каганата, рассматривать сложно по простой причине — его местонахождение не установлено. Историография полна различными версиями по этому поводу, но реальных результатов они не дали. Напомню лишь самые последние.

Попытка М.Г. Магомедова обнаружить Итиль на острове Чистая Банка результатов не принесла (Магомедов М.Г. 1994).

Нельзя обойти вниманием версию Л.В. Гуренко и А.В. Ситникова (2001). Соавторы из г. Волгограда отрицают возможность нахождения Итиля в дельте Волги из-за значительных колебаний Каспия, которые приводили бы к периодическому затоплению города. Указание на отсутствие в волжской дельте памятников салтово-маяцкой культуры ещё требует проверки. Следуя предположению С.А. Плетнёвой, они выдвигают гипотезу, достаточно детально аргументируя её информацией письменных источников, о расположении Итиля/Хамлиджа на переволоке между Доном и Волгой, на юге современного г. Волгограда (не могу принять приравнивание данных ал-Истахри о «месяце пути» от булгар до Итиля точно к 1000 км; продолжительность путешествия могла меняться в зависимости от обстоятельств: Артамонов М.И. 1962. С. 391).

В подтверждение предлагаемой локализации приводится список местонахождений салтово-маяцкой культуры в черте Волгограда, в том числе двух поселений. Не считаться с этими косвенными данными нельзя, но их недостаточно для безоговорочного принятия версии Гуренко–Ситникова: следы самого Итиля в Волгограде пока не обнаружены.

Ухищрённые расчёты местоположения Итиля предпринял И.Г. Семёнов, используя, во-первых, сведения арабских авторов (Ибн Хаукала, Мас'уди) о расстоянии от Дербента до Семендера.

Однако перед этим автор замечает, что «свидетельства арабских географов о местоположении Итиля очень путаные, а использовавшаяся ими единица измерения расстояний — день пути — достаточно расплывчата, но тем не менее их с успехом можно использовать для поисков Хазарской столицы» (Семёнов И.Г. 1994. С. 212). Нет спора, по мере возможности надо извлекать положительные сведения из любого источника, но автор в приведённом пассаже противоречит сам себе. Что выбирать? Если сведения «очень путаные», то как их использовать «с успехом»? Во-вторых, автор напоминает гипотезу о преемственности Итиля и Саксина: «Если (! — *В.Ф.*) Саксин действительно находился на месте Итиля, в чём мало кто сомневается…» Вопрос: а если Саксин не находился на месте Итиля? Типичная ошибка доказательства, когда вывод строится на предшествующем предположении. Замечу, что до археологического подтверждения напластования Саксина на Итиль всегда будут основания для сомнений. Это нормально (ниже я сам пишу о не подтверждаемых предположениях иного рода).

Более детально свои построения И.Г. Семёнов изложит в другой публикации (2002). Ошибка автора опять в методике. Первым ориентиром для поиска Итиля взят Семендер I, который по автору, безусловно находился на месте пригорода г. Махачкалы — поселка Тарки, что якобы «подтверждается большинством исследователей» (довод, недопустимый в науке, к тому же нет ссылок на представителей этого «большинства»).

Вторым ориентиром выступает Шелковское городище на р. Терек, которое вслед за Л.Н. Гумилёвым автор объявляет Семендером II. Приводя список критиковавших это построение Гумилёва (Г.С. Фёдоров-Гусейнов, В.Б. Виноградов, В.Г. Котович, А.В. Гадло) и признавая, что «предположение не является достаточным для того, чтобы опираться на него», И.Г. Семёнов тем не менее заключает: «Всё же я полагаю, что будет нелишним использовать его для расчётов» (С. 41). Такая исходная посылка сразу делает все дальнейшие расчёты автора по крайней мере сомнительными.

Дело, однако, не только и не столько в неприемлемом методе доказательств. Важнее другое — ни в Тарках, ни на Шелковском (Шелкозаводском) городище (оба местонахождения я имел возможность посетить, как и упоминаемые ниже Чир-Юрт и Андрей-аул) не обнаружено никаких археологических свидетельств большого города. Тарки малодоступны для раскопок из-за современной застройки. Шелковское же городище невелико для столичного центра, а главное, его площадь и поныне совершенно не исследована (см. ниже).

В итоге высчитанное И.Г. Семёновым расположение Итиля к югу от дельты Волги на современном дне Каспия не может быть признано. Подводные археологические работы здесь не производились. Сам Семёнов пишет: «По некоторым (*каким?*) сообщениям, на снимках северной части Каспийского моря, сделанных с околоземной орбиты, видны некие (*какие?*) пятна, которые можно (*на каком основании? — В.Ф.*) идентифицировать как хазарские городища. К сожалению, до сих пор я не имел возможности видеть эти снимки, но любой исследователь, такой возможностью располагающий, может сравнить результаты приведённых расчётов с данными космической съёмки» (Семёнов И.Г. 1994. С. 215). Остаётся надеяться, что кому-то это удастся сделать.

По гипотезе М.И. Артамонова, основанной на расчёте «хазарского» фарсаха, Итиль следует искать в районе г. Енотаевска Астраханской области (Артамонов М.И. 1962. С. 390). Прошло полвека, но известие о находке остатков хазарской «столицы» в указанном районе не пришло. В очередной раз подтверждено: нельзя одну гипотезу базировать на другой. Я имею в виду, в частности, попытки брать за ориентир Семендер, само местоположение которого не установлено, но который неоднократно служил точкой отсчета при поисках Итиля. Кроме того, длина «фарсаха» — понятие весьма неопределённое, в чём приходится убеждаться при попытках рассчитать его размеры.

Что представлял собою Итиль?

Соответствовал ли действительно он описаниям Иосифа и особенно арабо-персидских географов как сторонних информаторов? Об этом столько написано, что уже сама библиография, как давно и не без иронии отметил Б.Н. Заходер, может стать объектом исследования.

Данные из восточных географов нас интересуют в одном аспекте, а именно в плане практической археологии, т.е. в какой степени они надёжны для «узнавания» в том или ином памятни-

ке Итиля как объекта полевых исследований, как остатков «города» или иного типа поселения.

Наиболее просто решается проблема датирования будущих или уже имеющихся находок в предполагаемых местах расположения Итиля, естественно, в первую очередь керамики. Источники предлагают разные даты основания Итиля. М.И. Артамонов склонялся к появлению новой столицы на месте ставки кагана в VIII в. (1962. С. 234, 235). На мой взгляд, заметное с археологической точки зрения обустройство Итиля должно было начаться после 737 г. Думаю, не может быть разногласий в отношении VIII в. Но очень возможно обнаружение более раннего поселения в виде следов простейших жилищ под остатками кирпичных сооружений. О перекрывающих слоях сказать что-либо определённое трудно, разве что ориентируясь на сведения Абу Хамида Гарнати, побывавшего в Итиле в XII в., когда каганат уже ушел в небытие. Не был ли это Саксин?

О прототипе Итиля есть *версия О. Прицака*. Приведу как один из примеров умозрительных построений. Во-первых, он полагает, что хазары построили новую столицу на месте поселения мардов/амардов, «народа, известного в качестве разбойников» (со ссылкой на Страбона). Во-вторых, в роли образца для Итиля, по Прицаку, «можно рассмотреть» г. Аматол на юго-востоке Каспия, столицу Джуржана*, на основании того, что последний состоял, как и Итиль, из двух частей. В целом же родиной идеи двойного города автор считает Иран эллинистической эпохи, а в качестве примера указывает на Ктесифон, Деметриус, Александрию-Каписа (Голб Н., Прицак О. 1997. С. 178–180). Серьёзным комментариям эти построения не подлежат, а список двойных городов можно расширить примерами из самых разных стран и эпох.

Далее воспользуемся обобщёнными данными об Итиле из *«Каспийского свода» Б.Н. Заходера*. Этот классический труд не теряет своего значения, несмотря на некоторые замечания более поздних исследователей. Во всяком случае, равного ему по проработке сведений об Итиле нет. «Свод» избран и по причине известности всем хазароведам (благодаря этому и во избежание

* Возможно, О. Прицак имел в виду город Амул (Амоль) на севере провинции Табаристан (позднее Мазандеран)? К северо-востоку от г. Амула есть г. Джурджан (Большаков О.Г. 2002. С. 182–183, карта).

перегрузки текста ссылками часто не буду указывать страницы). Изредка будем обращаться к иным авторам, в частности М.И. Артамонову. Итак, Итиль как объект археологического поиска.

О местоположении Итиля

Точное расположение по источникам не определить. Постоянное упоминание в «Своде» восточной и западной части, иногда и острова, а также сообщения, что урожай везут не только на повозках, но и судах, приводит меня к следующему заключению. Город находился в дельте Волги, и все его части оказываются островными, ибо дельта по сути скопление островов. Выделение источниками восточного и западного городов может указывать только на заметную ширину протоки между ними. И, вероятно, на то, что оба лежат на больших «островах», *не* занимая всю их площадь. «Дворец» лежал на меньшем островке и также, вероятно, не занимал всю его площадь. Город спрятан в дельте, она служила ему защитой больше, чем любые стены. Возможно, такая реконструкция поможет определить местоположение Итиля ещё до раскопок (в заливаемой пойме, периодически превращаясь в «острова», находились крепости Саркел и Семикаракорская, также кирпичные).

О начале Итиля

О начале Итиля фактически не известно ничего. Как мог выглядеть Итиль в момент переноса в него административного центра и кто мог быть первыми переселенцами? Вероятнее всего, первыми прибыли для рекогносцировки военные отряды на заранее выбранное место, возможно, в небольшое поселение или их скопление (Заходер Б.Н. 1963. С. 197). Так начиналась Басра в первой половине VII в. Сначала арабские воины поставили лёгкие дома из камыша, затем сгоревшие. Их заменили глинобитными. При основании Куфы сначала были отведены места для центральной площади, мечети, точнее, места пятничных молитв (Большаков О.Г. 2002. С. 151, 152). Я думаю эти примеры надо иметь в виду, как и материал первых построек. Камыша и других пригодных для строительства травянистых растений в дельте Волги достаточно, как и глины. Не было камня, что и повлекло последующее строительство «дворца» царя из кирпича, возможно, и мечетей, и некоторых общественных строений, если не из обожженно-

го, то из сырцового (широкое кирпичное строительство шло и в Халифате в равнинных безлесных районах). Что же касается городских стен, то не исключено использование в них кирпича *сырцового* (Петрухин В.Я. 2002. С. 307). Это весьма вероятно из-за большого объёма необходимого для городских стен строительного материала, ведь обжиг кирпича — процесс и дорогой, и длительный. Строительство печей и сбор камыша в качестве топлива для обжига значительно осложнили бы дело. Не может быть сомнений в том, что стены Итиля по протяжённости значительно превосходили стены Семикаракор и Саркела.

Итак, в самых нижних слоях памятника могут быть остатки наземных камышовых и глинобитных жилищ, но также и хорошо известных в салтово-маяцкой культуре каганата наземных и углублённых юртообразных. Вероятно, именно они могут попадать под определение «шатры». Несомненно, были и настоящие шатры, т.е. войлочные юрты, особенно у воинов, но от них в лучшем случае могли сохраниться только очажки-«тарелки». Возможно, сохранились и сырцовые оборонительные стены.

До раскопок определенно судить о преобладающем типе жилища невозможно, так как *шатры* упоминаются и у венгров, и у буртасов. У всех ли были одинаковые жилища? Восточные авторы не вникали в эти тонкости, называя так любое примитивное жилище. Правда, Ибн Хаукал сообщает о жилищах: «как бы шатры из дерева», но опять же это шатры, вероятно, как-то усовершенствованные, но не дома. Обратим внимание на «как бы». Автор не мог найти им точное определение.

Картина, нарисованная Б.Н. Заходером: «По сравнению с роскошными царскими дворцами из обожженного кирпича общий вид городских жилищ представлял довольно унылое зрелище. По большей части это были шатры, вряд ли чем существенным отличавшиеся от шатров настоящих кочевников, да глинобитные, врытые в землю мазанки, не менее примитивные, чем сами шатры» (1962. С. 291). Б.Н. Заходер немного преувеличил роскошь дворцов (о них см. ниже), которой не преминули бы восхититься информаторы наших источников, а вот мазанки могли выглядеть как действительно унылые по виду *шошала* казахов или жилища из дёрна и двойного плетня, набиваемого землёй и навозом, у киргизов (Маргулан А.Х. 1964. С. 55. Харузин Н.Н. 1896. С. 55). То, что все авторы говорят о шатрах в отстроенном

Итиле, когда уже стоял «дворец», явное свидетельство отсутствия в нём регулярной застройки и подобия уличной планировки, свойственной городам. В ходе раскопок это будет выглядеть как самое рядовое поселение. Многие жилища окажутся в заброшенном состоянии. Примитивность жилищ неизбежно связана со свободным расположением, что подводит нас к вопросу о величине города, о размерах его площади.

О размерах города

Описания Иосифа оставим в стороне, для конкретных реконструкций они мало пригодны, о чём написано достаточно. Что содержат сообщения восточных географов? В них только один линейный размер в двух вариантах: 1) По Истахри: западная часть города, где живёт царь, имеет длину примерно *один фарсах*; она окружена стеною с четырьмя воротами. 2) По Ибн Хаукалу, размер обеих (а не одной!) окруженных стеною частей города *один фарсах* (Заходер Б.Н. 1962. С. 187, 188). Из этого остаётся довольствоваться одним — указания на длину более чем в один фарсах для Итиля нет. Попытка разобраться, к чему этот фарсах относится, перерастёт в гадание, тем более что фарсах — мера, чётко не фиксированная. М.И. Артамонов рассчитал «хазарский» фарсах — около 13 км, но применительно к территории самой Хазарии. Восточные авторы, вероятнее, пользовались «арабским» фарсахом — около 6 км. Могло ли пространство с поперечником в 6 км быть окружено стеною? Среди археологических памятников каганата аналогов нет. Остаётся признать, что речь может идти только о *протяжённом пространстве* с разбросанными по нему скоплениями жилищ, тех самых шатров. Даже если ширину этого пространства принять не за один фарсах (по аналогии с длиною), то есть *не* за 6 км, а всего лишь за 500 м (учтём необходимость ежедневного доступа к воде в протоках), то заселённая площадь составит около 3 кв. км = 300 га. Какое-либо подобие уличной планировки исключено. Однако вернёмся к упорным сообщениям об одном фарсахе, причём применительно к разным объектам. Создаётся впечатление, что в описании Итиля это не мера длины, а некое условное определение, что-то вроде «заметный город в описываемой стране». К тому же известна тенденция восточных авторов «во всех случаях, когда удаётся проверить свидетельства средневековых

географов, указания *“около мили”, “длиной в фарсах”* округлять в сторону увеличения» (Большаков О.Г. 2001. С. 107).

Трудно выбрать сравнение среди восточных городов, любое субъективно. Монография О.Г. Большакова предоставляет большой выбор, наугад обратимся к сирийским: крупные 70–150 *га*, средние 20–50 га, малые 10–15 га. Рамла, основанный в VII–VIII вв., занимает 200 га, «что вполне соответствует тогдашним представлениям о большом столичном городе» (Там же). Даже по предложенному заниженному расчету Итиль в два раза больше крупного сирийского и в полтора — столичного ближневосточных городов?

Попробуем взглянуть на север, на Волжскую Болгарию. Письменные свидетельства о её городах разнообразны, противоречивы, переплетаются с сообщениями об Итиле (Фахрутдинов Р.Г. 1984. С. 46–62). Но нам известны площади и планы городищ (Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. 1987. Фахрутдинов Р.Г. 1975).

Билярское городище — 570 га, максимальный поперечник до 3 км. Внутренний город в окружении валов 130 га, протяженность до 1 км (Фахрутдинов Р.Г. 1975. С. 100. Халиков А.Х. 1976. С. 28, 39; отмечу, описания и промеры городища в изданиях разнятся). Этот «великий город» — позднее Итиля.

Булгарское городище –380 га (Фахрутдинов Р.Г. 1975. С. 125), максимальная протяженность до 2,5 км.

Суварское городище — всего 100 га (Там же. С. 120). Обратим внимание, Булгар больше Сувара почти в 4 раза, но по источникам оба имеют протяженность в один фарсах, как и Итиль. При этом протяжённость Биляра, самого большого среди трёх городов, не достигает фарсаха. Это служит лучшим доказательством тому, что *фарсах,* как выше отмечено, понятие условное в описании как Итиля, так и булгарских городов.

Можно ли предположить, какова площадь Итиля, ориентируясь на булгарские памятники? Лишь на уровне рассуждений, не более, приняв за некоторый ориентир при поиске Итиля. То, что предложенная мною выше площадь Итиля соразмерна с некоторыми городищами Волжской Булгарии, до некоторой степени совпадение, ведь я исходил из того же «одного фарсаха» и некоторого археологического опыта. Итиль реальный может оказаться даже меньше Сувара, т.е. менее 1 кв. км. В целом же сравнения реконструируемого Итиля и реально измеренных

городищ Волжской Булгарии не совсем корректны, последние относятся ко времени, когда каганат прекратил существование. Важно учитывать и разную географическую среду, повлекшую применение разного строительного материала.

Численность населения

Определению не поддаётся, как и площадь. Мы располагаем двумя относящимися непосредственно к Итилю цифрами.

4000 мужей-иудеев в окружении царя. Реальна эта цифра? Возможно, но с учетом, что не все несли свои обязанности одновременно. Весьма вероятно, в это число входила вся «администрация» и обслуживающие её, от писцов до конюхов.

10 000 — мусульмане в восточной части Итиля. Есть поправки — «свыше 10 000», и названы они в связи с мечетями, а также «не считая тех, которые служили в войске».

Должна насторожить округлость чисел, что вновь заставляет относиться к ним как оценочным типа «достаточно много». Особенно к «10 000». Обратим внимание: то же количество войска конного на содержании царя и знатных людей. Однако «10 000» фигурируют совершенно в ином контексте: «У булгар два города, имя одному Сувар, другому Булгар; оба города поблизости друг от друга (или в двух днях пути друг от друга; в обоих городах — деревянные строения, соборная мечеть, живут там мусульмане, по 10 000 человек в каждом городе» (Заходер Б.Н. 1962. С. 27). Почти калька описания Итиля: два города, деревянные строения, мечети и то же число жителей. Так, может быть, «10 000» это не более чем некоторый штамп? Ведь Сувар почти в шесть раз меньше Булгара. Но вопрос о численности населения Сувара и Булгара гораздо сложнее, так как неизвестна площадь этих городов на X в. (оставлю в стороне вопрос об идентификации Булгара источников с Билярским городищем). Вновь, как только мы делаем попытку реальных сравнений, исходные данные расплываются и деформируются, как облака.

О круглых числах

Они весьма распространены в восточных источниках, касающихся Восточной Европы, и не только её.

«5000». Это число оставшихся русов после похода на Каспий (ал-Масуди).

«10 000». Столько воинов выставляют буртасы по требованию царя хазар» (Ибн Даста).

«15 000». Численность совместного войска мусульман и христиан при разгроме русов (см. ниже об убитых русах).

«30 000». Столько убито мусульманским войском каганата русов при возвращении их из похода на Каспий (ал-Масуди).

Ещё один пример поражает своей прямотой, если не некоторой наивностью и цифрой, и тем, к чему она отнесена, — это, по ал-Мукаддаси, 100 000 русов на «острове».

Чрезвычайно интересно для сравнения обратиться к другому восточному источнику, в котором числа упоминаются многократно, — Иосиф Флавий «Иудейская война» (пользуюсь репринтным изданием: Иосиф Флавий, 1900). Численность разных контингентов у Иосифа Флавия встречается многократно. Возьмем некоторые примеры, а для начала целый ряд из небольшого отрывка о деяниях царя Александра Ианная (105 — 79 гг. до н.э.) в порядке упоминания (Иосиф Флавий. Кн. 1, гл. 4)

10 000 — убито иудеев;

6000 — убито восставших иудеев;

50 000 (не менее) — истреблено иудеев за шесть лет;

3000 — конница;

40 000 — пехота;

1 000 — всадники;

8000 — пехота;

10 000 — вооруженные иудеи.

Создаётся впечатление, что в зависимости от контекста и эти числа оценочны: «мало», «много», «очень много». Получается весьма трудно без дополнительной информации решать в каждом отдельном случае, насколько приводимая цифра реальна. Самая реальная, хотя опять же округлённая, численность участников местных столкновений — 1 тыс. всадников и 3 тыс. конницы, с большим сомнением восприемем 8 тыс. пехоты. Более чем сомнительна суммарная численность погибших иудеев 66 000 тыс. Дальнейшие комментарии оставлю за читателем, но особо обращаю внимание на уже знакомые нам «10 000».

Далее, без перечисления событий, укладывающихся в I в. до н.э. — I в. н.э.:

10 000 тяжеловооруженных (здесь же 1500 всадников) (Кн. 1, гл. 8: 2);

10 000 иудеев пали мертвыми (Кн. 1, гл. 8: 7);

10 000 мастеров при реставрации Храма, затеянной Иродом Великим (Кн.1, гл. 21: 1, примечание 1).

Особенно впечатляет число раздавленных в Храме при панике, вызванной неуклюжими действиями «множества» римских солдат наместника Кумана в 50 г., — «10 000» (Кн. 2, гл.7х1). Какова же должна быть толпа, раздавившая такое число людей?

Особенно любопытно: 8000 иудеев из живших в Риме (Кн. 2, гл.6: 1) и особенно «свыше 9000» в осаждённой Масаде (Кн. 1, гл.13: 8).

Не может не вызывать сомнения численность поклонников лжепророка, прибывшего из Египта и «собравшего вокруг себя 30 000 заблуждённых» (это уже трижды по 10 тыс., т.е. «громадное множество»).

Позволю усомниться и в самом большом, если не ошибаюсь, числе, упомянутом Иосифом Флавием, — «не менее 3 000 000 иудеев», собравшихся на праздник Опресноков в Иерусалим (Кн. 2, гл. 14: 3).

Разумеется, у Иосифа можно встретить и вполне реальные числа: 60 солдат, 100 знатных иудеев, 400 галатов, 500 и 600 всадников, 800 воинов и 800 рекрутов, 1500 тяжеловооруженных римлян у Вара, 2000 убитых в пяти городках (в среднем по 400) и др.

* * *

Итак, о населении Итиля. Не удивляет, что географы стран ислама упоминают только мусульманскую часть населения Итиля. Только мужчин? При попытке пойти по пути расчета семей мы можем достигнуть совершенно непроверяемых чисел. Достаточно вспомнить, что у Б.Н. Заходера при исходно взятой численности воинов *ларисийа* в 7000, общая их численность вместе с мужчинами и женщинами выросла до нескольких «десятков тысяч» (Заходер 1962. С. 155, 156). Археология в таком случае вправе ожидать открытия хоть какой-то части их погребений по мусульманскому обряду и, возможно, с некоторыми этнографическими признаками культуры и особенностями антропологии. Со временем это как-то выяснится. Итак, если подсчитывать по методу Заходера, то только мусульманское население Итиля составит «десятки тысяч». Но в городе жили ещё идолопоклонни-

ки и христиане. Кроме числа ларисийа Масуди сообщает суммарную численность объединенного войска мусульман и христиан в 15 000 человек, что совершенно уведёт нас от темы (не могу не отметить, что оборот «можно предположить» никак не оправдывает доверчивые расчеты: 12 тыс. войска минус 7 тыс. мусульман равняется 5 тыс. славян и русов (Коновалова И Г. 2003. С. 176). Всё, чем реально располагаем по источникам для Итиля, — это округленное число иудеев и ещё более округленное — мусульман, что в итоге составляет 14 000 или немного «свыше». Только в качестве эксперимента умножим на 5 (минимальный состав семьи), что даст 70 000. Более чем сомнительно.

И вновь, только на уровне рассуждений, попробуем установить плотность заселённости Итиля, если его площадь не превышала 300 га. Результат — 233 человека на гектар — заведомо неверен. Он соответствует «плотной застройке» двухэтажными домами восточноазиатского города (Большаков О.Г. 2001. С. 102).

Сделаем расчет от противного. Сколько может разместиться населения при сельской или усадебной застройке из нормы того же региона в 15–25 чел./*га* (Там же). В итоге получим от 4500 до 7500 человек. Необходимо, однако, учесть неравномерность распределения населения в больших населённых пунктах. В нашем случае в центре Итиля, во «дворце», она безусловно была выше, чем на остальной площади с жилищами-шатрами. Рискнём по этой причине увеличить экспериментально полученную максимальную цифру (7500) в два раза и получим примерно 15 000, из которых 4000 в окружении царя и «свыше 10 000» мусульман.

Остаются идолопоклонники и христиане. С учетом того, что язычество абсолютно преобладало в Хазарском каганате, рискну назвать их численность в Итиле по крайней мере равной мусульманской. Какого-либо критерия для предположения о численности христиан нет вообще. Б.Н. Заходер остановился на следующем: «Фраза Масуди, констатирующая опасность для хазарской суверенной власти объединения мусульман и христиан показывает, что христиан в Итиле было не меньше, чем мусульман». При этом, однако, исследователь признавал, что наличие христианства в Хазарии отражено в восточных источниках весьма смутно и недостаточно (Заходер Б.Н. 1962. С. 162). Источники даже не сообщают, было ли это местное крещёное население или

же пришлое. Очевидных данных приравнять христиан к мусульманам нет, как и к язычникам.

В конечном итоге я не могу предложить численность населения Итиля более чем в 30 000 (± несколько тыс), из которых ориентировочно 10 000 мусульман, 4000 иудеев; 15 000 оставим за идолопоклонниками и христианами. Повторяю, это расчет экспериментальный, исходной базой для которого послужили та же условная протяжённость Итиля в «один фарсах» = 6 км и предложенная мною ширина заселённой площади в 500 м. Тридцать тысяч — это максимум, который я могу допустить.

В связи с *«одним фарсахом»* — о представлениях восточных авторов о размерах: «Даже такие поздние авторы, как Димашки и Хондемир, поражают нас отсутствием какого-либо приближения к действительным размерам: 280 (или 260) и 200 фарсахов, приводимые ими в качестве мер длины и ширины, превосходят современные в 2–5 раз» (Там же. С. 18). Это о Каспийском море! Что же говорить о затерянном в дельте Волги населённом месте.

Насколько всё же достоверны предложенные расчеты численности населения Итиля, в которых я действовал по методике, применённой О.Г. Большаковым на памятниках Средней Азии? Вместо ответа: «Для суждения о численности населения среднеазиатских городов достижением будет даже такая методика, которая допускает ошибку в 100%» (Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. 1973. С. 257). Методика расчета населения, описанная самим автором с учетом опыта других исследователей, требует знания площади памятника и плотности его застройки. Или: расчет же по известной численности населения площади населённого места требует знания плотности застройки. В случае с Итилем ни один (!) из трех составляющих достоверно неизвестен. В том, что погрешность может превзойти 100%, я не сомневаюсь.

Предложенная численность населения Итиля значительна (не забудем о неопределимой погрешности), но сама по себе не может служить к выводу о городском облике поселения. Вычисления размеров и количества населения Итиля не должны заслонить гораздо более важный в русле рассматриваемой темы вопрос*: была ли необходимость в существовании в каганате столь большого населённого пункта?* Я не вижу иной, кроме

административной, что в реальности сводилось к обслуживанию кагана и его двора, размещению должностных лиц и обслуживающих их, размещению гарнизона. Кроме того, и это надо обязательно учитывать, требовался, если можно так выразиться, «второй эшелон» населения, который обеспечивал нужды самого населения (ремесленники, оружейники, мелкие торговцы и т.д., вплоть до служителей всех культов). Второй крупный контингент населения Итиля — обычные полевые войска, часть которых всегда должна была находиться «под рукою». Независимо от того, насколько близка к реально существовавшей предложенная на шаткой основе численность населения, она не была стабильной. На полгода население уходило на поля, а сам царь и какая-то часть войска — на полюдье (см. ниже), даже в зимний период часть населения со скотом и табунами жила вне города.

С проблемой размеров Итиля и численности населения связана столь же сложная — проблема мечетей.

Мечети

Против оценки «тридцать квартальных» не возражал М.И. Артамонов, выделяя одну соборную с минаретом, превышающим царский дворец (1962. С. 396). Свидетельства, однако, неоднозначны. Обратимся вновь к Б.Н. Заходеру.

Масуди: в Итиле «соборная мечеть, минареты которой выше дворца царя, другие мечети (количество не указано. — *В.Ф.*), а в них мектебы, где учатся юноши (С. 154, 155).

Истахри. Первый раз при описании восточной части Итиля упомянуты рынки, бани, число мусульман «превышает» 10 000, мечетей 30. Персидский вариант Истахри исправляет арабский оригинал: в восточной части не тридцать, но 3 мечети.

Ибн Хаукал, следуя Истахри: в восточной части 30 мечетей.

Бакри: бани, рынки, мечети, имамы, муэдзины.

Йакут. В одном случае, следуя за Истахри, «упоминает о соборной мечети, где совершается молитва по пятницам и находится высокий минарет, без сравнения по высоте с царским дворцом, как у Масуди. Очевидно желая особо оттенить значение этой мечети, Йакут говорит о нескольких муэдзинах, её обслуживающих (С. 158–159).

Помимо мечетей мы имеем и другие составляющие культа ислама (имамы, муэдзины, мектебы). Не вызывает сомнения наличие соборной, пятничной, мечети, что само вроде бы предполагает существование других, квартальных, а возможно, и маленьких, типа часовен без служащих (характерно и упоминание бань в связи с мусульманами). Отмечу, что при них не упомянуты минареты, но призыв муэдзина мог раздаваться с крыши мечети. Молитвы суточного круга возможны в любом месте, на котором соответствующий час застал мусульманина. Это немаловажное обстоятельство могло сокращать потребность в мечетях. Впрочем, всё это детали. Важно оценить достоверность сведения о 30 мечетях. Много это или мало? Вновь смущает круглое число. Теперь это «30», как вариант — «3» (описка?). Как ни удивительно, но никто из исследователей до сих пор не пытался подсчитать, сколько же мечетей было необходимо для мусульман численностью не менее 10 000.

Количество квартальных мечетей можно было бы приблизительно рассчитать, исходя из численности мусульман, но оно, как отмечалось выше, тоже округлено. Не следует забывать, что ежедневные моления шли и в той же соборной мечети, вместимость которой, впрочем, неизвестна. О её величине не позволяет даже косвенно судить упоминание минаретов, так как царь разрушает *один* минарет.

И всё-таки количество мечетей остаётся совершенно неясным. 30 квартальных мечетей на 10 000 мусульман слишком мало. Получается на 333 человека одна мечеть. В итоге мы возвращаемся в трясину непроверяемых цифр. Вновь убеждаемся, что цифровые характеристики Итиля слишком условны. Согласившись с числом 333 человека на мечеть и при необходимости 0,5 кв. м на человека, мы должны ожидать находки мечетей со средней площадью молельного пространства не менее 170 кв. м (допустим, 10 х 17 м). Сокращая произвольно площадь мечети, мы соответственно должны увеличивать их количество. Но надо признать, что мечеть площадью не менее 170 кв. м — это солидное сооружение. Были такие в Итиле? Ответ могут дать только раскопки.

В каком виде выявится картина культовой исламской архитектуры при раскопках? Чего ожидать, если остатки мечетей не уничтожены возможными перекопами? Первая трудность — неизвестен строительный материал соборной мечети и её минарета(ов). Допускаю обожжённый кирпич. В таком случае

возможны реконструкция плана соборной мечети по обрывкам кладок и обнаружение фундамента минарета, хотя бы не очень заглублённого из-за высокого уровня грунтовых вод в дельте.

Как опознавать квартальные мечети? Не было ли среди них обычных глинобитных домов? Но нельзя исключить, что их строили если не из обожжённого, то хотя бы из сырцового кирпича. В таком случае нижние слои кладки могут сохраниться очень хорошо, так как сырцовые кирпичи разборки для вторичного использования не выдерживали. Моё предположение о сырцовом кирпиче ничем, однако, не обосновано, кроме как известностью его на других памятниках каганата. Необходимо обнаружить хоть какие-то руины, отличающиеся от остатков тех самых «шатров» (очаг в центре нечёткого пятна культурного слоя), юртообразных и глинобитных жилищ. Это программа-минимум.

Сомнений в существовании мечетей в Итиле нет. Дело не в их количестве. В плане рассматриваемой темы нас интересует иной вопрос, принципиальный: является ли мечеть, даже соборная, признаком «города»? Была ли она таковой непосредственно в странах ислама? О.Г. Большаков, отметив *условность любой классификации и невозможность найти границу между городом и не городом,* обратил внимание на следующее: «Только географ ал-Мукаддаси попытался определить, чем отличается город, и принял за основной признак наличие соборной мечети, но сам признавал условность этого, так как *некоторые населенные пункты, не считаясь городами, имели соборные мечети*». Далее же О.Г. Большаков ведёт по пути, который археологии недоступен, но пройдём по нему несколько шагов. «Принцип, избранный ал-Мукаддаси и опирающийся на существовавшие в то время взгляды юристов, имеет достоинства объективности. Наличие соборной мечети и кафедры проповедника в ней (мимбар) — не формальный признак для определения города, *в ней олицетворяется его административно-политическое положение. С мимбара произносится хутба с именем государя, определяющая политическую принадлежность города к данному государству*» (Большаков О.Г. 2001. С. 58, 59). Так можно ли использовать мечети как признак Итиля как города? Казалось бы, да, если бы царь (каган) не был иудеем! Вероятно, религиозным центром ставки кагана являлась хранимая Иосифом скиния (шатёр) с ковчегом, светильником, столом, жертвенником и священными сосудами. Странно, что Иосиф не упоминает в своём известном письме синагоги Итиля. Как это объяснить?

Внимание авторов-мусульман к мечетям Итиля понятно. Для нас же важнее другое — мечеть в каганате не могла ассоциироваться с административно-политической системой и носителем власти, а отношения с мусульманами не были простыми, свидетельство чему разрушение минарета и казнь муэдзинов. Только страх за единоверцев-иудеев за пределами каганата остановил царя от разрушения самой соборной мечети. С другой стороны, «…мы не находим ничего, что говорило бы о стремлении этой группы (ларисийа. — *В.Ф.)* хазарского населения превратить ислам в обязательную единую религию каганата» (Заходер Б.Н. 1962. С. 157). Но попробуем представить настроения мусульман Итиля после кровавого конфликта, учитывая, что после хутбы должна по канонам ислама следовать молитва о государе, в данном случае — иудее (!), а затем обо всех мусульманах и победе их оружия. Ситуация парадоксальна и беспрецедентна, так как иного государства с монархом-иудеем тогда не существовало. Сравнивать не с чем.

Эпизод с разрушением минарета ставит под сомнение давно бытующее мнение о т.н. «веротерпимости» в Хазарском каганате, якобы обеспечивавшей её торговые интересы и поступление таможенных сборов. Тема, требующая особого рассмотрения вне рамок этого очерка. Но обращу внимание: понятие «веротерпимость» внесено в историю Хазарского каганата из современной лексики, где оно имеет иной и совершенно определённый смысл. Оно означает осознанную необходимость и практику уважения к выбору веры инакомыслящими.

Итак, мечети в Итиле никак не пригодны для использования в качестве признака города, даже если они будут найдены в ходе раскопок. Мечеть, особенно рядовая, не может служить безусловным признаком типа поселения. Она прежде всего признак мусульманской общины (например, в Дагестане мечети были и есть в каждом крупном ауле). В Итиле мечеть — признак проживания мусульманского населения и ларисийа, как и церкви — христианской общины. Во всех религиях размеры культовых зданий, как и их количество, определялись финансовыми и материальными возможностями общины или жертвователей. Что

касается христианских храмов Итиля, то не были ли они такими же маловместительными, как в Чир-Юрте (Магомедов М.Г. 1983. С. 158, 159)? И уже совершенно ничего нельзя предположить о синагогах, а ведь это наиболее интересно для хазароведения.

В отличие от культовых построек есть некоторая возможность для предположений о том, что источники называют «дворец царя».

«Дворец» или цитадель

При имеющихся исходных данных я не вижу возможности обсуждать вопрос о том, весь ли город или только одна его часть были окружены стеною. Стена, окружающая город протяжённостью в фарсах, при том, что кроме кирпича иной строительный материал в источниках не назван, вызывает сомнение. Сравнение, по Мукаддаси, со стеною Джурджана-Ургенча объяснению не поддаётся. Может быть, по строительному материалу?

С позиций археологии выскажу некоторые соображения исходя из следующих данных: «...вместо стены, окружающей западную часть Итиля, Мукаддаси сообщает о “дворце султана” из обожженного (?) кирпича (ср. Масуди, рассказ В); по его словам, именно дворец, а не стена [городская. — *В.Ф.*] имел четверо ворот» (Заходер Б.Н. 1962. С. 188). К этому добавим важные уточнения: «...дворец царя далеко от берега, сложен из обожженного кирпича, — царь не разрешает строить из этого материала» (Там же. С. 185). У Масуди это звучит так: «В середине этой реки остров, на нём дворец царя (каср). Замок царя на краю этого острова».

Оставим в стороне островное положение, об этом говорилось выше. В нашем распоряжении остаётся сооружение из кирпича с четырьмя воротами, которое названо либо дворцом, либо замком. Не поддаются уточнению термины «дворец», «замок», вероятно, в данном случае они равнозначны. Всё-таки более подходит термин «каср», но обсуждение переводов на русский оставлю лингвистам. «Замок» вызывает определенные ассоциации, о которых я писал выше. Иные ассоциации вызывает определение «дворец». В расхожем понимании это здание с некими архитектурными элементами, с художественным оформлением интерьеров помещений, обязательными парадными залами. Если и существовали во дворце элементы декорирования, то выполнены они могли быть только приглашенными мастерами, например среднеазиатскими. Что касается самой Хазарии, то она собственной гражданской архитектуры не знала.

Ни малейших исходных данных для реконструкции «дворца» нет. Нам остаётся заменить это пышное определение вполне нейтральным «жилище царя». Я имею в виду непосредственно помещения, в которых обитали «царь», «царица», ближайшее окружение. Интерьеры могли оформляться коврами, как и в «шатрах»-юртах.

Остаются постоянно упоминаемые стены, кирпич и четверо ворот «дворца». Рискну высказать предположение, что мы имеем дело не с четырёхвратным «дворцом», но хорошо знакомой нам по археологии *цитаделью.* Четверо ворот могут указывать на её прямоугольный план. Ближайшим аналогом, но меньших масштабов, может выступать квадратная Семикаракорская крепость с её квадратной же цитаделью, также занятой кирпичными строениями. На севере каганата стояла белокаменная Маяцкая крепость с цитаделью. Другими словами, сам принцип создания изолированного пространства в виде цитадели внутри крепости был хазарам известен. Собственно жилище «царя» находилось внутри этой цитадели. Некоторый намёк на то, что цитадель была относительно невелика, — её расположение «на краю островка», или, как писал Иосиф, «я живу внутри островка».

Предлагая реконструкцию, я понимаю, что проверена она может быть исключительно раскопками. Пример исследования Саркела показал, что даже в случае полного уничтожения стен от кирпичей обязательно останутся отпечатки. Большое разнообразие кирпича вторичного использования даёт городище Самосделка (см. ниже), но самосдельский кирпич из верхних слоёв памятника предстоит ещё систематизировать и определить источник его происхождения.

* * *

Если попытаться вербально или графически создать модель Итиля на основе противоречивых и отрывочных сведений письменных источников, то вряд ли получится что-либо целостное. Придётся строить даже не одну модель, но несколько: два варианта всего города — трехчастный и двухчастный, два-три варианта прохождения городской стены и т.д. Но для моделиро-

вания мы не имеем даже определённых и бесспорных данных о величине города, архитектуре и площади кирпичных строений. Вряд ли за основу может быть взят Саркел — строений, похожих на дворцовые, в нём не найдено. Возможно, в будущем какие-то представления о хазарской архитектуре дадут остатки кирпичных строений Семикаракор. Короче, даже гипотетичную модель Итиля сегодня построить невозможно, разве что нарисовать условный квадрат/прямоугольник с четырьмя проёмами-воротами как модель ограждённой стенами части Итиля — цитадели. Остаётся признать, что сделанный полвека назад вывод остаётся в силе: «Многие, и притом очень существенные, вопросы топографии и истории Итиля не могут быть разрешены даже в гипотетическом виде, и неизвестно, найдутся ли когда-либо материалы, необходимые для их разрешения» (Заходер Б.Н. 1963. С. 198).

М.И. Артамонов предполагал, что постройки рядового населения Итиля могли быть аналогичны саркельским. Вполне возможно (о жилищах Басры см. выше). Менее всего следует ожидать в Итиле грандиозных сооружений, уличной планировки, но наверняка должна быть какая-то цитадель, изолировавшая сакральных каганов от остального населения. Культовые сооружения, будь они найдены, могут указать на расселение общин.

Я вынужден ещё раз поставить вопрос: допустимо ли в переводах письма Иосифа и сочинений восточных географов безоговорочно (без комментария) использовать термин «город» для Итиля не формально, но по существу? А.В. Гадло прямо отмечал в связи с Итилем, что из сведений ал-Мукаддаси «с полной очевидностью вытекает, что понятие город в арабской литературе может не соответствовать обычному представлению о городе» (Гадло А.В. 1979. С. 182). Это действительно так.

Один из примеров в связи с известным «островом русов» протяженностью в три дня пути. По Ибн Русте, «нет у них ни недвижимого имущества, *ни деревень*, ни пашен». Это вполне соответствует всему контексту с описанием образа жизни и обычаев населения той неустановленной местности. Однако у более позднего автора Гардизи — «на острове *много городов*» (Древняя Русь… 2009. С. 48, 59). Сомнительно, чтобы на протяжении трех дней пути у весьма примитивного населения мог существовать город, тем более «много городов». Но в противовес

сообщению об отсутствии даже «деревень» более реально, что русы «острова» с весьма ограниченными пространством и протяженностью имели много близко расположенных *поселений*, если угодно, «деревень». Такова предлагаемая мною версия толкования известий двух средневековых авторов, каждый из которых в отдельности дал нам неверную информацию. Но независимо от принятия или непринятия моего толкования использование в переводе Гардизи термина «город» не может оставаться без комментария переводчика или пользователя перевода. И подобные примеры не комментированных переводов из восточных источников с использованием слова «город» встречаются неоднократно.

Сам создатель «Каспийского свода» Б.Н. Заходер писал о «широко распространённом в восточной географической науке убеждении в существовании у хазар городов» и подверг его сомнению: «Это убеждение… не имеет подтверждения со стороны археологической науки. Сказанное… ни в малейшей степени не колеблет основного — остатки строительных сооружений и другие памятники материальной культуры… подтверждают существование в Хазарии значительных по тому времени населённых мест» (Заходер Б.Н. 1962. С. 172). Этим Б.Н. Заходер фактически не только поставил под сомнение существование в каганате «города» (поселения, качественно отличающегося от сельского) и возможность применять для поселений, в том числе и Итиля, термин «город», но предложил ему замену — «*значительные населённые места*». Термин нейтрален, удобен как служебный. Он применим в исторических и археологических исследованиях. Обратим внимание: Б.Н. Заходер исключил даже термин «поселение». Думаю, не случайно, так как «населённое место» может означать одно поселение и группу компактно расположенных, даже смыкающихся. Таким же мне представляется и Итиль — значительным населённым местом из компактно расположенных поселений сельского облика. Кирпичные же строения-«дворцы» — занимали только каган и все, кого принято называть «двор, окружение», а также обслуживающие, личная охрана. О мечетях и церквях уже сказано выше.

При моём постоянном обращении к исследованию Б.Н. Заходера с некоторыми его положениями я не могу согласиться. Первое. Объясняя разнообразие названий частей Итиля и по-

явление в конечном итоге общего, Б.Н. Заходер неожиданно сам обращается к термину «город»: «Это [появление общего названия] значило прежде всего, что существовавшие ранее полуоседлые населенные пункты превратились в единый город». Думаю, это простительно, так как речь явно шла не о понятии «город», а лишь о слиянии разбросанных поселений в одно. Но установить, произошло ли слияние действительно, можно будет только в ходе раскопок или неразрушающими методами геофизической разведки.

Со вторым положением дело хуже. Б.Н. Заходер продолжает: «Это значило далее, что Итиль начал играть всё большую и большую роль не только как центр каганата, но и как крупнейший центр, о котором хорошо было наслышано всё купеческое каспийское побережье» (Там же. С. 197). Это не что иное, как отголосок мнений об особом месте Хазарского каганата на торговых путях и превалирующей роли торговли в его экономике. Поскольку Итиль не найден, перечислю немногое из того, чего недостаёт для оценки товарооборота по Хазарии в целом. За исключением шёлка и бус неизвестны прочие товаропотоки, впрочем, не подсчитан даже объём найденных на сегодня бус, но это импорт. Неизвестен вообще объём ни одного из вывозимых и ввозимых товаров. Неизвестен объём работорговли. Простой пример: нет картографии самой распространённой в Хазарии импортной тары — амфор и подсчета примерного их количества на уже исследованных поселениях. Исследование монетных находок само по себе не может осветить роль торговли, нуждается в корреляции с товаропотоками. В большинстве исследований монеты рассматриваются как датирующий материал (одна из последних работ: Круглов Е.В. 2005), а не как мера стоимости. И главное: нет ни малейших сведений о ценах или эквивалентах обмена на рынках каганата, прикаспийских или причерноморских. В целом торговля Хазарского каганата — тема неизмеримо более сложная, чем это представляется пишущим о ней до сих пор.

Занятие горожан — сельское хозяйство

Оставляя в стороне всё рассмотренное выше, обращу внимание на всем известный, прежде всего по письму Иосифа, факт — основой жизнеобеспечения жителей Итиля было сельское хозяйство, для чего они с весны по осень пребывают на своих

полях. Добавим на огородах, бахчах, в садах, а также на выпасе скота, на заготовке кормов на зиму по крайней мере для крупного рогатого скота и молодняка всех видов. Первичная переработка урожая не могла не занимать позднюю осень, если и не начало зимы. По определению Р. Рашева, «земледельческим центром с чертами, которые его сближают скорее с селом, был Преслав, второй после Плиски административно-культовый центр Болгарии. Как в представлении болгар, так и византийцев, он не был равнозначен византийскому столичному городу» (Рашев Р. 2008. С. 132).

Помимо сельскохозяйственных забот часть населения Итиля дополнительно была занята рыболовством. Что касается ремесла, то понятно, что в значительной мере оно должно было обеспечивать опять же сельское хозяйство пахотными орудиями, серпами и косами, упряжью. Что-то из перечисленного могло изготавливаться в домашних условиях. Наиболее сложные технологические процессы находились в руках ремесленников-профессионалов (кузнецов, кожевников), однако владение ремеслом не освобождало от занятий сельским хозяйством для собственных нужд.

В итоге мы имеем *крупное населённое место*, в котором большая часть жителей более половины года занималась сельским хозяйством, причём не товарным. Таково было положение в столице. Ещё раз приходится убедиться в справедливости определения Б.Н. Заходера, говорившего только о *начатках городской жизни*. В полнокровную городскую в каганате она так и не переросла. С позиций политэкономии историческое лицо Итиля определяли не дворец кагана, кирпичные стены, храмы, мечети, а занятия жителей, среди которых первое место сельского хозяйства сомнений не вызывает.

* * *

В заканчивающемся разделе, прибегнув к помощи «Каспийского свода», я пытался в пределах возможного хоть каким-то образом выяснить, что может представлять собою памятник «*городище Итиль*» как объект археологической разведки и раскопок. Что касается поиска, то слой Итиля может не проявляться на современной поверхности, будучи перекрыт более поздними напластованиями, которые могут нивелировать и остатки кир-

пичных строений. При протяженности памятника в сотни метров его исследования займут многие десятилетия в лучшем случае. Как это, к сожалению, практикуется, вестись они будут удаленными друг от друга маленькими раскопчиками. Культурный слой, вероятнее всего, окажется очень тонким, часто исчезающим, с пересекающими его остатками простейших жилищ. Если кирпичные постройки и не сохранились (худший вариант), то безусловно можно надеяться на находки кирпичей и кирпичного лома. Абсолютно исключена уличная планировка, а пустые пространства могут превосходить застроенные: вспомним о деревьях при «дворце» царя.

В облике находок (керамика, украшения, ременная гарнитура и т.д.) должна проявиться *салтово-маяцкая культура*, иначе придётся говорить об изоляции «столицы» от каганата, простиравшегося до Приазовья и западных окраин бассейна Дона. Могут быть представлены вещи среднеазиатского происхождения.

Могильники должны отразить религиозную ситуацию в Итиле. Представится ли возможность выделить наконец иудейские захоронения и как они будут выглядеть, предсказать не берусь за неимением примеров. Во всяком случае, надо иметь в виду, что на Нижнем Поволжье пока неизвестна ни одна мацева. Не исключено, что это объясняется отсутствием камня.

Об окрестностях Итиля. Б.Н. Заходер обратил внимание на сообщение Истахри об отсутствии у хазар селений около города (1962. С. 187). Речь шла о земледелии, для которого в дельте пригодных мест мало (слово за палеопочвоведами). Вопреки Истахри замечу, что поселения и сопутствующие им небольшие могильники вблизи Итиля должны быть. Обращу внимание на городище Мошаик и его грунтовый могильник (Пантелеев С.А. 2006). Итиль не мог существовать в полной изоляции. Назначения и размеры посёлков могли быть самыми разнообразными. Зимники и летники скотоводов; посёлки рыболовов с сушильнями, гончаров и пр.; стойбища собственно кочевого населения; стоянки караванов (караван — это в первую очередь масса животных, вьючных и верховых). Не следует забывать о лагерях войск. Таким образом, археологически все эти населённые места могут, как обычно, проявляться скоплениями керамики, зольниками.

ГОРОДИЩЕ САМОСДЕЛКА

Об этом исследуемом в настоящее время памятнике уже накопилась небольшая литература, так что его описание можно опустить. Напомню лишь, что городище находится в низовьях Волги, ниже Астрахани, в дельте на правом берегу р. Старая Волга (Бирюль). В древности основная часть поселения располагалась на острове посреди Волги, а восточная — на левом берегу за протокой. Такое географическое расположение сделало городище вероятным «кандидатом» на развалины Итиля. Предварительная публикация, остающаяся, однако, самой значительной на сегодня, содержала данные о слоях X–XIV вв. и сообщение о том, что «самые ранние культурные слои городища будут изучены в ходе раскопок будущих лет» (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. 2003. С. 106).

Целесообразно рассмотреть библиографию исследований за последние несколько лет, хотя я уже имел возможность высказаться о публикациях Э.Д. Зиливинской и её соавторов о ходе раскопок городища Самосделка и её предположении о существовании на его месте Итиля (Флёров В.С. 2009б).

Начнём с публикации 2005 г., когда на островной, основной, части городища площадью 2 кв. км было вскрыто около 370 кв. м, из которых на трети был достигнут уровень материка. Слои X в. содержали сильно разрушенные сооружения неясной конструкции из турлука. Сообщалось о юртообразном жилище. О слоях более раннего времени информации ещё не было (Зиливинская Э.Д. и др. 2005. С. 291, 292).

Верхние слои и постройки из вторично использованного кирпича соавторы ещё ранее предположительно идентифицировали с городом Саксин (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. 2003. С. 119).

Хазарская тема более определённо обозначилась в статье основного исследователя городища Э.Д. Зиливинской (2007). Лейтмотив статьи — заселённость дельты Волги в хазарское время, с вероятностью чего нельзя не согласиться. Но в этом уже угадывался явный намёк на предполагаемое автором открытие Итиля. Аргументы, с одной стороны, сообразуясь с небольшой вскрытой площадью, достаточно весомы: юртообразные жилища и кирпич вторичного использования со следами извести, проис-

ходящий предположительно из нижних слоёв. Но с другой стороны, исследовательница указывала, что абсолютное большинство форм керамики из раскопок городища находит аналогии среди посуды IX–XII вв. Волжской Болгарии (Там же. С. 158). В то же время никак не была освещена проблема салтово-маяцкой керамики. Не было сведений о ней и на перечисленных автором городище и могильнике Мошаик, могильнике Маячный бугор, Чертовом городище. Предположение А.В. Шевченко, на которое ссылалась Э.Д. Зиливинская, о наследовании с хазарских времён некоторых антропологических характеристик населением, оставившем могильник Хан-Тюбе, и сегодня надо рассматривать как предположение, не более (Там же. С. 159).

Обратим внимание на следующий нюанс. Возникновение городища Самосделка в IX в. Э.Д. Зиливинская обосновывала «керамикой *хазарского времени*», хотя собственно «хазарская керамика» на городище не выделена. Может быть, и следует говорить о керамике булгарского и огузского времени? Перестановка акцентов будет полностью соответствовать и преобладающей керамике.

В 2004 г. благодаря любезности руководителей «Хазарского проекта» В.Я. Петрухина и И.А. Аржанцевой (Петрухин В.Я., Аржанцева И.А. и др., 2009) и самой Э.Д. Зиливинской я посетил городище Самосделка. По первым (без замеров) впечатлениям от обожжённых кирпичей вторичного использования можно сказать, что некоторые из них напоминают саркельские и семикаракорские. Многообразие кирпичей Саркела (Флёрова В.Е. 1997, приложение 3), равно и Самосделок, осложняет сравнение, но не делает его невозможным. Замечу, что на самосдельских кирпичах пока не обнаружены какие-либо метки, что характерно для Саркела и Семикаракор (Там же. С. 43–54).

Исследователи городища сделали пока только общий обзор размеров самосдельских обожжённых кирпичей; привели некоторым из них аналогии из других регионов (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. 2003. С. 105), но к определенным выводам не пришли. И это не удивительно. По кирпичам городища Самосделка необходима большая работа по статистике их форматов, в итоге которой выделятся самые массовые серии. Можно ожидать, что размеры кирпичей наиболее встречаемых серий совпадут с основными сериями Семикаракорской и Саркельской крепостей. В то же время основные форматы и размеры самосдельских кирпичей могут оказаться более разнообразными. Что же касается знаков и рисунков на кирпичах, то как их репертуар, так и само наличие или отсутствие их непосредственно с размерами кирпичей не связаны. Это зависело исключительно от традиций людей, которые были заняты изготовлением кирпича. Население, имевшее обычай метить знаками и рисунками керамику и иные изделия, перенесёт их и на кирпичи. И наоборот, отсутствие таких традиций приведёт к изготовлению кирпичей без каких-либо изображений.

Частное замечание. Э.Д. Зиливинская писала об употреблении т.н. «лекальных» кирпичей, в данном случае вторичных с городища Самосделка, для кладки куполов и сводов. В связи с этим напомню о находке *единственного* трапециевидного кирпича в Семикаракорской крепости (Флёров В.С. 2001. С. 62). Мне чрезвычайно трудно представить здания с куполами в хазарской крепости. Я не исключаю, что «лекальные» кирпичи могли использоваться только для декорирования каких-то элементов кирпичных построек. В связи с этим отмечу показанный мне в археологической лаборатории Астраханского университета пятиугольный кирпич с городища Самосделка, вероятно, декоративного назначения.

В 2008 г. раскопщики городища вынесли уже на всероссийский форум свою попытку «обосновать возможность соотнесения нижних слоёв городища с культурными отложениями города Итиля — предшественника Саксина» (Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., 2008. С. 224–226). Аргументы более систематизированы, но базируются опять же на едва начатых, учитывая громадную площадь памятника, раскопках. Тезис о кирпичах рассмотрен выше. Новым в раскопках стало открытие пока только *отпечатков* стен из комбинированной кладки из известняка, кирпича и речной гальки на известковом растворе. Тип такой кладки до настоящего времени не был известен на памятниках Хазарского каганата и сам по себе не может служить аргументами «pro» или «contra» открытия Итиля. Два следующих тезиса, о жилищах и керамике, несколько противоречат друг другу. Аналоги трём юртообразным жилищам указаны на поселениях салтово-маяцкой культуры, но, с другой стороны, соавторы отметили «полное отсутствие классических “салтов-

ских" сосудов». Пока их всего четыре, названных «импортами из других регионов Хазарии» (о них см. ниже). Остаётся ожидать от Э.Д. Зиливинской и Д.В. Васильева новых сообщений о том, что представляет собой керамический комплекс слоёв предполагаемого Итиля. Всё-таки ещё рано говорить о материальной культуре ранних Самосделок. Нельзя исключить, что она может иметь значительные отличия от салтово-маяцкой, в том числе в наборе преобладающих форм керамики. Это принципиальный вопрос, который может быть решён только раскопками.

И наконец, главный археологический довод авторов — это аэрофотоснимки городища, на которых просматриваются треугольные очертания «цитадели» с расплывшимися стенами. Использование аэрофотосъёмки надо приветствовать, но её данные должны быть проверены раскопками, без которых невозможно определить: а) материал и конструкцию стены и б) соотнесение стены с определенным слоем городища. Другими словами, остаётся неизвестным время возникновения предполагаемой цитадели. Может быть, это укрепления времени Саксина? Вопросов к треугольной цитадели более чем достаточно, и ответы могут быть получены, повторю, только в ходе раскопок*.

Да, сочетание в ранних слоях городища юртообразных жилищ и находок кирпичей вроде бы согласуется со сказанным мною выше о предполагаемой (не более) застройке Итиля: сочетание «дворцов» с примитивными постройками. Дело за малым — найти дворец и вскрыть не три, а минимум несколько десятков жилищ.

Гипотеза, в данном случае гипотеза «Итиль–Самосделка»,

* В журнале «Огонёк», №42, 2008 г. в материале «Хазарская мечта» В. Тихомирова и И. Поповой опубликован рисунок под названием «Саксин». С удивлением узнал в изображении воспроизведение в новом «цветовом решении» и с разворотом на 180° акварель художника О.В. Фёдорова «Реконструкция Правобережной Цимлянской крепости», опубликованную в журнале «Восточная коллекция», № 2 (25), 2006, с. 68. В отношении О.В. Фёдорова — это плагиат, для читателей — дезинформация и несуразица. Зачем авторам статьи в «Огоньке» понадобилось выдавать *треугольное* Правобережное городище за *треугольный* Саксин, остаётся только гадать.

Можно было бы не упоминать эту подделку-плагиат, если бы она не показывала, что для реконструкции Саксина и Итиля никаких данных пока нет.

это признанный инструмент любого исследования. Но и гипотеза должна иметь прочное основание. Пока такого нет. Мало того, не всё ясно с уже добытым на памятнике материалом, его хронологией.

В 2010 г., в ходе обсуждения доклада Э.Д. Зиливинской «Самосдельское городище. К вопросу о датировке нижних слоев» на очередной VII Московской конференции «Восточные древности в истории России» я имел возможность задать эти вопросы и по новой публикации о городище Самосделка (Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. 2009. С. 103, 104).

В совокупности с выступлениями других участников дискуссии картина получилась следующая. Предложенная дата возникновения городища – не позднее начала IX в. – может быть принята к сведению только как мнение автора. Ссылка на среднеазиатские сферические котлы с горизонтальными ручками, представленные на городище, дату которых Э.Д. Зиливинская указала в рамках VI–VIII вв., делу пока не помогает. В ходе дискуссии выяснилось, что сама хронология этих котлов требует уточнений. П.В. Попов, специально изучавший котлы из нижних слоев городища, датирует их IX–X вв. (Попов П.В. 2009. С. 163).

Э.Д. Зиливинская затруднилась ответить на принципиальный вопрос о связи предполагаемого Итиля с салтово-мяцкой культурой: какую «болгарскую» керамику приазовского происхождения с городища Самосделка, упомянутую в публикации, она и Д.В. Васильев имели в виду.

Э.Д. Зиливинская была вынуждена сообщить, что неоднократно упоминаемые ею ещё в предшествующих публикациях среди находок на городище пять «классических салтовских» кувшинов найдены вовсе не на городище, а принесены местными жителями из неустановленного (!) места. Судя по сохранности, они происходят из неизвестного могильника. Именно сохранность кувшинов, нехарактерная для городищ, где целые сосуды встречаются как исключение, и вызвала у меня вопрос о месте их обнаружения. Отмечу, что кувшины далеко не «классические».

Категорически не могу принять мнение Э.Д. Зиливинской об отнесении части самосдельского населения к савирам. В качестве аргумента выдвинуто сходство «некоторых гончарных форм» с керамикой из раннесредневековых памятников Дагестана, но

памятник указан один – Андрейаульское городище, население которого и принято ею за савиров. На каком основании? Сходство с керамикой Андрей-аула не проиллюстрировано и очень сомнительно. Этническая материальная культура савиров, в том числе керамика, вообще не выделяется в Дагестане.

И никак не может быть принято указание на связь с Дагестаном по обнаружению на городище не совсем понятных «остатков комбинированных кладок, состоящих из известняка, обожжённого кирпича и речной гальки». О каких аналогиях в Дагестане идет речь – не указано.

Новейшая на сегодня публикация (Зиливинская Э.Д. 2010) почти дословно повторяет упомянутую казанскую, комментировать её нет смысла, кроме одного положения. Приведённые в ней радиоуглеродные даты, позволившие автору утверждать, что «жизнь на Самосдельском городище началась в интервале с середины VIII в. до второй половины IX в.», оказались, как выяснилось ещё в ходе московской дискуссии, сомнительны. Это означает, что говорить о VIII в. для городища Самосделка ещё рано. На первое место выдвигается вопрос о достоверности радиоуглеродных дат для этого памятника. Напомню, что в ранней публикации приведены иные результаты: «…важным результатом почвоведческих исследований [на городище Самосделка. — *В.Ф.*] явилась серия радиоуглеродных дат, по которым нижние слои культурного слоя можно отнести к IX –X вв.» (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. 2003. С. 107). Целесообразно ли вообще радиоуглеродное датирование городища с допусками в век или два?

Хронология раннего, самого нижнего слоя городища в целом остаётся неясной. Не выделены для её определения и хронологические реперы, т.е. узкодатируемые артефакты.

Ещё о радиоуглеродном датировании. Всё-таки к использованию этого метода применительно к Средневековью надо подходить с известной осторожностью. По случайному совпадению вместе с упомянутой последней публикацией Э.Д. Зиливинской напечатана другая, специально посвящённая проблематичности датирования по С. 14 гораздо более ранних памятников и необходимости вносить поправки в первоначальный результат анализа для проверки его достоверности (Шишлина Н.И. 2010. С. 371–373).

Особое место среди публикаций с упоминанием памятника Самосделка занимает информация четырёх авторов о деятельности «Хазарского проекта», созданного по инициативе В.Я. Петрухина и успешно действующего до настоящего времени, но теперь уже не поддерживающего самосдельские раскопки ввиду несогласия участников проекта с применяемой методикой полевых исследований (Петрухин В.Я., Аржанцева И.А. и др. 2009). На два положения в разделе, написанном Э.Д. Зиливинской, обращу внимание.

Первое. Общая площадь памятника, как в прочих публикациях, оценивается Э.Д. Зиливинской в 2 кв. км по *естественным* границам, но собственно «границы памятника определить довольно сложно» (Там же. С. 94). Проще говоря, распространение культурного слоя, а нас в первую очередь интересуют ранние напластования, не установлено. Я акцентирую на этом внимание в связи с поставленными выше вопросами о размерах Итиля и характере его застройки, сплошной или кустовой, и связанными с этим оценками численности его населения.

Второе. В этой публикации среди населения городища ещё не упоминаются савиры, а лишь волжские болгары и огузы, с чем предварительно можно согласиться, с оговоркой, что этническая принадлежность первопоселенцев остаётся под вопросом.

Наконец, отмечу, эта публикация о памятнике Самосделка — единственная, в которой в связи с ним не фигурирует «Итиль». В этом отразилась позиция трёх соавторов статьи, И.А. Аржанцевой, В.Я. Петрухина и В.С. Флёрова.

* * *

В условиях ещё очень слабой исследованности (о «масштабности» раскопок говорить преждевременно) вопрос об идентификации Самосделок с остатками Итиля уходит на второй план, на первый же выдвигается задача методически выверенного изучения материальной культуры нижнего горизонта городища, создание для него типохронологической колонки керамики, а проще говоря – керамической стратиграфии, хотя бы по образцу саркельской. Разумеется, со статистическими выкладками. Весьма корректными и доказательными должны быть и керамические аналогии, подтверждать которые должны сравнительные таблицы рисунков сосудов. Сегодня мы имеем иное: на

«Болгарском форуме» (г. Болгар, 19–21 июня 2010 г.) изложенная одним из руководителей раскопок городища Д.В. Васильевым программа статистической обработки самосдельской керамики была подвергнута резкой критике. Сама программа предполагает устаревшую «поштыковую» статистику вместо послойной, соответствующей стратиграфии раскопов. Безусловно, и так называемой «поштыковой» учёт даст определённые, но *обобщённые* выводы. Иного выхода сегодня просто нет, т.к. учёт по слоям и закрытым комплексам в ходе раскопок не вёлся*, несмотря на то что на первом этапе раскопок было заявлено: «Специфика данного памятника такова, что основным датирующим материалом и материалом, который может дать культурную интерпретацию слоя, является керамика» (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. 2003. С. 107).

Самосделка — безусловно, выдающийся памятник и вызывает большой научный интерес. Но необходимы десятилетия для того, чтобы сокрытые в его напластованиях артефакты сложились в определённую историческую картину.

И ещё. Ввиду чрезвычайно слабой археологической разведанности дельты Волги не исключается открытие другого памятника, который в свою очередь станет претендовать на идентификацию с Итилем. С другой стороны, может выясниться, что подобных крупных памятников нет, что станет аргументом в пользу гипотезы идентификации Самосделки с Итилем.

О будущих раскопках городища Самосделка

По сообщению Д.В. Васильева на форуме в Болгарах только в ходе раскопок городища учтено 125 000 фрагментов керамики (вся ли она взята в коллекцию?). Это громадный массив, обработка которого потребует не один год. Уже это одно делает необходимым приостановить на некоторое время раскопки. В

* Мне пришлось в своё время работать в Гос. Эрмитаже с описями керамики из раскопок Саркела (Флёров В.С. 1976). Могу свидетельствовать, что для *каждого* керамического фрагмента в руководимой М.И.Артамоновым Волго-Донской экспедиции фиксировались в полевых описях не только место его обнаружения, но и *глубина залегания* (за уровень отсчёта было приняло основание крепостных стен). Подчёркиваю, каждого взятого в коллекцию фрагмента. А ведь это делалось более чем за полвека до раскопок городища Самосделка.

противном случае образуется «завал» находок, который даже физически будет весьма сложно систематизировать, т.е. разработать типологию, определить культурную принадлежность и дату каждой группы керамики, подготовить к изданию итог этой работы.

Необходимо в связи с этим опять обратиться к опыту раскопок Саркела — Белой Вежи, как положительному, так и негативному. Что касается положительного, то в первую очередь следует указать на достойное подражания использование типов керамики, стратиграфии её залегания при определении этнической принадлежности и систематизации жилищ и их хронологии в обширной статье В.Д. Белецкого (1959). Что касается негативной стороны дела, то при том, что саркельские керамические находки тщательно фиксировались, должная обработка и публикация керамики Саркела до настоящего времени не осуществлены, что грозит и самосдельской коллекции. Работа же С.А. Плетнёвой о керамике Саркела — Белой Вежи сегодня видится как предварительная (1959), хотя в своё время она была едва ли не базовой для изучения керамики всей салтово-маяцкой культуры.

Стратиграфический раскоп

Первое, с чего следовало бы продолжить работы на городище Самосделка, — заложить новый раскоп, стратиграфический, как это было сделано на городище Фанагории*. Лучше, если он будет примыкать к прежнему раскопу. Работы на стратиграфическом раскопе необходимо вести с учетом погрешностей в приёмах раскопок прежних лет и строго по сформировавшимся на городище культурно-историческим слоям, а не по «штыкам» независимо от их толщины. Соответственно находки, в том числе вся без исключения керамика, должны учитываться по свите культурных напластований, а в них и по комплексам, в том числе так называемым закрытым. При этом, возможно, из статистики находок придётся исключать происходящие из совершенно нарушенных перекопами участков, т.е. добиться чистоты наблюдений. Но будет небезынтересно разобраться, в какой степени поздние нарушения (перекопы) искажают стратиграфию находок.

Полученная стратиграфическая картина ляжет в основу от-

* В 2011 г. в Москве ожидается выход книги В.Н. Чхаидзе о Фанагории, что избавляет меня от описания этого раскопа.

носительной хронологии памятника — базе для перехода к построению абсолютной. Разумеется, хазароведов будет интересовать не только нижний слой городища и его дата, но и перекрывающие его — в связи с версией Д.В. Васильева и Э.Д. Зиливинской о принадлежности их Саксину.

Где же находился политический центр Хазарского каганата?

В завершение раздела об Итиле и городище Самосделка — о предложенном Г.Е.Афанасьевым «переносе» т.н. домена Хазарского каганата с низовий Волги на Нижний Дон (Афанасьев Г.Е. 2009). Здесь нет возможности разбирать всю статью и всю аргументацию автора, что потребовало бы отдельной главы и увело бы нас от основной темы книги. Среди прочих отмечу только следующие доводы автора: 1. Пересмотр письменных источников, в результате чего «славянской рекой» признаётся не Волга, а Дон (с вольным толкованием работы Т.М. Калининой; ср.: Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. 2007. С. 158–163, 181–196). 2. Утверждаемая (как и рядом авторов до него) Г.Е. Афанасьевым хазарская принадлежность подкурганных погребений на Нижнем Дону с географическим центром — погребение Большая Орловка в Мартыновском районе Ростовской области. Последнее может показаться весомым аргументом, если бы этническая принадлежность этих погребений была определена. Сегодня это не более чем мнение ряда авторов. Кроме того, надо обратить внимание на то, что по мере археологических исследований ареал подкурганных погребений всё более расширяется, в частности, в северном направлении.

Что же касается точки зрения Т.М. Калининой, то её позиция в вопросе о «реке славян» изложена Г. Афанасьевым в несколько модифицированном виде. Прежде всего, он пренебрёг необходимостью точно указать, информация какого средневекового автора рассматривается в вопросе о «реке славян», чему Т.М. Калинина придаёт первостепенное значение. Если обратиться к данным Ибн Хордадбеха и Ибн ал-Факиха, то действительно речь идёт об общем представлении этих авторов о водном пути из северных областей к южным, к хазарскому городу Хамлидж на Каспии (Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. М., 2007. С. 121). Однако нигде Т.М. Калинина не утверждает, что за этим путем, по мнению арабских авторов, «может стоять и Волга, и Дон, и Сев. Донец, и другие реки» (Афанасьев Г.Е. 2009. С. 9). Речь идет об умозрительной связи между севером и югом Европы, а вовсе не о конкретных сведениях арабских авторов о водных артериях Восточной Европы. «Река славян» ал-Куфи не может быть идентифицирована; «рекой славян» ал-Гарнати может быть Ока или часть Волги (Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В., 2007. С. 163)*.

Если принять новое географическое положение центра каганата по Г.Е. Афанасьеву, то неизбежно встанет вопрос и о новом местонахождении «столицы» Хазарского каганата. Вероятно, понимая сложность идентификации её с каким-либо из нижнедонских городищ, автор воздержался от прямого указания на одно из них. Но, следуя рассуждениям Афанасьева, на административный центр Хазарии должно (или могло бы) претендовать Семикаракорское городище — ближайшее к погребению Большая Орловка, кстати далеко не самому богатому среди подкурганных погребений региона, как Афанасьев подаёт его читателям. Безусловно, мне, как раскопщику городища, было бы лестно считаться первым исследователем административного центра каганата. Увы, по своим масштабам Семикаракорская крепость никак не может претендовать на столичный статус. Я уже неоднократно писал, что крепость могла быть не более чем ставкой каганов (или беков) на Нижнем Дону во время передвижений или просто основной военной базой хазарского присутствия здесь. Второй, более мощной, стал Саркел.

О курганах. Блестящее открытие Т.А. Габуева и В.Ю. Малашева — курганы с ровиками около известного городища Брут на Северном Кавказе — заставляет пересмотреть существующие представления о нижнедонских. Значимость открытия увеличивается многократно тем, что в брутских курганах стратиграфически увязаны ранние круглые ровики второй половины II — рубежа IV–V вв. и более поздние квадратные, сооружавшиеся до начала VII в. Причём преобладающим типом погребальных сооружений в обеих группах были катакомбы (предварительная информация появилась три года назад: Габуев Т.А., Малашев В.Ю.

---

* Моя глубокая признательность Татьяне Михайловне Калининой за консультации.

2007; полная публикация этих же авторов: 2009). В свете этих открытий должна быть пересмотрена и аргументация Г.Е. Афанасьева. Они заставляют ещё раз обратить внимание и на предложенную ранее сарматскую гипотезу происхождения подкурганных захоронений с ровиками, отрицающую полностью или частично их тюркские корни (Флёрова В.Е. 2001*в*). Ясно одно: дискуссия о подкурганных погребениях продолжится.

Какое же место в гипотезе Г.Е. Афанасьева отводится низовьям Волги и городищу Самосделка? На эти вопросы автор отвечает кратко, но достаточно определённо: «…В низовьях Волги археологи вообще не могут обнаружить следов Хазарского каганата. Пока там найдены только очень редкие и территориально разбросанные одиночные погребения хазарского времени». Прерву цитату. Какие автор имеет в виду одиночные погребения, не указано; может быть, найденные Л.Н. Гумилёвым? Однако стоит напомнить о могильнике у городища Мошаик и о кувшинах (о которых писала Э.Д. Зиливинская, см. выше), происходящих из обнаруженного местными жителями могильника где-то в районе Самосделки. Важнее другое: правильно поставленная сплошная археологическая разведка дельты Волги до сих пор не произведена.

Продолжу цитату: «А надежда на то, что достоверные культурные слои хазарского времени всё же будут найдены на открытом городище огузо-печенежского времени Самосделка или где-то рядом с ним, очень слаба» (Афанасьев Г.Е. 2009. С. 9). Возражу: подстилающий слой найден, не произведена его должная атрибуция.

Противоречие данных археологии и письменных источников, о котором пишет Г.Е. Афанасьев, мнимое. И те и другие содержат принципиально разную, в большинстве не сопоставимую информацию, но в равной степени не дают полной картины внутренней жизни в Хазарии и всех её изменений. Основная проблема даже не в этом: мы лишены третьей составляющей — *исторической* информации, которая могла содержаться в хазарских летописях, намек на существование которых есть в письме кагана Иосифа. Наше представление о каганате было бы совершенно иным, если бы его археологическую карту и карту, реконструируемую по письменным источникам, удалось бы наложить на канву событий и дат. Прибегну ещё раз к уже использованному приёму: попробуем представить, в каком положении оказались бы слависты — историки и археологи, не располагая погодовым летописанием, но имея в распоряжении сведения тех же арабо-персидских географов, ни один из которых не был на Руси и даже на её границах, и данными археологии. Сколь же много могло бы в таких моделируемых мною условиях быть найдено «противоречий» между весьма невыразительной (в сравнении с хазарской) славянской археологией и восточными географами.

В методическом плане прямое сопоставление двух видов источников, какое предлагает Г.Е. Афанасьев, вряд ли допустимо. Тем более если принять во внимание несравнимость регионов по археологической изученности — относительно хорошо исследованный Нижний Дон и почти ещё не изученную дельту Волги.

Обращение к статье Г.Е. Афанасьева даёт мне повод кратко сформулировать собственное на данный момент суждение о городище Самосделка и его идентификации с Итилем.

1. Письмо кагана (царя) Иосифа и множество других письменных источников не позволяют сомневаться в громадном значении низовий Волги, включая её дельту, в жизни каганата, несмотря даже на далеко не лучшие природные условия дельты (ср. с бассейном Дона). Отбросить эту письменную традицию невозможно. 2. Из этого следует, что отрицать существование или недооценивать расположенный в дельте Волги центр каганата, политический и административный (не географический), нет ни малейших оснований. 3. Нахождение минимум двух самых значительных крепостей на второй крупной речной артерии каганата — Нижнем Дону никак не противоречит указанному местоположению Итиля. Оно лишь указывает на значение нижнедонского региона и *на неспокойную здесь внутреннюю политическую обстановку.* 4. Что касается конкретно городища Самосделка, то при совершенно недостаточной, если не сказать почти полной неизученности его нижних напластований в равной степени невозможно как отрицать нахождение Итиля на этом месте, так и утверждать. Столь масштабные многослойные памятники, повторю, исследуются десятилетиями. Остаётся набраться терпения.

Хумара

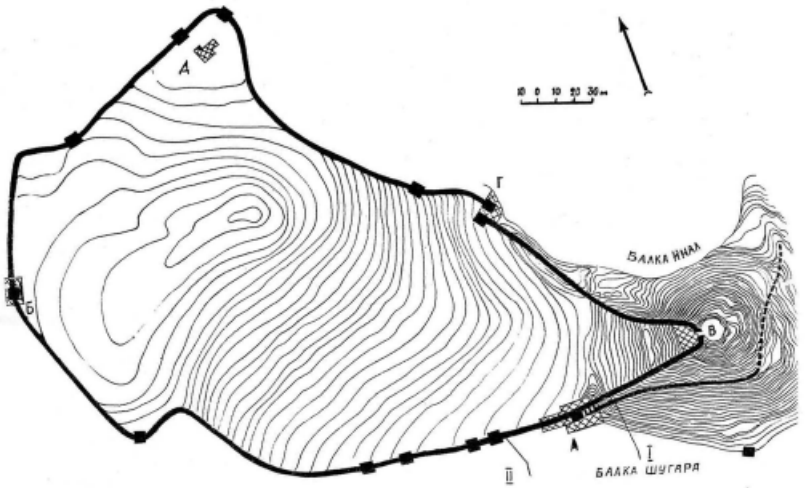
Парадокс. В то время как ненайденный (или только что найденный?) Итиль почти непрерывно обсуждается историками и археологами, памятник прекрасной сохранности — Хумаринское городище — вспоминают довольно редко (рис. 20). По размерам каменной крепости (площадь 40 га, периметр более 2 км) с ним ни в какое сравнение не идут кирпичные Саркел и Семикаракоры, каменные Маяцкое, Верхне-Ольшанское или Верхне-Салтовское укрепления. На фоне Хумары последние выглядят крохотными. Крепостные стены Хумары (рис. 21–23) имеют не менее 14 башен, не считая мощной башни-цитадели (Биджиев Х.Х. 1983, 1984; Димитров Дм. Ил. 1987. С. 136–142).

По масштабам строительства Хумара сопоставима с большими крепостями Болгарии и лишь немного уступает каменной крепости Плиски.

Можно было бы рассмотреть вопрос о Хумаре как городе, но этому препятствует практически полная неизученность его внутреннего пространства. Нет ни малейших данных о вероятных остатках солидных построек, хотя, возможно, владетель крепости жил в башне-цитадели, а немногие раскопанные постройки к городским не причислишь.

Х.Х. Биджиев вскрыл на городище несколько самых обычных для салтово-маяцкой культуры жилищ: шесть юртообразных, две полуземлянки, фрагменты турлучных. Кроме того, четыре каменных разной сохранности. По их расположению видно, что уличная планировка либо иная система здесь не применялась (Биджиев Х.Х. 1983. Рис. 2, 30). Очертания же самой крепости повторяют границы плато, на котором она возведена.

Принадлежность крепости Хазарскому каганату более чем жилища доказывает керамика салтово-маяцкого облика (Там же, рис. 43, 44), в том числе котлы с внутренними ушками. Нельзя не обратить внимание на сходство Хумары с Правобережным Цим-



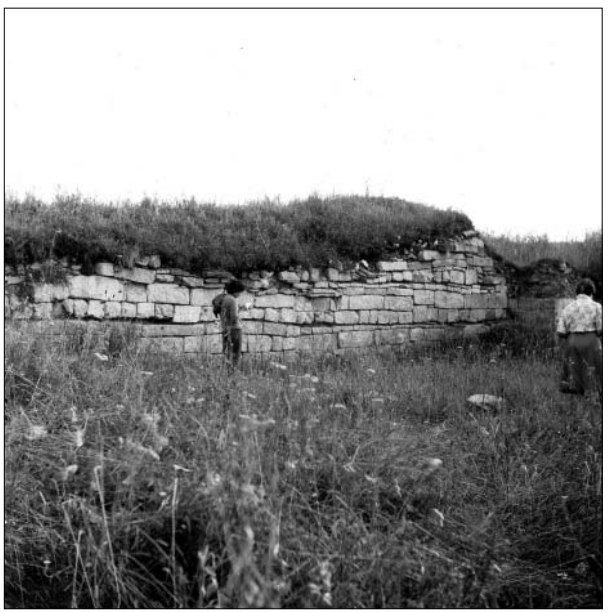
Илл. 20. Хумара, городище (по: Биджиев Х.Х. 1983)

лянским городищем. Конфигурация обоих определена местными условиями. Обе крепости снабжены прямоугольными башнями. Цимлянская уступает Хумаре только размерами.

Несколько противоречиво определял Хумару А.В. Гадло, сам принимавший участие в раскопках городища. На фоне массы салтово-маяцких селищ Северного Кавказа он выделял «*большие города*», к которым наряду с Тмутараканью и Фанагорией отнес «*крепость* на Хумаринском городище», а также «*крепость*» Семикаракорское городище. Из всего контекста следует, что Хумару и Семикаракоры он всё-таки считал *крепостями*, иначе он не ввел бы по отношению к ним этот термин. Крепостью он назвал и Саркел (Гадло А.В. 1979. С. 204, 207). Другие авторы вопрос о городском статусе Хумары не поднимали, в том числе и Х.Х. Биджиев.

Крепость Хумара была, судя по географическому положению, крупнейшим форпостом каганата в Центральном Предкавказье. В настоящее время раскопки Хумаринского городища продолжает У.Ю. Кочкаров, но информация о их результатах ещё не публиковалась.

Илл. 21. Хумара. Стык стены и башни.
На переднем плане В.Е. Флёрова-Нахапетян, 1986 г.



Илл. 22. Хумара. Раскопанные участки стен разрушаются.
Фото В.С. Флёрова, 1986 г.

Илл. 23. Хумара. Тип кладки крепостных стен. Фото В.С.Флёрова, 1986 г.

Объёмы фортификационного строительства в Хазарии

Рассмотренная выше каменная Хумаринская крепость по своим размерам единственная крупная в Хазарском каганате. В связи с темой «города или крепости», во-первых, и прежде чем перейти к памятникам иного рода, очень кратко об одной проблеме, имеющей к ней прямое отношение. Хорошая по сравнению с другими белокаменными крепостями бассейна Дона сохранность Маяцкой крепости особенно заставляет обратить внимание на общие объёмы белокаменного строительства в этом обширном регионе Хазарского каганата (в ходе раскопок была возможность буквально зрительно представить вид и миниатюрные размеры Маяцкой крепости). Обсчитать кубатуру вытесанных для донских крепостей блоков задача не сложная и выполнимая, но и без этого виден буквально *мизерный* объём пошедшего на их сооружение «камня». Его попросту непозволительно сравнивать с громадными массами тёсаного камня, вырабатывавшегося в каменоломнях соседней Византии, где из него воздвигали не только фортификационные сооружения, но и храмы, общественные здания, дворцы, жилые дома. Вторично шел в дело материал построек предшествующих веков. О постройках из ломаного камня я уже и не говорю. Возьмём даже не всю Византию, но города Таврии, Херсонес прежде всего. Во-вторых, для крепостей Хазарии использовался непрочный и лёгкий в обработке белый известняк, лишь гораздо реже ракушечник, песчаник или другие более плотные породы строительного камня. Широкое применение ломаного, дополнительно не обработанного ракушечника и песчаника зафиксировано только в Правобережной

Цимлянской крепости, где плиты из этих пород использовались в основании стен и башен. В-третьих, сами блоки были невелики. Наиболее крупные вполне могли поднять два-три человека. Большинство же маяцких блоков мог поднимать один человек (Афанасьев Г.Е. 1984. С. 30, рис. 3). Немногим крупнее блоки Верхне-Салтовской и Правобережной Цимлянской крепостей. Самый большой правобережный блок достигал в длину 1 м, и поднять его могли три–пять человек. Длина большинства правобережных блоков ограничивалась 60–80 см.

На фоне донских «белокаменных крепостей» Хумаринская выглядит громадной не только по длине периметра стен и количеству башен, но и по объёму обработанного местного камня, несравнимо более прочного, нежели в донских крепостях. Что конкретно вызвало строительство такой необычной крепости, пока неясно, но в общем понятно, что главной причиной могла быть только неспокойная, нестабильная военно-политическая ситуация в регионе.

Совершенно ничтожны объёмы производимого в Хазарском каганате кирпича, даже с учетом предположения об обширном строительстве из обожжённого кирпича в Итиле. Подсчеты саркельского кирпича не производились, а на строительство Семикаракорской крепости пошло около 2 млн штук кирпича, преимущественно сырцового (Флёров В.С. 2009*а*). Цифра не впечатляет, если вспомнить, что с I в. н.э. изготовлением обожжённого кирпича в Римской империи занимался чуть ли не каждый легион. Кроме этих двух кирпичных крепостей сегодня известна ещё одна очень небольшая (62 : 52 : 64 : 68 м), пока малоисследованная — Красная (городище Красное) на р. Тихая Сосна, притоке Среднего Дона (Воронежская обл.) (Красильников К.И. 1985). Только в ограниченных объёмах сырцовый кирпич известен на некоторых других городищах. Полагаю, объёма всего произведённого в бассейне Дона кирпича, сырцового и обожжённого, вряд ли хватило бы на сооружение одной Шелковской (Шелкозаводской) крепости в Чечне.

При обсуждении вопроса о «городах» Хазарского каганата метрические характеристики памятников должны учитываться наряду с прочими и не в последнюю очередь. В каганате не только мало «каменных» и кирпичных крепостей, но и общий объём изготовления строительных материалов не идёт ни в какое

сравнение с картиной в Византии и Халифате. Как не вспомнить довольно прочную традицию ставить каганат в один ряд с ними, как одно из трёх мощных государств своего времени. Сравнение по объёму изготовления каменных блоков невозможно даже с Первым Болгарским царством. Подчёркиваю, в этом небольшом разделе я обращаю внимание не на социальные аспекты возникновения в Хазарии крепостей, но на сугубо производственную сторону вопроса, а она очень показательна.

Об уличной планировке

Я не затронул бы специально вопрос о ней, если бы не утверждение В.В. Колоды о её существовании в связи с рассматриваемым им процессом оседания в Хазарском каганате (Колода В.В. 2005. С. 219). Говорить о чёткой системе расположения жилищ на поселениях и городищах Хазарского каганата в бассейне Дона не приходится. В значительных масштабах раскопано только Маяцкое поселение. В Маяцкой крепости открыто всего несколько жилищ. Заметной системы расположения жилищ в нём не было. Не оказалось её и в Саркеле. Правобережная Цимлянская крепость была занята юртообразными жилищами без определённой системы. Прочие городища исследованы малыми площадями. Возможно, будет уместным указать на хорошо исследованное славянское городище Новотроицкое, синхронное хазарским. Его вытянутые очертания и плотность застройки, казалось, должны были привести к появлению хотя бы одной центральной улицы, но она не возникла (Ляпушкин И.И. 1958).

Говорить об уличной планировке можно только в собственно городах, захваченных хазарами в Причерноморье, но не ими основанных. Это прежде всего Фанагория. Раннесредневековые строения Таматархи разрушены в последующие века, а в Керчи раскопки большими площадями невозможны из-за современной застройки. Показательно, что уличная система не образовалась даже в обширных золотоордынских городах Поволжья.

При описании расположения жилищ надо обязательно указывать, в какой степени оно связано с рельефом и уклоном местности, с соседними оврагами, берегами рек и ручьёв, наконец, возможными путями подхода, маршрутами внутри поселения, которыми могло пользоваться население. Надо иметь в виду, что поселение в целом и жилища могли простираться вдоль берега речки или удобного маршрута передвижения. В таком случае некая упорядоченность (ряды жилищ) могут быть приняты за

улицу. Я имел возможность наблюдать длинные улицы в современном х. Дивногорье (рядом с Маяцким поселением), направление которых диктовалось исключительно склоном террасы и проходившей вдоль её основания дорогой. Та же картина в хуторе рядом с Верхне-Ольшанским городищем. Сплошь и рядом «улицы» возникали вдоль дорог*. В процессе же самих раскопок, если всплывает подозрение об «уличной планировке», надо пытаться выявить её. Это и будет бесспорным доказательством существования в поселениях Хазарского каганата улиц.

В связи с вопросом об уличной планировке вынужден обратить внимание на предложенную С.А. Плетнёвой реконструкцию с поразительно чётким линейным расположением жилищ в «цитадели» Белой Вежи (Плетнёва С.А. 2006. Рис. 36). В замкнутом прямоугольном пространстве расположение жилищ, особенно находящихся у стен, конечно, не могло не подчиняться их направлению, но не до такой же степени! В реконструкции Плетнёвой не только расположение жилищ, но и ориентация стен каждого из них поданы в строгом направлении с крепостными стенами. Должен напомнить, что сохранность всех жилищ Саркела — Белой Вежи не полная из-за перекопов и наслоений. Часто жилище выделялось исключительно по отопительному сооружению (ср. Белецкий В.Д. 1959). Полагаю, в вопросе о расположении жилищ в Саркеле — Белой Веже, да и в целом при обращении к этому памятнику надо в первую очередь использовать труды его непосредственных исследователей, а не реконструкции.

* Описание «улицы» на берегу р. Суры в Пензенской губернии из «Вадима» М.Ю. Лермонтова: «...*Вдоль по берегу* построены избы дымные, черные, наклоненные, *вытягивающиеся в две линии по краям дороги...*»

Памятники Дагестана

Историки, следуя письменным источникам, всегда писали о «*городах*» Хазарии на территории современного Дагестана. А.П. Новосельцев посвятил *городам* Хазарии отдельный раздел известной монографии (Новосельцев А.П. 1990. С. 122–133), но он не пытался связать названия городов с определёнными археологическими памятниками Дагестана, оставляя это археологам. Что же касается более всего интересовавших бы нас Беленджера и Семендера, то сведения о них настолько фрагментарны, часто неясны и противоречивы, что продолжать дискуссию об их местоположении нет смысла. Версии существуют самые разнообразные (напр., Котович В.Г. 1986). Нас в данном случае эта проблема не занимает. Обратимся к нескольким памятникам археологии, не пытаясь соотнести их с известными историческими названиями.

Следуя той же письменной традиции, о *городах* в Дагестане говорят и археологи, но уже имея в виду конкретные памятники. С.А. Плетнёва к остаткам хазарских городов отнесла Верхний Чир-Юрт и Андрей-аул. Однако прежде чем перейти к ним, затрону две археологические проблемы более широкого плана, нежели вопрос о городах на территории Дагестана.

Первая. Спорно определение материальной культуры прикаспийской Хазарии как варианта салтово-маяцкой, т.е. признанной, культуры Хазарского каганата (Флёрова В.Е., Флёров В.С. 2000; Афанасьев Г.Е. 2001. С. 44–45). Стоит обратить внимание, что, описывая городища Дагестана, М.Г. Магомедов не говорит о салтово-маяцком варианте, но вводит другое определение — «культура сероглиняной керамики», которая (керамика) позволяет отличать слои хазарского времени от нижележащих (Магомедов М.Г. 1983. С. 28, 29). Термин приемлем, в его основе археологические местные реалии. Подчеркну одну особенность комплекса сероглиняной керамики — в нём нет котлов с вну-

тренними ушками, столь характерных для собственно салтово-маяцких памятников бассейна Дона и Центрального Предкавказья (Флёрова В.Е., Флёров В.С. 1997).

Вторая. В Дагестане совершенно иные корни строительных традиций, иной строительный материал, нежели на Дону. Большинство крепостей Западного Прикаспия основано не хазарами, не в хазарское время, но раньше. Хордадбех прямо сообщает о строительстве Баланджара и Самандара Ануширваном, 531–578 гг. (Ибн-Хордадбех, 1986. § 62).

Сегодня вообще трудно определить, какие же крепости здесь построены в хазарское время, так как датирующая стратиграфическая шкала керамики для них пока не разработана.

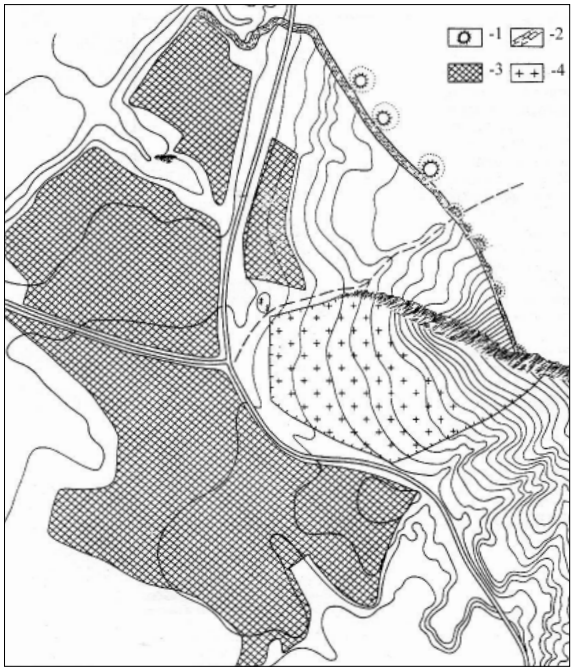
Не вдаваясь в детали «вечной» дискуссии о местоположении Семендера и Беленджера, перейдем к конкретным археологическим памятникам.

ВЕРХНИЙ ЧИР-ЮРТ

Основной исследователь интерпретирует его как один их «крупных укреплённых *городов*» Приморского Дагестана (Магомедов М.Г. 1983. С. 29; далее указываются только страницы).

Судить, действительно ли это город, трудно. На основном плане местонахождения (С. 30) обозначена только оборонительная стена, пересекающая правобережье долины р. Сулак. Границ городища на нём нет (рис. 24). На другой схеме городище показано в виде небольшого пятна (С. 63). Мощность культурного слоя читателю остаётся неизвестной, как неизвестны и типы жилищ. О жилищах около стены Чир-Юрта косвенно можно судить по трём прямоугольным постройкам (почему они названы «юртообразными», непонятно), раскопанным на поселении-спутнике. Они турлучные на незаглублённом основании из кладки «в ёлочку» (С. 150). Были ли такими же примитивными постройки на городище? Ответа нет, но по аналогии с донскими памятниками, где жилища на открытых поселениях и городищах однотипны, можно предположить, что это так.

Значительным раскопкам в Чир-Юрте подверглась лишь стена, пересекавшая долину р. Сулак поперек. Она двухпанцирная из необработанного камня толщиною 4 м. Возведена без фундамента, дополнена прямоугольными башнями.



Илл. 24. Верхний Чир-Юрт, городище (по: Магомедов М.Г. 1983).
1 – курганы – выносные башни; 2 – оборонительная стена;
3 – территория современного посёлка; 4 – современные кладбища

В третий строительный период стена подверглась утолщению, помимо камня были использованы глинобит и сырцовые кирпичи размерами 40 х 20 х 10 см. К стене были пристроены массивные круглые башни (С. 127–129).

Стена Чир-Юрта — достаточно грандиозное по меркам региона каменное сооружение. Весь вопрос в том, кто начал её строительство и кто совершал последующие ремонты и достройки. М.Г. Магомедов указывает, что многочисленные укрепления в Приморском Дагестане письменные источники связывают со строительной деятельностью сасанидских правителей Ирана, которые предпринимали огромные усилия по укреплению северных границ после захвата в конце IV в. территории Албании. Следы строительной деятельности Хосрова Ануширвана на территории Верхнего Чир-Юрта, — пишет автор, — пока не обнаружены, но нередкие находки красноглиняной и ангобированной керамики в отложениях городища «мо-

гут свидетельствовать о проникновении иранского влияния до теснин Сулака» (С. 51).

Пока более или менее ясно одно: вероятность того, что стена Чир-Юрта была возведена Сасанидами, очень велика. Чрезвычайно сомнительно, что хазары имели до этого опыт строительства столь значительных каменных сооружений, к тому же в условиях сложного рельефа.

Стену Чир-Юрта надо, на мой взгляд, относить не собственно к крепостям, а к «длинным стенам» (как и в Урцеках). Её назначение — отсечь в определённом месте долины Сулака зону предгорий и гор от приморской низменности. Жившее у стены население — это прежде всего воинский контингент (с семьями), охранявший стену. Ему принадлежало поселение, а возможно, и какие-то постройки непосредственно рядом со стеною на так называемом «городище». Конечно, среди населения были иные категории, призванные обеспечивать жизнь воинов: занимавшиеся сельским хозяйством и ремеслами, в том числе оружейники, а также строители для поддержания стены в должном состоянии.

По функциональному назначению стену Верхнего Чир-Юрта стоило бы сравнить с заградительными стенами в Северной Осетии (Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. 2010. С. 321, рис. 212), особенно с теми, которые относятся ко времени арабо-хазарского противостояния, как Касарское оборонительное сооружение (Там же, цветное фото между с. 128 и 129; Албегова З.Х. 2010).

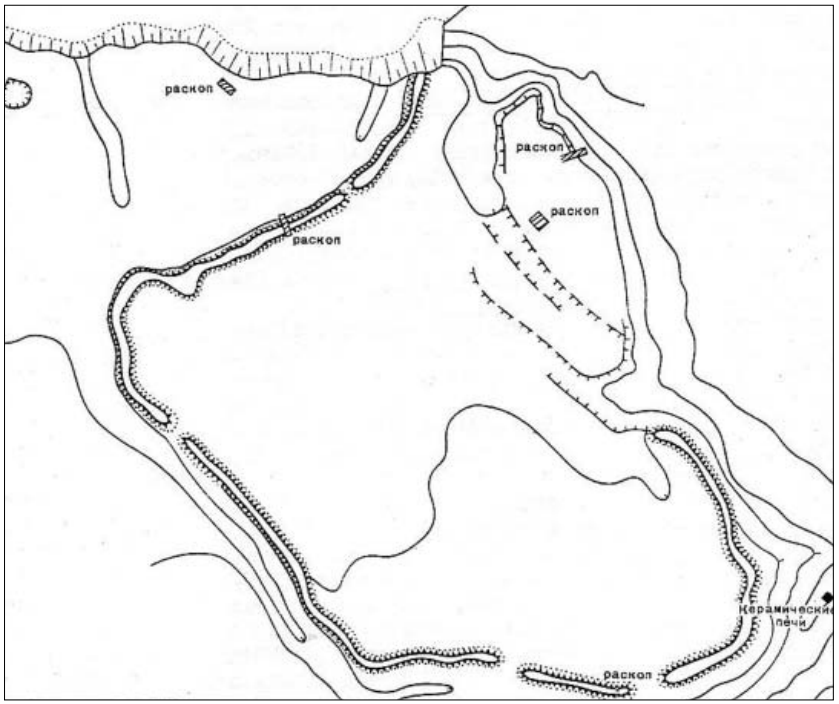
Выделить что-либо в Чир-Юрте непосредственно из творческого наследия собственно хазар на имеющемся сегодня материале не представляется возможным. Я оставляю в стороне идентификацию М.Г. Магомедовым Чир-Юрта как Беленджера, так же как и рассмотрение мнений других исследователей. Без планомерных и целенаправленных археологических исследований эта проблема не решаема. Тем не менее можно встретить ни на чём не основанное принятие этой версии. Только один из мелких примеров, но обративший на себя моё внимание своей оригинальностью. Обсуждая иную проблему (сомнительная связь шиловских и чир-юртовских катакомб, что к нашей теме прямого отношения не имеет), А.В. Комар пишет: «Катакомбы Чир-Юрта… располагались возле хазарского *города Баланджар, поэтому* отличаются стационарностью (? — *В.Ф.*) и выдерживанием стандарта, широким использованием кирпича и камня», а далее всё перечисленное названо «налётом *урбанизации*», как само собой разумеющееся (Комар А.В. 2001. С. 19). Оставим за Комаром неоспоримое право, как и любого пишущего, считать Чир-Юрт Беленджером. Не буду разбирать связь «стационарности и стандартности катакомб» с урбанизацией. Стандартность, за небольшими исключениями на каждом, присуща всем могильникам, как в салтово-маяцкой культуре, так и аланским Северного Кавказа. Дело в другом. Само городище Чир-Юрт не является остатками города (не важно какого) и никакого «налёта стационарности» это фортификационное сооружение с поселением при нём дать не могло. Остаются сырцовые кирпичи, распространение которых в раннем средневековье на территории Дагестана связано прежде всего с фортификацией, а не с появлением городов в социально-экономическом смысле этого термина. То же относится и к камню.

АНДРЕЙ-АУЛ

Городище с этим названием расположено на р. Акташ. Имеет неправильные, подчинённые местности очертания, 700 х 450 м (рис. 25). Защитой служили валы и рвы, овраги, обрывистые берега реки. На городище исследователи выделили «*сам город*» размерами 500 х 450 м, окружённый валами и рвами. С севера к нему примыкает обособленная территория треугольных очертаний, 250 х 200 м, отделённая от основной рвом. К городищу примыкает открытое поселение (Атаев Д.М., Магомедов М.Г. 1974. С. 125–127), основанное ещё в начале нашей эры.

По сравнению с общей площадью памятника вскрытые участки микроскопичны (С. 311, рис. 31). Ни о структуре городища в целом, ни о назначении отдельных его частей сведений нет. Неизвестны планировка и плотность застройки. «Смешанная структура культурных напластований и однообразная в общей массе керамика, выявленная в огромном количестве… затрудняет и чёткое их стратифицирование» (С. 128).

На городище вскрыто несколько полуземляночных прямоугольных жилищ с ямками от жердей каркаса стен. М.Г. Магоме-



Илл. 25. Андрей-аул, городище (по: Магомедов М.Г. 1983)

дов назвал их, как и чир-юртовские, «юртообразными», чему не соответствуют их прямоугольные очертания. В жилищах найдены фрагменты желобчатой черепицы закавказского происхождения, но совершенно сомнительно, что они составляли кровлю этих построек (Магомедов М.Г. 1983. С. 146–150). Кровлю из черепиц могли выдержать только каменные или кирпичные стены. Вероятно, черепица здесь использована вторично, в иных целях.

Андрей-аульское городище датируется I–XIV вв. (Там же. С. 182). Слой хазарского времени чётко не выделен (Там же. Рис. 61, 62). Известна статья о происхождении культуры городища, но написана она на материалах соседних курганов. Одно замечание из статьи, принадлежащее М.П. Абрамовой, очень важно: «Несмотря на неоднократные прекращения жизни, на городище не отмечено резкой смены культур» (Абрамова М.П., Магомедов М.Г. 1980. С. 125). Это означает, что существенного вклада в местную культуру хазарское завоевание не принесло. Действительно, соавторы пришли к выводу: «Завладев северными провинциями кавказской Албании, Хазария оказалась наследницей… сложившихся здесь с глубокой древности оседло-земледельческих и ремесленных традиций» (Там же. С. 139). Наблюдение имеет принципиальное значение. Соответственно хазары восприняли и местные традиции в строительстве жилищ, использовали и ранее возведённые постройки и фортификационные сооружения.

Закономерен вопрос: правомерно ли считать прикаспийские так называемые «города» и их культуру хазарскими? Вопрос относится не только к Чир-Юрту и Андрей-аулу, но ко всем поселениям, в том числе крепостям и длинным стенам.

Считать ли Андрей-аульский памятник городом? У нас слишком мало археологической информации не только для ответа, но даже для постановки этого вопроса. Мы не знаем внутренней структуры этого поселения. Об этом и был вынужден написать М.Г. Магомедов: «Отсутствие материалов не позволяет нам воссоздать внутреннюю планировку хазарских городов и поселений в Дагестане. Судя по исследованиям на Верхнем Чир-Юртовском и Андрей-аульском городищах, можно предположить, что она была *бессистемной.* И это характерно для оседающих кочевников» (Магомедов М.Г. 1983. С. 154). Вот только дело не в оседании кочевников, а в том, что весь исторический процесс не привёл к созданию здесь сети городов в хазарское время (о кочевничестве см. далее).

Если говорить о городском типе застройки в Приморском Дагестане, то это можно сделать только в отношении городища Урцеки (Магомедов М.Г. 1983. Рис. 46). Дербента, о котором написано много, я не касаюсь.

То, что арабские авторы могли называть «городами» сеть населенных мест прикаспийского Дагестана, не означает, что археологическая и историческая наука должна воспринимать их именно так (см. ниже в связи с книгой Ф.Х. Гутнова). Необходимы современные критерии, но и в самых недавних публикациях продолжают фигурировать «города» в соответствии с указаниями средневековых авторов, в том числе Баланджар=Чир-Юрт и Вабандар=Андрей-аул (например: Ромашов С.А. 2003. С. 209).

Не будучи сторонником многих построений уже упоминавшегося А.Н. Поляка, отмечу, однако, применённое им к Баланджару определение «полукочевой город», «орда» (Поляк А.Н. 2001.

С. 85). При этом вслед за Йакутом Баланджар рассматривается как «*населённое место*». Что ж, если это так, то для него должны были быть характерны легкие наземные постройки, вряд ли оставившие заметные следы. Нельзя исключать и углублённые юртообразные.

* * *

Освещать даже основную библиографию по проблеме «город» хазарского времени в Дагестане не входит в мою задачу. Но не могу не откликнуться на отдельные положения в недавно вышедшей и в целом заслуживающей внимания книге *Ф.Х. Гутнова*. Тем более что «город» в ней затрагивается на фоне более широкой темы книги (Гутнов Ф.Х. 2007; далее ссылаюсь только на страницы). Упоминавшийся мною выше Андрей-аульский памятник Ф.Х. Гутнов определяет как «важный торгово-экономический центр Прикаспия», указывая, однако, на находку только комплекса гончарных печей (С. 171). Но гончарное производство присутствует рядом с любым городищем, даже самым небольшим, и не только рядом с городищами, но и с открытыми поселениями. Даже если не найдены (или не сохранились) сами печи, о них говорит самая массовая находка на поселениях — керамика местного изготовления, в том числе лепная. Полностью согласен с сомнением Гутнова по поводу определения М.Г. Магомедовым расположенного в отдалении от городища поселения как «посада». Для этого раскопки должны были дать артефакты для определения городища как остатков города, но сами раскопки памятника были слишком незначительны.

Выше говорилось о том, что границы Верхнего Чир-Юртовского городища так и остаются невыясненными. Тем не менее автор пишет, что «скорее всего» городище имело форму квадрата размером 1 х 1 км. На чём основано такое утверждение? М.Г. Магомедов схожего предположения не высказывал*. А далее, исходя из предлагаемых размеров, Ф.Х. Гутнов определяет городище как «огромный для своего времени город». Основное внимание автора сосредоточено на «прикрывавшей подступы к

* Я имел возможность побывать на месте городища в сопровождении Мурата Гаджиевича Магомедова. О прямоугольном плане речь не заходила. Городище в значительной степени занято современными домами, не позволяющими увидеть на месте его планировку.

городу заградительной стене», которая при всей её значительности не даёт оснований для такого вывода. Это не «крепостные стены», а только одна стена, пересекающая долину Сулака. Опять же упоминается местный гончарный центр. Принять реконструкции Ф.Х. Гутнова не представляется возможным. Его заключение об «огромном городе» не согласуется с известным о нём по раскопкам. И уж совершенно неприемлем перенос названия современного аула Верхний Чир-Юрт на древнее городище (то же самое С.А. Плетнёва допустила в отношении Семикаракорского городища). Ф.Х. Гутнов даже не указал для незнающего читателя, что речь идёт о наименовании современного населённого пункта (С. 171).

Собственно проблеме городов Ф.Х. Гутнов посвятил в одной из глав раздел «Роль торговли и городов в социальных процессах этносов Северного Кавказа». Вопросы «социальных процессов» в связи с появлением городов я оставляю за скобками. Кратко о вопросах археологических, близких к нашей теме, частью о предполагаемых в Хазарии «феодальных отношениях».

Основная посылка автора следующая: «Вопрос о времени, условиях и механизме формирования северокавказских городов остаётся всё ещё не выясненным» (С. 244). Действительно, это так, но я должен уточнить: не выяснено также, были ли здесь города или только большие населенные места, большие поселения. В поисках ответа автор обращается к данным о раскопках городищ салтово-маяцкой культуры, в основном по публикациям Г.Е. Афанасьева. Излагается известная концепция формирования крепостей бассейна Северского Донца по Г.Е. Афанасьеву (соответственно и Северного Кавказа), сводящаяся к расчету трудозатрат на их сооружение и выделению экономических округов с радиусом в 5 км. Что касается построений Г.Е. Афанасьева, то их можно воспринимать как не более чем одну из моделей реконструкций, искусственно привнесённую в хазарскую археологию. Достаточно указать, что трудозатраты даже в 20 000 человекодней для укреплений 4-го типа чрезвычайно малы. При работе 100 человек всё сводится к 200 человекодням, т.е. трудозатраты оказываются весьма посильными для небольшой общности (племя). Что же касается выделяемых экономических округов диаметром в 10 км, то эта модель подлежит проверке на археологических материалах, прежде всего по сход-

ству керамики и синхронности включенных в округа поселений. Такие данные в исследованиях Г.Е.Афанасьева не учитываются. Непосредственно для выводов Ф.Х. Гутнова примеры из Афанасьева мало что дали (С. 244, 245), хотя он приводит аналогичный расчет трудозатрат в крепости Урцеки по М.С. Гаджиеву (С. 251). Определение С.А. Плетнёвой владельца Дмитриевского укрепления как «*феодала*» Ф.Х. Гутнов считает ошибочным (С. 246). В то же время, цитируя только небольшую часть одной из фраз книги Г.Е. Афанасьева, автор допускает искажение его вывода. Приводимая Гутновым в связи с каменными крепостями цитата о том, что такие крепости «могли строить либо крупные феодалы, либо государственная власть», у Г.Е. Афанасьева лишь постановка вопроса — кто из них? (Афанасьев Г.Е. 1993. С 147). На той же странице сам Г.Е. Афанасьев делает вполне определенный выбор: крепости не могли быть феодальными замками, — аргументируя его следующим: «…Сама степень развития общества у алано-асского населения бассейна Среднего Дона вряд ли была столь высока, что позволяла местной элитарной верхушке получать достаточный прибавочный продукт для создания подобных дорогостоящих замков. В противном случае нам пришлось бы признать, что феодальные отношения у носителей степного варианта салтово-маяцкой культуры были в значительной степени более развиты, чем в Византии и в странах Западной Европы того времени…» (Афанасьев Г.Е. 1993. С. 147, 148)*. Впрочем, Ф.Х. Гутнов в другом разделе фактически разделяет точку зрения Г.Е. Афанасьева.

В целом, перечислив в книге ряд крупных памятников Дагестана и Северного Кавказа, Ф.Х. Гутнов приходит к заключению: «Если исходить не из этимологического значения слова *город* («огороженное место»), то отнюдь не всякое даже крупное раннесредневековое поселение можно считать городом» (С. 254). Трудно не согласиться. По существу, хазарскими городами у автора считаются всё тот же не найденный на сегодня Семендер, да и то с определёнными оговорками, а также Итиль. Книга,

* Г.Е. Афанасьев безоговорочно считает, что строительство каменных крепостей на северо-западной границе каганата было инициировано и осуществлено государственной властью. Пожалуй, такой вывод преждевременен. Проблема далека от разрешения, и ещё не раз будет обсуждаться.

возможно помимо воли автора, отразила слабую изученность средневековых поселенческих памятников Северного Кавказа и Дагестана, что никак не могут компенсировать многократные обращения к письменным источникам. Их потенциал исчерпан.

Таманский полуостров и Крым: четыре не-хазарских города

Можно ли считать *хазарскими* города Тамани и Крыма? Говоря «хазарскими», я подразумеваю не только этнических хазар, но и болгар. По существу, именно к хазарским в ходе очерчивания ареала салтово-маяцкой культуры их относила С.А. Плетнёва ещё в 60-е гг. XX в. (Плетнёва С.А. 1967. С 47–49), развивая эту же мысль в последующих работах.

Ещё в 1928 г. в связи с городищами нижних течений Дона и Кубани Б.А. Лунин писал: «За последнее время некоторыми работниками усвоены и нередко применяются термины — «греческое поселение», «римское», «византийское» и т.п., распространяемые на соответствующие отложения древних поселений (городищ) того или иного района нашей страны. Нам кажется, что подобные термины не соответствуют тому *вещественному материалу,* который мы имеем с названных городищ и который уже с известной полнотой характеризует, в общих чертах, древний быт их насельников. Городища эти, за исключением, быть может, лишь некоторых крупных и исторически известных пунктов, являли собой и в греко-римское время, и в так называемый период «византийского средневековья» поселения, главную массу которых составляло *местное население со своей местной культурой*» (выделено мною. — *В.Ф.*). И далее автор заключает: «Мы нарочито позволили себе остановиться на данном вопросе, поскольку придаём, естественно, большое значение вопросам установления единой классификации и хронологизации археологических памятников; …слабо разработано у нас единство терминов и однообразное их понимание…» (Лунин Б.А. 1928. С. 12, 13).

Выделим главное. Б.А. Лунин, тогда ещё начинающий исследователь, в основу определения культурной принадлежности городищ интересующего нас региона кладёт состав *местного* населения и облик *местной* материальной культуры независимо от того, в какую политическую или государственную структуру входило то или иное поселение. Я полностью принимаю этот постулат. Исходя из него необходимо рассматривать Таматарху, Фанагорию, Боспор=Корчев, Сугдею.

Эти города были основаны ещё в дохазарское время. К появлению болгар и хазар уже давно сформировалась их планировка, мало менявшаяся от столетия к столетию. Включив на какое-то время эти города в сферу своих интересов, хазары не оказали существенного влияния на облик местной материальной культуры, остававшейся по сути провинциальной византийской. В культурных отложениях артефакты салтово-маяцкой культуры, преимущественно керамика, представлены незначительным количеством.

С.А. Плетнёва в 1967 г. писала: «Даже старинные города Причерноморья с их античными традициями, будучи заняты и освоены полукочевниками-полуземледельцами, приобретали, по всей вероятности, характерный облик кочевий. Особенно придавали им такой вид юрты…» (Плетнёва С.А. 1967. С. 50). Полезно перелистать старые издания! Увы, за истёкшие десятилетия раскопки Фанагории, Таматархи, Боспора не дали ничего принципиально нового, что могло бы изменить представления об облике этих городищ. Юрты, вернее, юртообразные постройки в них не обнаружены. Для собственно юрт в тесной городской застройке не было места.

Может быть, хазары внесли что-то новое в фортификацию и структуру этих старых городов?

ФАНАГОРИЯ

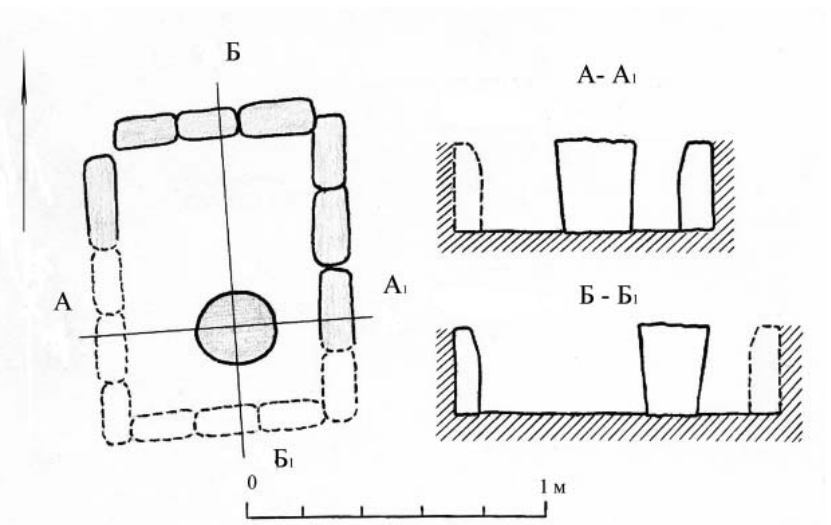
Следы её средневековой, как, впрочем, и античной, оборонительной системы либо не сохранились, либо ещё не обнаружены.

Несколько странным выглядело у С.А. Плетнёвой сравнение Фанагории с кочевьями (Археология. 2003. С. 180), но го-

родской облик Фанагории хазарского времени в последующем описании самой С.А. Плетнёвой сомнений не вызывает (сплошная застройка с уличной планировкой и др.), но какова в этом роль собственно хазар? На мой взгляд, застройка раннесредневековой Фанагории на первых порах сохраняла античную планировку, которая со временем утрачивалась (пишу, не только пользуясь трудами других авторов, но и по собственным впечатлениям от участия в работах на Центральном раскопе в 1970 г. в составе экспедиции М.М. Кобылиной).* Надо иметь в виду, что сегодня составить даже приблизительное впечатление о Фанагории в целом невозможно. Раскопано лишь несколько процентов её площади и не сплошь, а отдельными раскопами (рис. 26). От более подробного рассмотрения Фанагории меня избавляет выход в ближайшее время книги В.Н. Чхаидзе, посвящённой её средневековой археологии и истории. Она, безусловно, пополнит наши представления об этом памятнике и позволит вернуться к вопросу о хазарском присутствии на более широком материале. Но один факт из археологии Фанагории отмечу — использование в каменных основаниях ряда её жилищ кладки *opus spicatum.* В том числе небольшой участок строений с основаниями, сложенными в данной технике, был обнаружен на раскопе «Центральный». По моим наблюдениям в ходе раскопок этого участка в 1970 г., они относятся ориентировочно к VIII в., а для примыкающего слоя было характерно практически полное отсутствие салтово-маяцкой керамики. (О кладке *opus spicatum* см. далее.)

* Пользуясь случаем, отмечу, что открытый мною в 1970 г. т.н. «жертвенник» описан С.А. Плетнёвой совершенно неверно (Там же. С. 181). Он не глинобитный, но был сложен из одного ряда поставленных на ребро по периметру сырцовых кирпичей (рис. 27). В центре не яма, а невысокий «столбик» в форме опрокинутого конуса. В том, что всё это заполненноё золой небольшое сооружение было жертвенником, у меня никакой уверенности на сегодня нет. Называть столбик идолом тоже нет оснований. Назначение этого миниатюрного сооружения могут прояснить только аналогии лучшей сохранности. Доследовать «жертвенник» мне не удалось — экспедиция была внезапно свёрнута по требованию местных властей из-за известной эпидемии холеры 1970 г. Сегодня это сооружение опубликовано (Флёров В.С., Чхаидзе В.Н. 2007). Из случайных поступлений 1970 г. публикую пифос VIII–IX вв. из Фанагории, полученный от местных жителей (рис. 28)

Илл. 26. Фанагория, городище.
План расположения раскопов; составлен В.Н. Чхаидзе



Илл. 27. Фанагория, Центральный раскоп.
Очажок, раскопки В.С.Флёрова, 1970 г.

Илл. 28. Фанагория. Пифос, 1970 г.
Экспозиция Таганрогского краеведческого музея, 1975 г.

ТАМАТАРХА

Памятник (рис. 29) изобилует перекопами, оборонительная линия хазарского времени не сохранилась, но в 1952–1953 гг. на городище, на раскопе Н.И. Сокольского, сделана интересная находка: участок стены, сложенной из сырцового кирпича и укреплённой каменными панцирями (рис. 30). В основании её узкий глинобитный вал. Ширина стены 7,6 м. Формат кирпича: 42–40 : 22–20 :

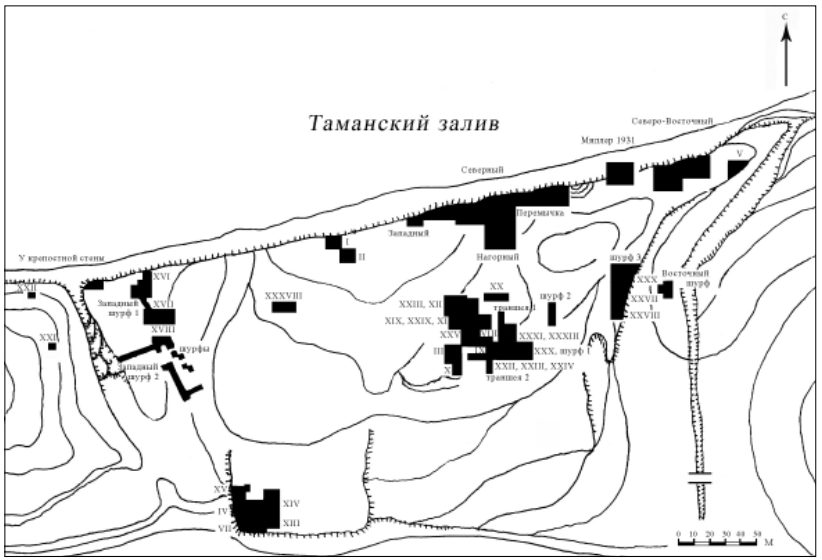
7–6 см. В начале XI в. основание стены с внешней и внутренней сторон было укреплено кладками из камня, по мысли С.А. Плетнёвой встроенными в массив стены (Плетнёва С.А. 2000). В кладке использована система «ёлочка», но весьма небрежная. На «небольших участочках» удалось углубиться ниже стены… на 0,5–0,6 м» (Там же. С. 24). По находкам на этих «участочках» немногочисленных фрагментов керамики С.А. Плетнёва датирует сооружение стены не позже середины — второй половины IX в.

Основное представление о стене был призван дать её разрез, на основе которого строятся все выводы автора, но он представлен в её публикации в реконструированном виде (Там же. С. 24, рис. 3), который не отображает, как выяснилось позднее, реальную кладку кирпичей, и опубликованный план стены. Опубликованный С.А. Плетнёвой разрез стены разительно отличается от полевого чертежа разреза (рис. 31), выполненного, кстати, весьма небрежно (Чхаидзе В.Н. 2008. С. 127, рис. 68; с. 130, рис. 70). К публикации есть и другие вопросы*.

---

* В публикации первого варианта данной работы (Флёров В.С. 2005. С. 340) я писал: «Обстоятельства находки стены и публикация вызывают много вопросов. Кирпичная кладка на рис. 2 изображена весьма схематично, пропорции кирпичей не всегда соответствуют указанным в тексте. Было бы чрезвычайно важно знать, кто непосредственно раскапывал и чертил стену, сам Н.И. Сокольский или кто-либо другой из его группы». Мои сомнения подтвердились. Ещё в апреле 2006 г. В.Н. Чхаидзе в ходе своего доклада на заседании Группы средневековой археологии ИА РАН продемонстрировал полевой чертёж Таманской стены (чертёж хранится в архиве института). Оказалось, что на нём кирпичи не изображены! Опубликованный С.А. Плетнёвой разрез является, таким образом, всего лишь недостоверной «реконструкцией». Оставался вопрос об источнике размеров кирпичей стены. Мне по-прежнему приходилось полагаться на данные из текста статьи. Но совершенно очевидно, что предлагаемый С.А. Плетнёвой стандарт «40 : 20 : 10» является усреднённым, а не реальным.

Стратиграфия типов керамики на рис. 4 представляет также усреднённую картину для всех раскопов на городище. Рисунки керамики, найденной непосредственно в слоях около стены, не представлены. Упоминаемые монеты Романа II (959–963) происходят с других раскопов. Неудивительно, что публикатор, говоря о хронологии стены и слоёв около неё, употребляет такие выражения, как «со значительной долей уверенности», «вполне возможно», «кажется весьма вероятным» (С. 25). В итоге исторические реконструкции, в частности связь пожара, «учинённого Святославом», с прослойкой около стены, при-



Илл 29. Таманское городище, план расположения раскопов (по: Чхаидзе В.Н., 2008)

С.А. Плетнёва, развивая свою известную гипотезу о привнесении в Северное Причерноморье строительных приёмов из городищ Дагестана хазарами, сослалась на якобы идентичность размеров сырцовых кирпичей стены Таматархи и дагестанских городищ Сигитминского, Некрасовского, в Чечне Шелковского (Шелкозаводского) и «других». Приходится отметить, что на указанных ею страницах книги М.Г. Магомедова (1983. С. 140–142) размеры кирпичей перечисленных памятников не приведены, но на других указаны для комплекса из Верхнего Чир-Юрта (Там же. С. 129, 159). Так, в кладке третьего периода каменной в основе оборонительной стены *Чир-Юрта*, а также в закладах катакомб на могильнике есть сырцовые кирпичи с размерами *40 : 20 : 10 см.* (Магомедов М.Г. 1977. С. 33). Отмечу, что сырцовые кирпичи в

ходится воспринимать в лучшем случае как авторскую версию. В связи с интерпретацией С.А. Плетнёвой слоя этого пожара отмечу сомнение В.В. Майко: «Нет абсолютной уверенности в том, что войска киевского князя вошли в Тмутаракань, а тем более овладели Боспором» (Майко В.В. 2000. С. 237). «Выявленный на некоторых участках слой пожарища всё-таки может датироваться широко — второй половиной X в., так как монеты Романа II (965–963)… имели широкое хождение в конце X в. и позже» (Чхаидзе В.Н. 2006. С. 142).

оборонительной стене *Чир-Юрта* чередуются со слоями глинобита, чего нет в стене Таматархи. Такие же сырцовые кирпичи на полах церкви №1, но здесь же есть и другой размер и формат, на что особенно обращаю внимание, формат (квадратный) — *30 : 30 : 10* см.

Некоторая «близость» размеров чир-юртовских кирпичей серии «40 : 20 : 10» с кирпичами Таматархи есть, но только не в толщине (о степени близости см. ниже). Чтобы ещё более «усилить» аналогию, С.А. Плетнёва предлагает считать «стандартом» для кирпичей Таматархи также «40 : 20 : 10», но возникает вопрос — каких же размеров сырцовые кирпичи в стене Таматархи преобладали количественно? Вопрос чрезвычайно важный. Ответ на него содержится в посвященной средневековой Таматархе книге В.Н. Чхаидзе: преобладающий размер сырцовых кирпичей в стене **40** : **20** : **6–7** см. Но есть и менее распространённые размеры 42 : 22 : 6–7 и 42 : 21 : 6–7 см (Там же. С. 122, 123). Таким образом, «обобщение» размеров сырцов по Плетнёвой приходится признать некорректным. В полной мере степень сходства или различия кирпичей Верхнего Чир-Юрта и таманской стены помогает оценить сравнение не только абсолютных размеров, но и пропорций кирпичей.

Обнаружить в литературе указания на размеры кирпичей Некрасовского и Сигитминского городищ, как указано выше, мне не удалось, но размеры сырцовых кирпичей Шелковской (Шелкозаводской) крепости известны. Здесь в чередовании с пластами глинобита лежат сырцовые кирпичи размеров 47 : 28 : 8 см, а кроме того, упоминается один обожжённый кирпич — 46 : 28 : 8 см (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н., 2003*).

Итак, сравним сырцовые кирпичи Таматархи, Дагестана-Чечни и Нижнего Дона (см. таблицу).

* Авторы этой публикации делают на с. 93 странное сопоставление сырцовых кирпичей Шелковского городища с кирпичами Семикаракорской крепости и Саркела: «Средние их размеры [шелковских сырцовых кирпичей. — *В.Ф.*] **47** : **28** : **8** см, т.е. эти кирпичи по своим размерам очень близки размерам кирпичей (**25–26** : **25–26** : **5–7** см), например, на Семикаракорском городище на Дону и в Саркеле». Помоему, о «близости» ни по размерам, ни по пропорциям, ни по объёмам речи быть не может.

Табл. Сырцовые кирпичи, размеры и пропорции

Стена Таманского г-ща		**Верхний Чир-Юрт**	
Размер, см (по В.Н.Чхаидзе)	*Пропорции*	Размер, см	*Пропорции*
42 : 22 : 7	*6,0 : 3,14 : 1**		
42 : 22 : 6	*7,0 : 3,66 : 1*		
42 : 2 : 7	*6,0 : 3,0 : 1*		
42 : 21 : 6	*7,0 : 3,5 : 1*		
41 : 21 :7	*5,85 : 3,0 : 1*		
41 : 21 : 6	*6,83 : 3,5 : 1*		
Преобладающие размеры **40 : 20 : 7**	***5,71 : 2,85 : 1***		
40 : 20 : 6	***6,66 : 3,33 : 1***		
		Оборонительная стена, заклады катакомб 40 : 20 : 10	*4,0 : 2,0 : 1*
		Церковь № 1 30 : 30 : 10	*3,0 : 3,0 : 1*

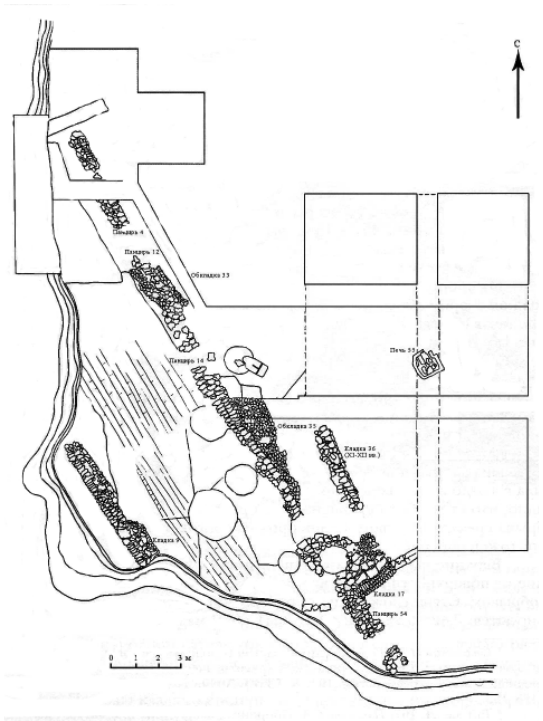
Шелковское г-ще		**Правобережное Цимлянское г-ще**	
Размер, см	*Пропорции*	Размер, см	*Пропорции*
47 : 28 : 8	*5,8 :3,5 : 1*		
		ПОГРЕБА 40 : 20 : 8	*5, 0 : 2,5 : 1*
		КЛАДКА 40 : 20 : 10	*4,0 : 2,0 : 1*

** За единицу отсчета пропорций для каждого кирпича принята его толщина.*

Обратимся к таблице кирпичей. Абсолютные размеры таманских и чир-юртовских кирпичей лишь в одном случае равны по длине и ширине — 40 : 20 см, но существенно различие в толщине: длина таманских больше их толщины в 7 раз, а чир-юртовских — только в 4 раза. Не менее существенна разница в соотношении ширины и толщины, соответственно 2,85 — 3,66 и 2,00 (здесь и далее детальное сравнение предоставляю читателю). Но на соотношениях пропорций дело не останавливается. Оно наталкивает на необходимость сравнить *объёмы кирпичей*

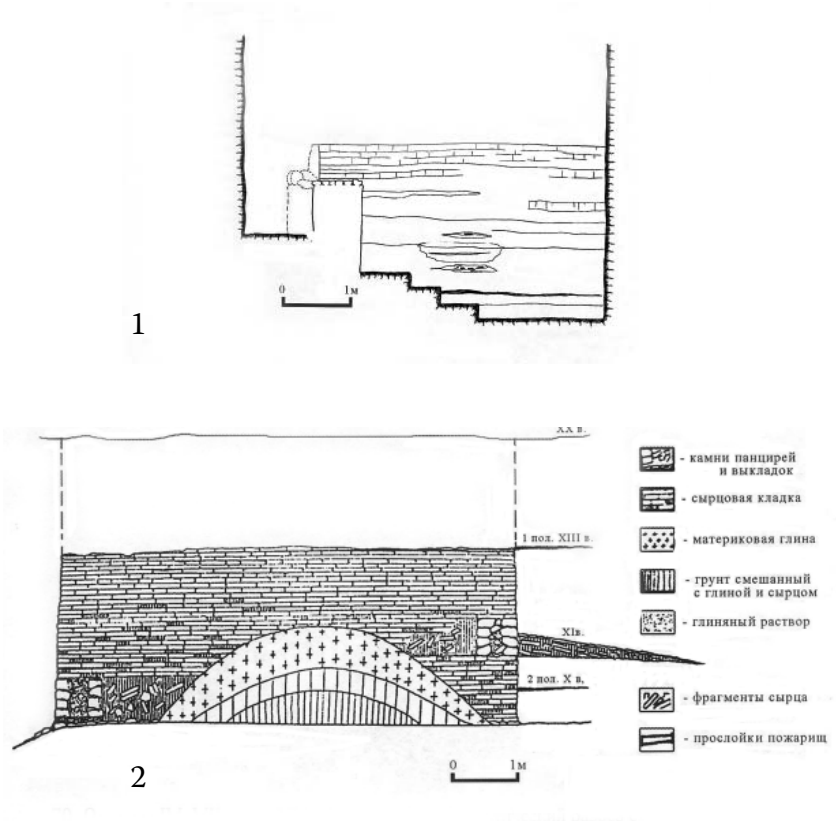
обоих памятников. Если не ошибаюсь, на этот признак внимание хазароведов-археологов ранее не обращалось. Для таманских это от 6468 до 4800 см^3, для чир-юртовских — 8000 см^3. Да, именно столь, казалось бы, «незначительная» разница в толщине дала значительное различие в объёмах.

Как ни странно, сложнее обстоит дело при сравнении таманских и шелковских сырцовых кирпичей. Абсолютные размеры у них в ещё большей степени разнятся, но пропорции шелковских, *5,87 : 3,5 : 1*, до некоторой степени близки пропорциям — *5,85 : 3,00 : 1* и *6,83 : 3,50 : 1* — таманского кирпича серии «41 : 21 : 7–6 см», хотя полностью и не совпадают. Существенно различие в объёмах: 10528 см^3 у шелковских сырцовых кирпичей.



Илл. 30.
Таматарха.
Стена из сырцовых кирпичей.
Раскопки Н.И. Сокольского, 1952, 1953 гг.
(по: Чхаидзе В.Н., 2008)

Попытка С.А. Плетнёвой найти аналоги кирпичам стены Таматархи непосредственно на территории салтово-маяцкой культуры привела её к городищу Красное на р. Тихая Сосна — притоке Дона (Плетнёва С.А. 2000. С. 26) опять же с кирпичами размеров 40 : 20 : 10 см. Этот размер я уже рассмотрел выше на примере Верхнего Чир-Юрта. Как аналог он не приемлем. Стены укрепления Красное отличаются от таманских и конструкцией и наличием обожжённого кирпича совершенно иного формата. Вот как выглядит описание стены у автора публикации: «При строительстве панцирей был использован сырцовый кирпич размерами 40 : 20 : 10 см, тогда как при возведении кладки забутовки применялся плохо обожжённый кирпич размерами 55 : 25–30 : 7–8 см и 40–46 : 40–46 : 7–8 см» (Афанасьев Г.Е. 1987. С. 116). Кроме глиняного раствора в стене применён и известковый. И наконец, слои кирпичной кладки Красного переслаивались деревянными плахами. Как мы видим, стены Таматархи и Красного не имеют буквально ничего общего.



Илл. 31. Таматарха. Стена из сырцовых кирпичей.
Раскопки Сокольского Н.И. 1952, 1953 гг. (по: Чхаидзе В.Н. 2008).
1 – полевой чертёж; 2 – «реконструкция» С.А. Плетнёвой

Совершенно не могу принять и сравнение С.А. Плетнёвой сырцовых кирпичей стены Таматархи и некоторых обожжённых кирпичей Семикаракорской крепости на Нижнем Дону только по толщине — 7 см (Плетнёва С.А. 2000. С. 26). Сравнение должно проводиться только с учётом трёх замеров и формата. Последний же на Семикаракорском городище квадратный, в отличие от прямоугольного в стене Таматархи. Кроме того, в Семикаракорской крепости кирпичи с толщиной 7 см, наряду с кирпичами толщиной 8 см, самые малочисленные и составляют 0,02 %

от учтённых (Флёров В.С. 2009*б*. С. 499, 500, табл. 8). В Саркеле массовые промеры толщины кирпичей не проводились.

В связи с вопросом о распространении сырцовых кирпичей размера 40 : 20 : 10 см упомяну кладку какого-то сооружения на Правобережном Цимлянском городище. Там же два погреба были облицованы сырцовыми кирпичами 40 : 20 : 8 см. Эти объекты открыты самой С.А. Плетнёвой (1994. С. 279, 305), но почему-то ею не упомянуты, особенно кирпичи из погребов, как наиболее близкие по толщине таманским. Серия правобережных сырцов 40 : 20 : 10 уводит нас к городищу Красному. Сходство же с чир-юртовскими требует объяснения на более широком материале.

Казалось бы, я сам нашел некоторую связь между размерами сырцовых кирпичей таманской стены и донской крепости в глубине Хазарского каганата. К сожалению, не всё так просто. Дело в том, что в ходе последующих раскопок Правобережного Цимлянского городища я обнаружил ещё одну кладку с сырцовыми кирпичами иных размеров, но, главное, иных пропорций — *квадратных*, не представленных в таманской стене (Флёров В.С. 1994*б*. С 453):

37 : 35 : 8,5	**36** : 36 : 9,0	**35** : ?? : 8,0
	36 : 36 : 8,5	35 : ?? : 7,0
	36 : ?? : 8,0	35 : 35 : 6,5.

В 2010 г. на Правобережном Цимлянском городище мною был найден ещё один погребок, облицованный грубо выделанными, но прочными сырцовыми кирпичами тех же размеров. Среди них оказался один 40 : 28 см. (толщина не просматривалась). Итак, какие же размеры и форматы сырцовых кирпичей считать наиболее характерными для Правобережного Цимлянского городища? Пока ответить сложно. Данный пример показывает, что механический поиск аналогий по единичным образцам — задача неблагодарная. Сравнивать можно только размеры больших серий кирпичей, но не выборочные экземпляры или замеры.

В связи с кирпичами возникает ещё одна проблема уже методического характера: как расценивать отличия в размерах кирпичей, скажем, на примере таманской стены и Верхнего Чир-Юрта? Было ли значимо для строителей различие в три сантиметра в толщине кирпича при равных длине и ширине? Ответить трудно, тем более что мы не знаем критериев, которыми руководствовались сами строители. Отсюда, при слабой изученности кирпичного строительства на территориях Хазарского каганата, особенно в Дагестане, нам остаётся учитывать реальные размеры, не прибегая к субъективным оценкам типа «близкие размеры», или проводить сравнение, выбирая только один или два параметра и оставляя за скобками третий.

Приходится делать вывод: найти прямые *массовые* аналоги сырцовым кирпичам стены Таматархи пока не удаётся, а отсюда следует и главное заключение: говорить об использовании хазарских форматов сырцовых кирпичей при строительстве оборонительной линии Таматархи на сегодня не приходится. Слишком мала для этого база источников. Будем ожидать результатов новых раскопок в самой Таматархе, в бассейне Дона и в Дагестане, но прежде всего должен быть привлечён массив данных по сырцово-кирпичному строительству в ближайшей округе, где оно известно с греческой архаики. Один из примеров: на памятнике «Береговой 4» II в. до н.э. — I в. н.э. применялся формат 40 : 24 : 6 см (благодарю А.А. Завойкина за консультацию). Могли такие кирпичи со временем трансформироваться, т.е. «заузиться» до 20 см?

С другой стороны, надо иметь в виду, что в слоях Таманского городища встречается обожжённый кирпич семикаракоросаркельского квадратного формата с размерами примерно 25 : 25 : 5 см (благодарю В.Н. Чхаидзе за информацию). На находки в постройках городища не только сырцового, но и обожжённого кирпича указывали И.Н. Богословская и О.В. Богословский (1992. С. 9).

Проблема сырцового кирпича важна, но есть более объемлющая — конструкция стены. Подытоживая описание стены Таматархи, В.Н. Чхаидзе делает следующее заключение: «Выделяются три основных конструктивных элемента стены: 1) Ядро из сырцовых кирпичей… 2) Внутренний и внешний каменные панцири; 3) Пространство между панцирями и ядром стены» (Чхаидзе В.Н. 2008. С. 123). К этому необходимо добавить четвёртый элемент — кладка opus spicatum.

Что даёт сравнение конструкций стен Тамани со стенами Верхнего Чир-Юрта и Шелковского? Существенные различия. В Чир-Юрте основа стены — камень, а кирпич лишь дополнил её. В стене Шелковской крепости камень вообще не использовался, а сырцовый кирпич чередуется с глинобитом, чего нет в таман-

ской стене. У меня вызывает сомнение то, что каменный пояс (я не называл бы его внешним панцирем) стены Таматархи был встроен позднее путем вырубки массива сырцовых кирпичей, а не был устроен сразу в процессе строительства стены как её элемент. Вырубка большого паза в сырцовой стене грозила бы её обрушением, по крайней мере частичным. В любом варианте такой приём (или приёмы) на городищах Дагестана неизвестен. Сравнивать таманскую стену со стенами других городищ дагестанской Хазарии (Сигитминского, Некрасовского и пр.) не представляется возможным в связи с их неисследованностью и отсутствием данных в литературе (не исключаю, что что-то осталось мне недоступно).

Ещё один признак таманской стены, оставить который без внимания нельзя, — её толщина в 7,6 м. Сравним с толщиной огромной Шелковской крепости — 2,5 м или чуть более (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н., 2003. С. 92*).

Сегодня материалы многолетних раскопок Таматархи стали доступны благодаря книге В.Н. Чхаидзе. В ней подробно описана и интересующая нас стена, но в вопросе о прототипе технологии её строительства исследователь, как и я, к определённому выводу не пришёл. Может быть, отсюда и некоторое противоречие в её оценке самим автором: «…Преждевременно говорить о невозможности хазарского влияния на строительство оборонительной стены Таматархи», — это с одной стороны. А с другой — «при возведении стены были использованы именно местные строительные традиции, в частности, та же система укладки в технике opus spicatum, известная на городище с V в.» (Чхаидзе В.Н. 2008. С. 131).

Итак, построена ли сырцовая стена Таматархи хазарами? Была технология её строительства хазарским вкладом в фортификацию города? Всё изложенное не позволяет дать положительный ответ.

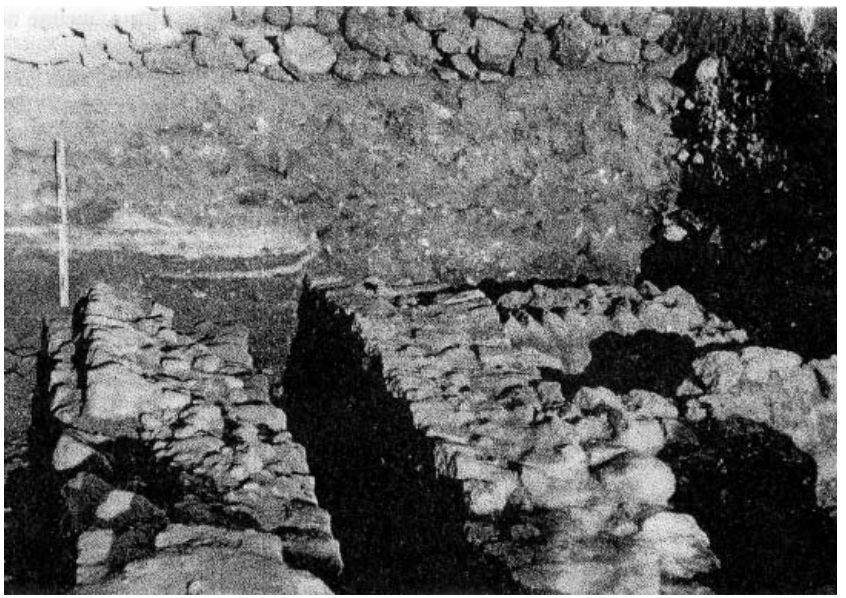
* На этой странице читаем: «Ширина стены в верхней части колеблется в размахе от 2 до 2,5 м. Размах ширины стен у основания колеблется от 30 до 32 м. Надо иметь в виду, что речь идёт о ширине т.н. вала, образовавшегося в результате обрушения стены. По М.Г. Магомедову, ширина вала, т.е. расплывшиеся стены Шелковского городища, в основании равна 30 м (Магомедов М.Г. 1983. С. 40). Распавшиеся стены образовывали «валы» на Маяцком, Семикаракорском и других городищах, и не только салтово-маяцких.

Ясно, что стена Таматархи должна стать предметом новых поисков в свете всех прежних и новых находок кирпичей и типов кладки на самом городище из раскопок, продолжающихся по настоящее время, а также на других памятниках Таманского полуострова, причём теми специалистами, которые непосредственно исследуют их в настоящее время.

Один же признак строительной технологии, представленной в Фанагории и Таматархе, рассмотрим в следующем разделе.

БОСПОР–КОРЧЕВ

В Корчеве–Боспоре открыт только небольшой участок двухпанцирной стены, отдельные участки которой сложены по системе opus spicatum = «ёлочка» (рис. 32). Камни, за редким исключением, не обработаны (Макарова Т.И. 1998; сужу по фотографии на с. 357). Раскрывшая стену Т.И. Макарова при первой публикации писала, что иначе чем в качестве крепостной стены её интерпретировать трудно (Там же. С. 390). Что представляла эта «крепость» в целом — неизвестно. Данных об этом практически нет, тем не ме-



Илл. 32. Керчь. Стена (по: Макарова Т.И. 1998)

нее в следующей публикации в ответственном издании крепость названа «белокаменной». Остатки стены отнесены к «цитадели». С оговоркой «вероятно» — уверенности у автора не было. Я же хочу обратить внимание на наличие у стены двух контрфорсов* — элемент совершенно неизвестный у крепостей Хазарского каганата (Маяцкая, Правобережная Цимлянская, Хумара). Возможно, контрфорсы помогут интерпретации самой стены, поискам для неё аналогий, уточнят строительную традицию.

Противоречивой была оценка фрагмента кладки постройки под южной стеной храма Иоанна Предтечи. Какому культовому зданию она принадлежала, не установлено, но Т.И. Макарова стратиграфическую ситуацию истолковывала в пользу синагоги. Суть в том, что вообще невозможно как-либо интерпретировать эту постройку из-за незначительности её фрагмента. С тем, что постройка была общественной, ещё как-то можно согласиться, но для обсуждения культового назначения данных просто нет. «Цитадель», «белокаменность», «синагогу», как и кладку «в ёлочку» (о ней ниже) приходится поневоле воспринимать как напоминание о хазарах. Но обратим внимание на важное для нашей темы заключение: «Археологические данные о пребывании хазар на Боспоре трудно назвать богатыми» (Макарова Т.И. 2003. С. 54–56).

Категорично высказался по вопросу о трактовке раскопанных Т.И. Макаровой объектов С.Б. Сорочан: «Нет ничего специфического в стенах и общей планировке сооружений, воздвигнутых местами в технике opus spicatum в портовом районе в период конца VI–IX вв., которые пытаются интерпретировать как остатки «хазарской цитадели», крепости, где сосредотачивались органы управления городом, находился хазарский гарнизон и синагога, якобы разрушенная при сооружении храма Иоанна Крестителя» (Сорочан С.Б. 2004*а*. С. 123).

* На чертеже на рис. 11 внизу изображена стрелка (Макарова Т.И. 1998. С. 360). Если она указывает на север, то указание в тексте на расположение контрфорсов к северу от стены может быть ошибочным. На видоизменённом чертеже в другом издании (Макарова Т.И. 2003. Табл. 28) стрелки вообще нет, хотя рядом с другими объектами на соседних чертежах на том же листе стрелки изображены. Признаюсь, в этой ситуации я не разобрался, поэтому пришлось ориентироваться по тексту. И ещё. На первом чертеже видны три контрфорса, на втором, видоизменённом, только два.

Стоит обратить внимание на выводы Ю.М. Могаричева и А.В. Сазанова, подвергнувших критике заключения А.И. Айбабина, равно и Т.И. Макаровой, по итогам их раскопок в Корчеве–Боспоре. «Археологический вывод [Айбабина. — *В.Ф.*] о подчинении хазарами Боспора в 679/670 г. и их господстве здесь в конце VII — первой половине IX в. обосновывается наличием на исследованных участках слоя пожара, отражающего захват ими города, существованием хазарской цитадели и мощного слоя с многочисленными постройками и ярко выраженными хазарскими материалами». В противовес этим выводам Могаричев и Сазанов констатируют: «Проведённый нами анализ стратиграфии и археологического материала показал, что единого слоя “хазарского пожара” не существует. … В самом слое пожара никаких хазарских материалов обнаружено не было. … Что касается “хазарской цитадели”, то слой времени её строительства отсутствует». И что особенно важно в русле нашей темы: «Характер кладки и общая планировка сооружения не характерны для хазарских построек. Соответственно нет оснований говорить о хазарском слое в Керчи и тем более о хазарской цитадели». В итоге авторы отрицают и саму принадлежность города хазарам в VIII — первой половине IX в. (Могаричёв Ю.М., Сазанов А.В. 2005. С. 354, 355). Последнее, впрочем, не совсем очевидно и требует дальнейшего изучения. Город находился в районе столкновения интересов каганата и Византии, но это не означало массового проникновения в него носителей салтово-маяцкой культуры. Это проблема исторического исследования. С точки зрения археологии выводы авторов вполне корректны. Подробнее ознакомиться с ними они рекомендуют в работе 2002 г. В ней детально рассмотрена стратиграфия города и керамический материал, в частности из помещения 12 в Кооперативном переулке (раскопки А.И. Айбабина) и на Рыночной площади (раскопки Т.И. Макаровой), на основе чего предложены следующие выводы (Сазанов А.В., Могаричёв Ю.М. 2003. С. 501), сомневаться в которых пока нет оснований:

– единого слоя «хазарского пожара» в городе нет;

– «хазарский» период VIII–IX вв. на указанных участках не представлен;

– дата строительства стены так называемой цитадели неопределима, укладывается в промежуток от 570–580 гг. до сере-

дины IX в. «Нет оснований говорить о хазарском слое в Керчи и тем более о хазарской цитадели».

Этот последний вывод особенно важен для нашей темы. Мне остаётся констатировать, что вопрос о вкладе хазар в архитектуру и фортификацию Корчева–Керчи остаётся по крайней мере дискуссионным (вряд ли плодотворное продолжение дискуссии возможно без дальнейших раскопок) и привести общий вывод А.В. Сазанова и Ю.М. Могаричёва: «Материальная культура Боспора как VI–VII — нач. VIII в., так и середины — второй половины IX в. носит ярко выраженный *провинциально-византийский характер.* Археологические материалы не дают оснований говорить о хазарском периоде в истории Боспора» (Там же).

В плане решения несколько иных проблем, политических отношений Хазарии и Византии в Крыму, выводы Сазанова и Могаричёва в отношении «хазарского Корчева» полностью разделяет С.Б. Сорочан, попутно саркастически отметивший, что упомянутые К. Цукерманом «массовые» археологические следы хазарского присутствия в Корчеве (Цукерман К. 1998. С. 675) сводятся всё к той же сомнительной постройке в портовом районе («цитадели») и «усадьбе»-помещению 12 в Кооперативном переулке (Сорочан С.Б. 2002. С. 520, 521). К. Цукерман в данном случае ссылался в свою очередь на публикацию Т.И. Макаровой (1991).

Со своей стороны, должен отметить, что носители салтово-маяцкой культуры предпочитали на Керченском полуострове селиться за пределами городов, сохраняя традиционный *не-городской* образ жизни (Зинько В.Н., Пономарёв Л.Ю. 2005, 2007), возможно, и чувствуя себя таким образом в большей безопасности от перипетий политических событий. На этом фоне отсутствие «хазарского» слоя в Корчеве становится особенно заметным. Что касается военно-политической истории Боспора, о которой столько написано, то она продолжает оставаться дискуссионной и не является предметом моего рассмотрения. Но не могу не обратить внимание на другое исследование А.В. Сазанова и Ю.М. Могаричёва (2006), в котором сделана очередная попытка уточнить её ход на заре хазаро-византийских отношений. Не всё в предлагаемых гипотезах однозначно приемлемо, но сравнительный анализ текстов Никифора и Феофана заслуживает внимания и с позиций археологии. Общий вывод

остался прежним: письменные и археологические материалы не дают оснований говорить о строительстве в городе Боспоре *хазарской* цитадели (Сазанов А.В., Могаричёв Ю.М., 2006. С. 127).

Всё изложенное выше не должно автоматически вести к полному отрицанию присутствия в городе отдельных носителей салтово-маяцкой культуры или небольших групп с неопределяемой этнической принадлежностью. На последнее обращаю особое внимание, поскольку в статье с утверждающим названием «Хазарский слой в Керчи» А.И. Айбабин поставил вопрос о поиске в Керчи этнических хазар (Айбабин А.И. 2000. С. 168). Статья была посвящена публикации нескольких построек и жилищ из «того же слоя в Кооперативном переулке, в нескольких сотнях метрах от раскопа Т.И. Макаровой» (Там же. С. 169).

Главный довод А.И. Айбабина — жилища с двухпанцирными основаниями с кладкой «в ёлочку» (Там же. С. 174). Последнюю он, с оговоркой «видимо», вслед за С.А. Плетнёвой считает привнесённой в Северное Причерноморье хазарами из Приморского Дагестана. Этот довод можно было бы принять к рассмотрению, если бы кладка opus spicatum была найдена на территории собственно салтово-маяцкой культуры. Но этот вид каменной кладки там неизвестен! Нет его в Саркеле, в Правобережной Цимлянской и Семикаракорской крепостях на Нижнем Дону, нет и на ещё немногих исследованных в бассейне Дона — Северского Донца поселениях.

Во-вторых, придя непосредственно из Приморского Дагестана, хазары непременно принесли бы в первую очередь собственную материальную культуру, маркируемую сероглиняной керамикой местных форм, но таковая в Керчи не обнаружена. Дагестанская керамика резко отличается от салтово-маяцкой, и опознать её было бы несложно, в частности по косым насечкам на ручках кувшинов (с керамикой Дагестана я знаком непосредственно по коллекциям, хранящимся в Махачкале).

Что можно принять за признак присутствия носителей салтово-маяцкой культуры, так это круглый очаг-«тарелку» в жилище 7 и лощеный кувшин (Там же. С. 179, 180, рис. 2, 3). Керамика из жилища многообразна, в ней преобладают местные и византийские формы, а единичные фрагменты горшков, по Айбабину, близких салтово-маяцким, он одновременно сравнивает с горшками из Дагестана, что не совсем корректно. Напом-

ню, кстати, что в Дагестане нет котлов с внутренними ушками, повсеместно представленных в салтово-маяцкой культуре.

Итак, жилище с очагом, вероятно полуземлянка, действительно может служить подтверждением проникновения немногих носителей салтово-маяцкой культуры в Керчь–Боспор, но, возможно, не прямо из Подонья, а из сельских поселений Керченского полуострова. Оставить же после себя полноценный культурный «хазарский» слой они не могли, тем более, как показывают находки в жилище 7, сами предпочитали пользоваться преимущественно местной городской керамикой, включая краснолаковую, белоглиняную поливную и, конечно, амфоры, красноглиняные кувшины с плоскими ручками, пифосы (перечисление керамики из жилища 7 занимает в статье А.И.Айбабина более страницы; она настолько разнообразна, что не позволяет дать этому набору монокультурное определение).

СУГДЕЯ

В мои намерения не входило «вторгаться» в земли Крыма западнее Керчи. Вынужден сделать исключение для Сугдеи, идя на определённый риск, поскольку по существующим разрозненным публикациям довольно сложно представить во всей полноте общую стратиграфческую ситуацию на этом памятнике с многочисленными перекопами, перестройками сооружений с уничтожением подстилающих слоёв, с оползнями.

Обращение к Сугдее «спровоцировано» в первую очередь известным мнением И.А.Баранова о хазарском присутствии в городе и такими формулировками, как «оборонительная система *хазарской* Сугдеи», «*градостроительная* политика хазар» (Баранов И.А. 1991. С. 158). Не буду распространяться на эту тему — публикации И.А. Баранова хорошо известны. Его идеи развивает В.В. Майко, полагающий, что «*хазарская фортификация* Сугдеи» позволяет «предполагать здесь наличие одной из самых мощных *хазарских крепостей* в Крыму» (Майко В.В. 2000. С. 239). Оба автора достаточно категоричны, но мне не удалось найти в их работах ответа на вопрос: какие же признаки позволяют говорить о специфической хазарской фортификации и в чём отличие сугдейских укреплений от других провинциальных византийских крепостей? В целом же этот вопрос приводит нас к более широкой *проблеме реальности крымского варианта салтово-маяцкой культуры*, частью которой является вопрос вклада хазар в фортификацию Крыма или отсутствия такового.

Обратимся к разделу о Сугдее из капитального исследования С.Б. Сорочана, пришедшего к иным выводам (Сорочан С.Б. 2005). В рамках очерка могу позволить себе лишь краткие выдержки:

- Сугдея основана «по меньшей мере в VI в.», и «едва ли в основании Сугдеи принимали участие сугды» (С. 357).

- Техника кладки ранних сооружений «мощного ранневизантийского приморского укрепления» — кордовая кладка на известковом растворе», башня бургового типа (С. 357).

- По Баранову и Майко, ярким свидетельством хазарского присутствия в Сугдее было «*тюркское капище*». Проанализировав состав находок, С.Б. Сорочан приходит к заключению, что это «скорее остатки довольно крупного византийского храма или мартирия постюстиниановского времени» (С. 360). К вопросу о капище мы ещё вернёмся.

- Увеличение от VII к IX в. количества находимых в Сугдее моливдовулов «заставляет оценивать роль и степень влияния хазар в городе очень скромно, хотя и не отрицать их вовсе» (С. 360). По-моему, оценка очень корректная.

- «Нет оснований считать, как это делают А.И. Айбабин, Ю.М. Могаричёв и К. Цукерман, что Сугдея была основана хазарами в конце VII в. … и входила в состав Хазарского каганата. Во-первых, к этому времени здесь уже существовал достаточно развитый ранневизантийский торгово-ремесленный центр — эмпорий… во-вторых, **хазарское общество было столь далеко от стадии урбанизации, что говорить об основании хазарами городов по меньшей мере странно**» (С. 362, 363).

Если по частным проблемам какие-то доводы С.Б. Сорочана и требуют коррекции, то последний опровергнуть невозможно по существу его содержания. Остаётся только удивляться, почему сторонники активного хазарского строительства в Корчеве–Боспоре и Сугдее не начинали с оценки «стадии урбанизации» непосредственно в самом Хазарском каганате.

В Сугдее нас интересуют в первую очередь два археологических объекта: названный первоначально «тюркское святилище»

и участок кладки opus spicatum в ранневизантийской башне в портовой части Сугдеи. Что касается основания Сугдеи, то непричастность к этому хазар сегодня сомнений не вызывает (Джанов А.В. 2004. С. 45–54).

Открытие в Сугдее строительных остатков, трактованных И.А. Барановым и В.В. Майко как «тюркское святилище», было первоначально встречено с большим интересом, тем более что опубликовано оно было журналом «Российская археология» (Баранов И.А., Майко В.В. 2001).

В статье А.В. Джанова (2004) данный объект был заново проанализирован как по части стратиграфии, так и в трактовке ряда каменных деталей, принадлежность которых христианской ранневизантийской архитектуре не вызывает сомнений, как и то, что «многочисленные блоки с изображением креста в круге не вяжутся с языческой принадлежностью святилища». В итоге автор приходит к выводу: «По всей вероятности, мы имеем дело с развалинами большого христианского храма. Раскопками затронута только небольшая часть развала постройки, сползшего по оврагу вниз» (Там же. С. 55–59). Обратим внимание на осторожность вывода («по всей вероятности») и на плохую сохранность. Будем объективны: если это и не христианский храм, то и тюркская принадлежность руинированного сооружения более чем сомнительна.

«По мнению» И.А. Баранова, капище было посвящено Тенгри. Этот аргумент не может быть принят в силу того, что до настоящего времени неизвестно ни одно достоверное капище этого божества, которое могло бы послужить неким эталоном. Привлечение в качестве аналогий одновременно капищ двух разных культур и территорий, с одной, стороны, в Балчике и Мадаре, а с другой стороны, открытого В.В. Хвойко на киевском городище (Баранов И.А., Майко В.В. 2001. С. 99, 100), во-первых, делает эти аналогии взаимоисключающими. Во-вторых, праболгарский культовый памятник в Балчике, тринадцать вертикально установленных полукружием камней около угловой круглой башни античного Дионисополиса, не имеет ничего общего с прямоугольным языческим храмом в Мадаре. Добавлю, что назначение вертикальных камней в Дионисополисе трудно трактовать однозначно [сооружения в Балчике и Мадаре я имел возможность осмотреть на месте и категорически не могу согласиться с сибирскими аналогиями, приводимыми Дм. Овчаровым (1986) для вкопанных камней из Балчика].

Что касается выделенного И.А. Барановым второго периода существования капища, обозначенного большим зольником, то это высказано им только в качестве предположения, а сам автор указывает, что подобные среди салтовских памятников полуострова неизвестны (Там же. С. 105). Добавлю, что и на территории собственно салтово-маяцкой культуры Хазарского каганата такие объекты не описаны. Мне приходится делать единственно возможный вывод — связать так называемое «тюркское капище» второго этапа с пребыванием «хазар» в Сугдее было бы неосмотрительно.

Особое внимание в вопросе о хазарском строительстве в Крыму представляет кладка в основании башни на раскопе III в. портовой части Сугдеи (Джанов А.В. 2004. С. 62, рис. 5; с. 63). Она возвращает нас к версии С.А. Плетнёвой о её хазарском происхождении из Прикаспийского Дагестана. Башня Сугдеи, построенная, как отмечает Джанов, в традициях позднеримского и ранневизантийского строительства, в этом отношении представляет особый интерес, так как датируется не позднее начала VI в. (Там же. С. 69). Сама эта дата исключает участие в строительстве башни хазар. Насколько мне известно, это самая ранняя для Тамани и Крыма кладка opus spicatum! Таким образом, и истоки появления кладки opus spicatum в «салтовских» жилищах Сугдеи не могут быть связаны с хазарской этнической традицией.

И наконец, о захвате Сугдеи около 670 г. хазарами. А.В. Джанов пишет об этом с оговоркой «вероятно». С.Б. Сорочан, в противовес мнению И.А. Баранова и В.В. Майко, категорически отрицает захват Сугдеи болгарами в 30–40-е гг. VIII в., за которым якобы последовало превращение города в «столицу Крымской Хазарии» (Сорочан С.Б. 2004*в*. С. 343).

Так или иначе, необходимо констатировать, что единогласия не только в трактовке археологических данных, но и в воссоздании истории Сугдеи нет. Ранние утверждения И.А. Баранова о «хазарской оборонительной стене», «хазарской оборонительной системе» и особенно о «градостроительной политике хазар» в Сугдее, как и «предположения» о захоронении в склепе №2 «этнических хазар» (Баранов И.А. 1991. С. 146, 154, 155), надо

переместить в область историографии исследований города. Я предпочитаю обсуждать ситуацию в Сугдее, не выходя за рамки археологического источниковедения. С этих позиций необходимо было бы знать долю собственно салтово-маяцкой керамики в общем массиве керамических находок в Сугдее. Неприемлема оценка времени основания крепости Сугдеи, предложенная В.Е. Науменко: «*обычно* возникновение Сугдеи относят к середине — третьей четверти или не ранее последней четверти VII в.» со ссылками на публикации И.А. Баранова, В.В. Майко и А.И. Айбабина, но автор признаёт, что «предлагаемая дата возникновения городища носит предварительный характер», указана и причина — выборочная опубликованность археологических данных (Науменко В.Е. 2004. С. 104, 105). Есть, однако, более весомая причина — само исследование городища Сугдея, с учетом его площади, ещё только начинается.

Итак, способен ли был Хазарский каганат построить в Крыму столь мощное фортификационное сооружение, каким была Сугдейская крепость? Вместо ответа предлагаю вспомнить каменные крепости собственно донской Хазарии, миниатюрные, технологически несовершенные и с попытками подражания византийским строительным приёмам. Последнее наиболее выражено в Правобережной Цимлянской крепости. Пожалуй, самым ярким признаком хазарской фортификации было отсутствие фундаментов. Что же касается наиболее совершенной хазарской крепости Саркел, как известно, каганат сам был вынужден обратиться за проектированием и техническим содействием к Византии. Особое место среди крепостей каганата занимает самая большая каменная крепость Хумара, которая не могла быть возведена без византийского инженерного содействия, но и она городом не стала. Здесь не фиксируется то монументальное строительство, какое известно в Плиске — военно-административном центре ранней Болгарии, но ещё не городе. Остаётся только сожалеть, что из крепостей Хазарского каганата, в строительстве которых участвовали византийцы, на страницы истории попал только Саркел.

О торговле

Безусловно, Византии было целесообразно сохранять равновесие в отношениях с хазарами. Эта тема достаточно освещена

многими поколениями историков и археологов, а ныне последовательно С.Б. Сорочаном в связи с проблемой кондоминантных отношений Византии и Хазарского каганата в землях Крыма (Сорочан С.Б. 2004*в*. С. 333 и сл.). Я же хочу обратить внимание на особую заинтересованность в самом каганате рядового населения византийских городов Крыма, ремесленников и аграриев, как в громадном рынке сбыта. Салтово-маяцкие поселения Приазовья, бассейна Дона, Северного Кавказа усыпаны обломками амфор, кувшинов, не редкость и фрагменты ойнохой. Если не большинство, то значительная часть салтово-маяцких поселений, особенно в степях, были открыты исключительно благодаря хорошо заметным обломкам амфор. Создаётся впечатление, что хазарские караваны, возможно, и крымские суда с наполненными амфорами непрерывно шли в каганат, независимо от состояния политических отношений с Византией и даже во время прямых столкновений. Торговля — едва ли не основное объяснение постоянного присутствие самих носителей салтово-маяцкой культуры* в городах Крыма. Что могли содержать амфоры? Вероятно, то, что в каганате не производили: вина, оливковое масло. Хочу специально подчеркнуть, что это не та транзитная торговля, о которой часто рассуждают многие авторы.

* * *

Есть иная грань вопроса о торговле. Выдвижение на первый план многими авторами не активной производственной деятельности населения каганата, а торговли («торговая держава», «торгово-таможенные крепости») требует комментария. Мне кажется, что в этом видна не только полулегенда о рахдонитах, но реминисценция давно отброшенного серьёзными учеными обвинения Хазарии в «паразитизме», в существовании за счет эксплуатации торговых путей (здесь вольно или невольно сказываются отголоски антисемитских выпадов против иудаизированного Хазарского каганата). Громадный, накопленный

* В лексиконе ряда пишущих о Крыме археологов всё чаще встречается словечко «*салтовцы*», в том числе в таком сочетании, как «болгары и салтовцы». Это равносильно тому, если создать сочетание «византийцы и греки». «Салтовцы» — определение со смутным содержанием, оно не исторично. Что касается болгар, то они, как и другие этносы Хазарского каганата, были носителями салтово-маяцкой культуры.

десятилетиями археологический материал свидетельствует совершенно о другом. Каганат имел, во-первых, развитые земледелие (Пашкевич Г.А., Горбаненко С.А. 2004) и скотоводство с разными видами и породами домашних животных. Судя по многочисленным находкам пашенных орудий (Михеев В.К.1985. С. 33), население салтово-маяцкой культуры вряд ли нуждалось в поступлении зерна от славян (ср. Петрухин В.Я. 2005. С. 172), а при неурожаях могло само поделиться с соседями, вероятно, на известных условиях. Во-вторых, многоотраслевое ремесло, включая обработку черных и цветных металлов (Колода В.В. 1999*б*). В экономическом отношении каганат был самодостаточным и самообеспеченным. Что касается торговли, то в экономике каганата она занимала не большее место, чем в экономике всех её соседей и торговых контрагентов. Отсутствие в каганате городов отнюдь не умаляет технический уровень его ремесел и сельского хозяйства.

* * *

Вернёмся к вопросу, поставленному в начале настоящего раздела: можно ли считать *хазарскими* города Тамани и Крыма, входившие какое-то время в состав каганата или не входившие? Для меня ответ категоричен — нет. Убедительных археологических данных для иного ответа я не нахожу. Какое-то количество носителей салтово-маяцкой культуры в Таматархе, Фанагории, Боспоре=Корчеве, Сугдее (как и в Херсонесе) присутствовало, но влияния на местную культуру и градостроительство они не оказали. В целом же я сторонник **необходимости пересмотра крымского и особенно приазовского «вариантов» салтово-маяцкой культуры для VIII и IX–X вв.** Предметом обсуждения могут быть заимствования, которые восприняли носители культуры, поселяясь в Крыму с VII в., если не ранее, в домостроении, в погребальном обряде, технологии изготовления керамики. Для Восточного Крыма эти новации начинал изучать А.В. Гадло (1968, 1969); в настоящее время работа продолжается (напр.: Зинько В.И., Пономарёв Л.Ю. 2005, 2007). Менее всего артефактов салтово-маяцкой культуры археология находит в византийских городах Крыма. Из собственного опыта: во время работы в Фанагории в 1970 г. на Центральном раскопе я был удивлён мизерным количеством керамики, которую как-то можно было

связать с салтово-маяцкой. Те же впечатления оставили работы в Херсонесе в 1980 г.

Идея о пересмотре содержания особого «крымского варианта» салтово-маяцкой культуры «витает в воздухе». Завершая очень полезный свод памятников VII –X вв. округи Судака, В.В.Майко уже в 2007 г. пишет: «Все перечисленные комплексы и объекты оставлены *праболгарским населением, находившимся под сильным культурным и идеологическим влиянием Византийской империи, что проявлялось практически во всех сферах материальной и духовной культуры. Объединение всех памятников в т.н. крымский вариант салтово-маяцкой археологической культуры на сегодняшний день представляется терминологически нецелесообразным»* [выделение моё. — *В.Ф.*] (Майко В.В. 2007. С. 173). Полностью согласен, но с тем уточнением, что необходимо чётко разграничить памятники населения (праболгар), сохранившего принесенную в Крым традиционную салтово-маяцкую культуру, и памятники той части населения, которая оказалась под влиянием византийской культуры, особенно в домостроении, строительных технологиях, погребальных сооружениях и т.д. Линии разграничения будут как хронологические, так и географические. Собственно салтово-маяцкие памятники Крыма, это заметно уже сегодня, найдут полные аналогии в бассейне Дона и Восточном Приазовье.

* * *

В заключение этого небольшого раздела некоторые размышления в связи с одной публикацией А.П. Моци (2004). Прежде всего отмечу, что автор, хотя и с весьма своеобразными доводами, также пришел к выводам об отсутствии хазарской застройки в Сугдее и проблематичности взглядов о значительной роли хазар в Крыму. Далее же он ставит вопрос весьма категорично. Совершенно справедливо призывая покончить с представлениями о «Крымской Хазарии», Моця предлагает, имея в виду прежде всего Восточный Крым, поставить вопрос о «Крымской Болгарии». С первым я согласен безоговорочно. Но стоит ли вводить для совершенно незначительной группы переселенцев понятие «Крымская Болгария»? Не будет ли оно эквивалентно «крымскому варианту салтово-маяцкой культуры»?

Если провести картографическое сравнение между громадной территорией расселения болгар, от Среднего Дона до Прикубанья, и территорией, занятой болгарами в Восточном Крыму, станет ясно, что более целесообразно говорить о проникновении очень небольшой группы болгар в Крым (вероятнее всего, с VII в.), чем о «Крымской Болгарии». Прибегая к нынешней терминологии, мы имеем дело с ограниченным численно болгарским анклавом в Крыму, занимавшим сельскохозяйственные районы и явно не стремившимся вмешиваться в местные политические события.

Крымские города византийского времени, с их глубокими, уходящими в античность корнями урбанизированных культуры и образа жизни населения, поглощали культуру немногих пришельцев. То же происходило и на Ближнем Востоке, где другие пришельцы — арабы — приняли многие традиции эллинистического и византийского градостроения. Отличие в том, что арабы и культура ислама стали в дальнейшем господствующими на Востоке, чего болгары и хазары так и не достигли в Крыму. Культурного и связанного с ним конфессионального переворота в Крыму не произошло вплоть до становления Крымского ханства.

Подойдём к проблеме с совершенно иных позиций. На мой взгляд, необходимо вообще пересмотреть значение Крыма в истории Хазарского каганата, равно как и происходивших в нём текущих политических событий. Достаточно внимательно посмотреть на карту юга Восточной Европы, чтобы увидеть незначительность территории Крыма не только в сравнении с нею, но и с территорией Хазарского каганата с его салтово-маяцкой культурой. Во многих публикациях, особенно крымских авторов, что вполне понятно, проблеме присутствия хазар в Крыму придаётся излишне большой вес. Хазарская проблематика в Крыму лишь потому так часто привлекает внимание историков, равно и археологов, служит темой бесконечных дискуссий, что повод для этого дают сравнительно многочисленные, хотя в большинстве противоречивые или трудно поддающиеся однозначному пониманию упоминания письменными источниками имени хазар в связи с весьма незначительными событиями, имевшими место в раннесредневековом Крыму. Не буду их перечислять, они более чем известны (упоминания тудунов и пр.). Когда я пишу «сравнительно многочисленные», я подразумеваю то, что политические коллизии в самом Хазарском каганате практически источниками никак не отражены. Впервые я высказал данные соображения ещё на одной из конференций в Алупке около двадцати лет назад.

Упрощу постановку вопроса до крайности. Если смотреть на события в Крыму только в аспекте местной истории полуострова, то да, отношения с каганатом могут показаться значительными, как и хазаро-византийские. Но если глядеть на полуостров в аспекте истории каганата, то крымские дела окажутся затерянными среди проблем, которые каганату приходилось решать на тысячекилометровых границах. Это отношения с народами Приднепровья, Верхнего Дона, Поволжья, Дагестана и Северного Кавказа, Средней Азии; не забудем о противостоянии с арабами; добавим прохождение через каганат венгров и печенегов. Но и перечисленное затмевалось событиями внутренней жизни, среди которых ключевым было обращение к иудаизму, за которым не могли не последовать конфликты, и не только на религиозной почве.

Для Хазарского каганата Крым имел заметное торговое значение. Его прямое поглощение привело бы к хроническому конфликту с Византией, нарушению товарообмена и постоянным расходам на сильное военное присутствие. Что касается Византии, то её восточные проблемы с Ираном, а затем и с теми же арабами делали нежелательными любые дополнительные конфликты в других пограничных районах, включая и такое северное, далеко не главное для империи направление, каким был Крым. Постоянной проблемой, несравнимой с Хазарским каганатом, с конца VII в. стало для империи Болгарское царство, источник периодически возникавших войн и столкновений. Отношение же хазар к крымским владениям Византии очень точно определили Ю.М. Могаричёв и А.В. Сазанов: «Вся политика каганата по отношению к Крыму сводилась в основном к возможности получения дани. Если же хазары, не по своей воле, оказывались втянутыми во внутренние византийские конфликты на территории полуострова, то и здесь претензии хазар были, в большей степени, материальными, а не территориальными или политическими» (Могаричёв Ю.М и Сазанов А.В. 2005. С. 359). Этому заключению предшествует не только анализ византийских источников и политической ситуации на Тамани и в Крыму, но и краткий обзор археологической стратиграфии в г. Боспоре, в

напластованиях которого «хазарский слой», о котором писали Т.И. Макарова и А.И. Айбабин, всё-таки отсутствует.

То, что С.Б. Сорочан называет крымским кондоминиумом, было для каганата и империи оптимальным решением, но, на мой взгляд, лучше говорить о *вынужденном нейтралитете*, сохранении status quo. Византии не нужны были осложнения в северных тылах империи, а каганат вряд ли мог рассчитывать на безнаказанную оккупацию Крыма или его части. Конфликтная ситуация, в которой фигурируют Юстиниан II, тудун и другие известные участники, — лишь мелкий случайный эпизод в истории отношений Византии и Хазарского каганата, породивший тем не менее громадную и неиссякаемую библиографию. Смена императоров на константинопольском троне никак не влияла на стабильность этих отношений.

* * *

В 2007 г. С.Б. Сорочан с несколько иных позиций и не будучи знаком с моими предварительными наблюдениями (Флёров В.С. 2005. С. 338–342) приходит к аналогичным изложенным выше выводам «об особом отношении хазар к землям Крымского полуострова, несхожести того, что являла культура собственно Хазарии».

Полагаю целесообразно привести здесь отправные констатации из статьи С.Б. Сорочана, опубликованной в не всем российским читателям доступном сборнике (сокращаю ссылки на публикации до фамилий некоторых упоминаемых им авторов).

«Новейшие работы безоговорочно, на уровне учебной истины продолжают включать “оккупированный хазарами Крым” в состав западных земель Хазарского каганата, объявляют его “крымской Хазарией” (Айбабин, Баранов, Приходнюк, Герцен, Могаричёв, Михеев, Тортика, Майко… Плетнёва, Виноградов, Комар). Даже в коллективной академической монографии, посвященной средневековому Крыму, Северо-Восточному Причерноморью и Закавказью, которая ставит целью подведение итогов многолетних исследований в этом регионе, главу о Крыме VIII–X вв. венчает непререкаемый подзаголовок — “Хазарское господство” (Археология. 2003. С. 53). Он вполне соответствует заключительному, столь же непререкаемому выводу о том, что Хазарский каганат вытеснил Византию из Таврики… Так, С.А. Плетнёва называет крымские города VII–IX вв. “городами в Хазарии”, выросшими под влиянием чужой культуры, и особенно показательную роль в этом отводит Херсону, якобы “неоднократно входившему во владения”, но… до сих пор не обнаружившему “никаких следов пребывания хазар” (Плетнёва С.А. 2002. С. 111–112, 123)» (Сорочан С.Б. 2007. С. 201). Перечисленные установки «новейших работ» С.Б. Сорочан убедительно отвергает, ещё раз используя информацию Никифора, Феофана, другие источники.

Дискуссии о Сугдее продолжаются. В конце 2010 г. появилась небольшая публикация М.А. Никифорова, в которой он на основе анализа состава известной коллекции моливдовулов приходит к выводу, что Сугдея длительное время, вплоть до XI в., не подчинялась Византийской империи, «власть же в городе [ссылка на армянское “Житие Степаноса — архиепископа столицы Сухты” по: Могаричёв Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.А. 2009. С. 61, 64, 65] принадлежала князьям, христианам по вероисповеданию, находящимся в зависимости от *хазарского* “царя”, проживавшего в Боспоре» (Никифоров М.А. 2010). Вопрос с позиции археологии: отразилась ли такая ситуация на облике города, его материальной культуре? Наверняка нет. Да и речь идёт об одном из немногих хазар, принявших христианство, «князе Георге», уже в силу этого опасавшегося своих соплеменников. Прямого отношения этот незначительный эпизод к нашей теме не имеет. Нельзя принять и предположение автора, выраженное следующим образом: «Сугдея *могла быть* одним из городов, подвергшихся набегу хазар в правление византийского императора Романа Лакапина (919–945 гг.)». Основой предположения стал пассаж из Кембриджского документа (ссылка на лист 2, лицевая сторона по: Голб Н., Прицак О. 1997. С. 141), но в нём Сугдея не упомянута, зато указаны С-м-к-рай и, вероятно, Херсон. И что из культурного наследства хазар могло остаться после набега? Разве что наконечники стрел. Построение, опирающиеся на «могло быть», в данном случае серьёзному рассмотрению не подлежит.

* * *

Завершая раздел, подчеркну, что всё-таки решающая роль в определении места салтово-маяцкой культуры и её носителей на

Таманском и Крымском полуостровах принадлежит археологии, так как новые раскопки Таматархи, Фанагории, Боспора, Сугдеи и других городов Северного Причерноморья постоянно расширяют источниковедческую базу.

Opus spicatum

В связи со стеной Таматархи, равно как и кладками в Фанагории и Сугдее, коснусь темы, также связанной с проблемой «хазарского вклада» в строительство на Тамани и в Крыму, — кладки **«ёлочка»*.** Впервые попытку связать появление в Северном Причерноморье «ёлочки» с «новым населением» предприняла С.А. Плетнёва на материалах раскопок Таматархи (Таманское городище): «…Новое население принесло с собой и новую технику кладки камня — “в ёлочку”. Её применяли далеко не всегда. Если приходилось подновлять старое здание, то обычно его чинили той же кладкой, какой была сложена вся стена. Но новые кладки почти все сложены “в ёлочку”, т.е. приёмом, совершенно неизвестным в Причерноморье до VIII в. Кладка “в ёлочку” применялась только в Дагестане и в странах Закавказья (Албании, Грузии) в VI –IX вв. Очевидно, оттуда её и заимствовали жители Таматархи, заселившие город в VIII в. Тогда же эта кладка распространяется и в Восточном Крыму. Даже стены некоторых базилик (например, на холме Тепсень у пос. Планерское) сложены частично в этой технике» (Плетнёва С.А. 1967. С. 49). В этом вроде бы стройном пассаже далеко не всё однозначно, как может показаться на первый взгляд. Требует уточнения время распространения «ёлочки» — VIII в. Так, другие авторы указывают на VII — первую половину VIII в. (Богословская И.Н., Богословский О.В. 1992. С. 8). Что касается истоков этой кладки, то обратим внимание на оговорку «очевидно». Действительно, никаких

* Названия «ёлочка» и «opus spicatum» равнозначны и обозначают один и тот же вид кладки, оба подражательны, ассоциативны: первое — расположению иголок на дереве ель, второе — зёрен в колосе. Оба термина в русской научной литературе применимы и взаимозаменяемы. Термин же «opus spicatum» предпочтительнее, т.к. соответствует общеевропейской традиции латинских наименований основных типов кладок (Сорочан С.Б., 2004).

прямых археологических данных о приходе нового населения из перечисленных стран нет. Настораживает и использование «ёлочки» христианским населением. С.А. Плетнёва ограничилась лишь общей отсылкой к исследованию об азербайджанской архитектуре, причём второй половины XII в. (Щеблыкин И.П. 1943). В 1967 г. исследовательница высказалась о кладке «ёлочка» весьма осторожно, предположительно, хотя из контекста ясно, что появление этого приёма кладки она связывает с вторжением в Причерноморье Хазарского каганата, если не самих этнических хазар. Но то, о чём С.А. Плётнёва тогда умолчала, уже спустя несколько лет прямо напишет Т.И. Макарова, обнаружившая в Боспоре-Корчеве «кладку *хазарской* постройки, сложенной в “ёлочку”» (Макарова Т.И. 1972. С 376). Однако позднее и сама С.А. Плетнёва выскажется категоричнее: «“Ёлочка” стала для археологов одним из самых важных признаков, определяющих проникновение хазар, на исследуемых памятниках Предкавказья, Таманского полуострова и Крыма» (Плетнёва С.А. 1996. С. 21). Дело в том, однако, что список археологов тогда (как и сегодня) ограничивался С.А. Плетнёвой, Т.И. Макаровой. Не очень уверенно к ним присоединился А.И. Айбабин, ссылаясь на публикации С.А. Плетнёвой и М.Г. Магомедова (Айбабин А.И. 2000. С. 174). Кстати, из небольшой публикации этого автора видно, что картина формирования домостроительства хазарского времени в Северном Причерноморье далека от ясности. В частности, к местной домостроительной традиции он относит каменные цоколи, а «приём кладки в ёлку, *видимо*, привнесён хазарами из Приморского Дагестана» (Айбабин А.И. 2002. С. 9). В другой публикации его мнение было сформулировано так: «У поселившихся в боспорских городах хазар и болгар возник новый тип жилища со стенками, сложенными “в ёлку”» (Айбабин А.И. 1998. С. 115). В городах, возражу, определить этническую принадлежность жилища невозможно. На сельских поселения можно определить салтово-маяцкую, т.е. культурную археологически, принадлежность жилища по абсолютному преобладанию соответствующих видов керамики. Проблема же в поиске прототипов opus spicatum.

Заметное распространение «ёлочки» на Тамани и в Крыму *совпало* с болгаро-хазарской экспансией, а не было её следствием. Но важно другое — в обширном бассейне Дона жилищ с основанием из сложенных в «ёлочку» камней пока не обнаружено. Нет их в Саркеле, нет на Правобережном Цимлянском городище. В низовьях Дона, практически в Приазовье, в последние годы исследуется поселение Золотые Горки с каменными постройками, но *без* применения кладки «ёлочка» (Ключников В.В., Иванов А.А. 2004). Об активных связях населения Золотых Горок с Северным Причерноморьем свидетельствует доля амфор среди керамических фрагментов — 43%.

Всё это не согласуется с версией С.А. Плетнёвой о связи «ёлочки» непременно с хазарами, а точнее, с носителями салтово-маяцкой культуры, какими являлись и болгары. Есть упоминание жилища с основанием, сложенным в «ёлочку» без связующего раствора из раскопок С.А. Семёнова-Зусера в Верхнем Салтове (Колода, 1999*а*. С. 70). Публикации самого жилища я не обнаружил. Эта находка, даже если она достоверна, не меняет общей картины.

То, что способ кладки в «ёлочку» — *opus spicatum* появляется в Крыму не в хазарское время, а с первых веков новой эры, показал С.Б. Сорочан: «Другое дело, что с VIII в. он получил новый импульс к своему распространению… работали в этой технике как тюркские, булгарские элементы, так и ромейские, византинизированные обитатели региона…» (Сорочан. 2004*б*. С. 148). Эта точка зрения автора заслуживает внимания, как и то, что место и влияние салтово-маяцкой культуры в этих регионах требуют пересмотра. Целесообразно введение в хазароведческую литературу наряду с «ёлочкой» латинского термина *«opus spicatum»*.

Статья С.Б. Сорочана при всей её значимости не снимает ряда проблем. Так, остаётся вопрос о причинах заметного распространения «елочки» в «хазарское» время в сравнении с предшествующим, о чём свидетельствуют наблюдения И.А. Баранова на поселении Тау-Кипчак в Крыму (Баранов И.А. 1990. С. 45), С.А. Плетнёвой и В.Н. Чхаидзе в Фанагории. То же самое в VIII–IX вв. происходит на Таманском городище. «Именно с этого времени на городище “ёлочка” становится устойчивым строительным приёмом» (Чхаидзе В.Н. 2004). В Фанагории же кладка opus spicatum появляется даже в VI в.

Эти наблюдения требуют иной постановки вопроса: *так ли уж прямолинейна связь между трансформацией в строитель-*

ном деле, с одной стороны, и изменениями политической ситуации и появлением новых этнических групп в рассматриваемом регионе, с другой? Она совершенно не очевидна.

В целом же становится ясным, что необходимо различать два аспекта проблемы: время появления opus spicatum в Северном Причерноморье и интенсивность использования этого приёма на разных этапах истории местных центров. О том, что opus spicatum появляется в культурной среде явного салтово-маяцкого облика, свидетельствует его применение в жилищах поселения Героевка. Судя по публикациям его исследователя А.В. Гадло, в жилищах на поселении этот тип кладки не превалировал: «Очень интересно для этнографической характеристики поселения сочетание крайне *неустойчивого облика жилищ* и исключительного однообразия формы основного очага внутри них». Симптоматичен общий вывод А.В. Гадло по итогам раскопок: «…Тип жилых построек и планировка поселений, соответствующие античному способу производства и организации общества, резко противоречили их социально-экономическому укладу и традиционным условиям быта» (Гадло А.В. 1969. С. 168). Что же касается отмеченного А.В. Гадло в предшествующей публикации доминирования в культуре поселения привнесённых поселенцами с Подонья и Северного Кавказа компонентов, то это относится к керамическому комплексу, но не к типам жилищ (Гадло А.В. 1968. С. 84).

Кладки «ёлочкой» в памятниках Дагестана необходимо рассматривать отдельно от центров Тамани и Крыма. Неясна и связь этого строительного приёма с появлением в Дагестане хазар. На сегодня жилища с основанием из окатанных плоских камней, сложенных «елочкой», известны на Верхне-Чир-Юртовском поселении по раскопкам М.Г. Магомедова. Он же упоминает «многокамерные жилища из плитняка и укладку булыжника “ёлочкой” в нижних ярусах стен» на Сигитминском городище и Миатлинском поселении и «других» (Магомедов М.Г., 1983. С. 150, 152). В очередной раз отмечу, что относить жилища Чир-Юрта к юртообразным нельзя. Скруглённость их углов — необходимость, обусловленная строительным материалом и самой системой кладки, а не признак юртообразности. Нельзя забывать и о том, что на Северном Кавказе строительство кладкой «ёлочка» распространено и много позднее, вплоть до современности, у

самых разных народов. Не в последнюю очередь это связано, на мой взгляд, с наличием в долинах горных рек пригодного для этой кладки строительного материала — плоских окатанных камней.

В завершение несколько отвлекшего от основной темы экскурса в проблемы сырцово-кирпичного строительства и кладки opus spicatum («ёлочки», или «колоска») отмечу, что они остаются дискуссионными. Необходимы картографирование соответствующих памятников и разработка хронологической шкалы как типов кирпичей (чем сейчас занят автор данной статьи), так и памятников с кладкой opus spicatum. Особого внимания заслуживают случаи совмещения в одном объекте фортификации кладки opus spicatum с иными видами кладки, как это имеет место в припортовой части Сугдеи: в квадратном оборонительном сооружении и в ранневизантийской башне, датируемыми разными авторами в интервале от начала VI в. до середины VII в. (Джанов А.В. 2004. С. 53–54, 67, 68; Майко В.В. 2007. С. 167,169).

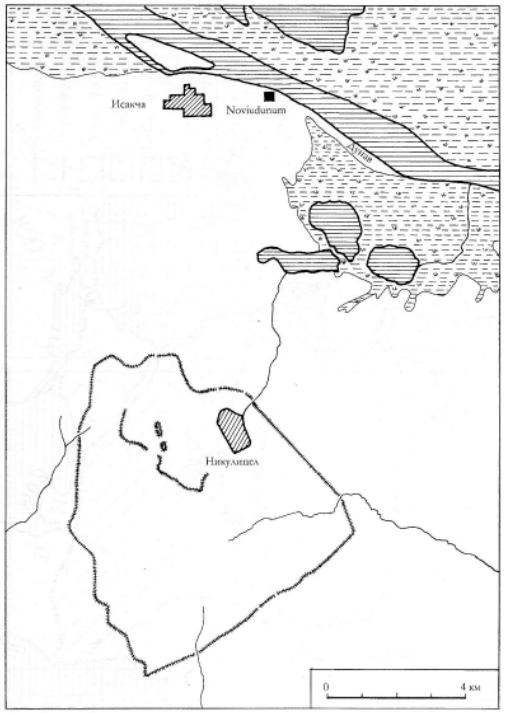
На примере кирпичей и «opus spicatum» я попытался показать, что на Таманском городище затруднительно установить собственно хазарский вклад в строительные технологии города Таматархи и правомерность включения её в число «хазарских городов».

Совершенно та же проблема критически рассмотрена в отношении следующего этапа в жизни города, когда он стал Тмутараканью. В.Н. Чхаидзе сформулировал её совершенно определённо: «...являлся ли город русским по составу населения, *возможно ли вообще говорить о “русской” Тмутаракани?*!» Ответ отрицательный (Чхаидзе В.Н. 2006. С. 158–159).

Лагер и аул

В разработке проблемы «города Хазарии» целесообразно учесть опыт, накопленный в историко-археологической литературе Болгарии, и хотя бы ознакомиться с терминологией, которой пользуются болгарские коллеги для обозначения разного типа военно-опорных пунктов, укреплений, крепостей. Квалифицируются ли самые большие среди них как города? Нас, конечно, более всего в этом плане интересовала первая болгарская столица *Плиска* как аналог хазарской столицы Итиля (Рашев Р., Димитров Я. 1999). Не меньший интерес может представлять *Преслав*.

Обращение к Первому Болгарскому царству объяснимо. Два государства с родственными культурами возникли и развивались одновременно. Но можно было ожидать, что в возникшем на базе античного греческого и римско-византийского наследия и при соседстве, постоянных контактах и даже попытках соперничества с Византией в Болгарском царстве тенденция к возникновению городов проявится в большей степени, нежели в Хазарском каганате. Оказалось, что при том, что Болгарское царство во всех отношениях безусловно достигло более высоких ступеней развития, в том числе в фортификации, нежели Хазарский каганат, проблема «города» не решена для него однозначно, хотя и не стоит столь искусственно обострённо, как в российской археологической библиографии. Именно поэтому обращение к болгарскому материалу может оказаться полезным. В целом сравнительное изучение болгарских и хазарских крепостей требует большого монографического исследования. Я же вновь затрону прежде всего терминологию и кроющиеся за ней археологические реалии. Мой первый подход к этому (Флёров В.С. 2005. С. 342–344) требует коррекции и дополнения. Тогда меня заинтересовало сравнение Плиски и Итиля болгарским культурологом Цв. Степановым, в связи с чем я упоминал



Илл. 33. Никулец, план Х. и К. Шкорпил, 1918 г. (по: Рашев Р. 2008).

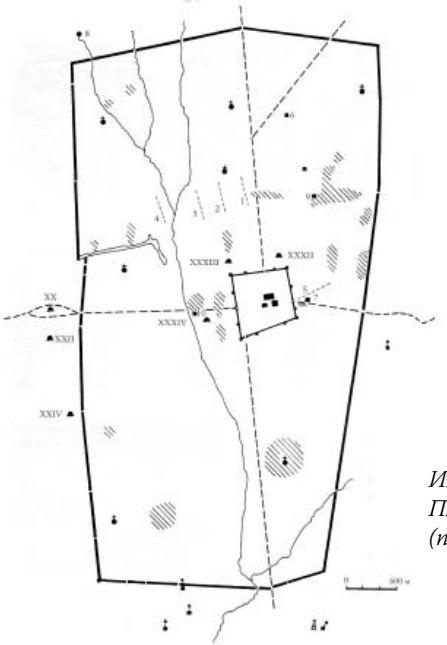
лишь один термин по известной Чаталарской надписи (надпись № 57) — *стан, военный лагерь* или kanpon/campus (Бешевлиев В. 1979. С. 200, 201). Этого оказалось явно недостаточно.

В археологической болгарской литературе тема крепостей, естественно, более разработана, чем в культурологии, тем более этапы сложения оборонительной системы Первого Болгарского царства. В данной небольшой работе детальный обзор невозможен. Я воспользуюсь преимущественно исследованиями одного из крупнейших болгарских специалистов в области древней (старой) болгарской фортификации Рашо Рашева, подразделившего оборонительные сооружения на три вида — *валы, лагери* и *аулы* (Рашев Р. 1982), но валы в данном случае рассматриваться не будут. Они не имеют прямого отношения к теме, а в каганате их сравнивать не с чем — этот вид оборонительных сооружений там неизвестен.

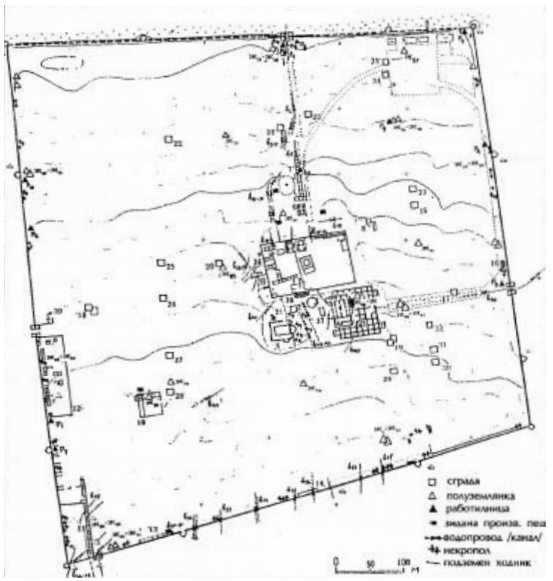
***Лагери** — земляные укрепления.* Первоначально появляются как укрепления вдоль длинных валов, а затем и не связанные с

ними. Подавляющее большинство лагерей имеет прямоугольный (в т.ч. квадратный) план или тяготеет к нему. *Лагер* (сохраним болгарское написание) — по своему назначению в первую очередь крепость, *земляная крепость,* образованная замкнутым периметром вала. Крупнейший, но почти не исследованный земляной лагер — Никулец площадью 48,3 (!) кв. км с рядом внутренних укреплений (рис. 33). Упоминаю Никулец только для того, чтобы напомнить масштабы староболгарского земляного оборонительного строительства. Значительно больше нас интересует ранняя Плиска — так называемый Внешний город близких к прямоугольным удлинённых очертаний площадью почти в 23 кв. км, обнесенный валом и рвом. «Общепринятая», как подметил Р. Рашев, дата основания лагеря Плиска — конец VII–VIII в. — на археологическом материале пока не уточнена. Множество лагерей, однако, имеют небольшие размеры, со сторонами в несколько сот или десятков метров. В целом они вместе с длинными валами образовывали первую древнеболгарскую *оборонительную систему*, которая постепенно теряет своё значение с появлением с начала IX в. каменных (из блоков) крепостей-аулов. Трактовка даже самых больших из лагерей как городов, прежде всего Плиски, исключена.

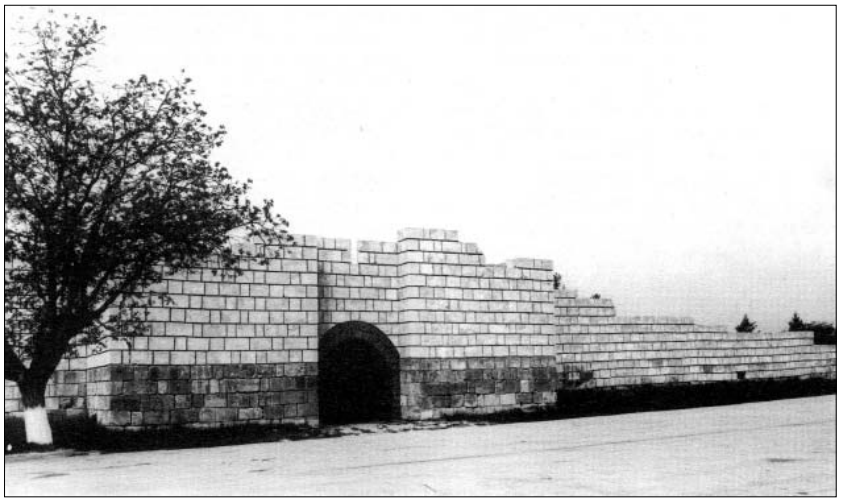
Специально подчеркну следующее. В архитектурном плане староболгарские лагери ни в коем случае не следует отождествлять с салтово-маяцкими земляными городищами, большинство из которых являются мысовыми и отражают совершенно иную строительную традицию. Прямоугольные земляные городища в каганате неизвестны. Р. Рашев, обращаясь к Подонью, специально подчеркивал, что первые земляные укрепления у разных народов появляются спонтанно в определенный исторический момент. В равной степени он исключает связь земляного староболгарского строительства с Северным Кавказом, где распространено строительство из сырцового кирпича (Шелковское и др. — *В.Ф.*), но нет хазарских крепостей из валов, нет ничего подобного упомянутому Никулецкому лагерю (Рашев Р. 1982. С. 124, 125). Добавлю, нет и напоминающего земляной Плисковский лагерь с его правильным планом. Неизвестны на Северном Кавказе прямоугольные крепости сарматского и раннеаланского времени (ср.: Брут, Зилги).



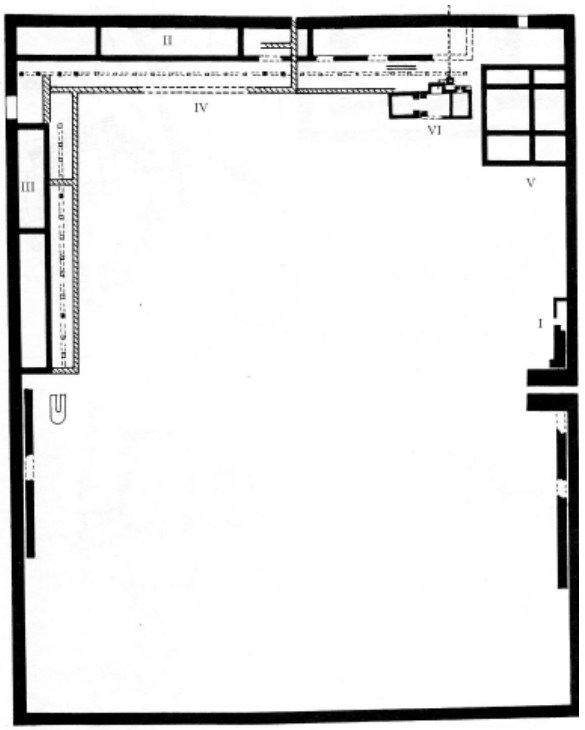
Илл. 34.
Плиска. Общий план
(по: Рашев Р. 2008)



Илл. 35. Плиска. Внутренний город (по: Рашев Р., Димитров Я. 1999)



Илл. 36. Плиска. Восточные ворота, частичная реконструкция (по: Рашев Р. 2008)



Илл. 37. Хан Крум, каменная крепость (по: Балабанов Т. 2004 и Рашев Р. 2008)

***Аулы** — каменные крепости.* Используя исследования В. Тъпковой-Заимовой, И. Венедиктова, Ст. Ваклинова, Дм. Овчарова, Р. Рашев констатирует: «Поставленный и рассмотренный в нашей литературе ещё в 50-е гг. вопрос об интерпретации греческого понятия «аул» получил удовлетворительное разрешение». Далее Р. Рашев даёт следующее определение: «Староболгарский аул не только дворец, двор, комплекс дворцовых строений различного предназначения, но *прежде всего укреплённый* дворец. Ограждение собственно резиденции хана крепостной стеной — самый характерный признак аула. Первый среди аулов — столичная *Плиска*, её каменный Внутренний город (рис. 34, 35, 36). Он отличается от прочих значительными размерами охваченной стенами площади, сложной планировкой внутри и подземными ходами сообщения, ведущими за пределы крепостных стен». Что касается стен, то для староболгарских аулов типично возведение их из хорошо обработанных блоков (средние размеры 80 : 40 : 40 см) на фундаменте. Характеристика аула, по Р. Рашеву, с точки зрения археологической классификации достаточно ясна и недвусмысленна*. Кроме Плиски аулами являются Преслав, крепо-

* Впервые *«аул»* упомянут Феофаном Исповедником под 764 г. В греческом языке, по В. Бешевлиеву, *«аул»* означает *дом, жилище, дворец знатного лица.* В словаре классического греческого языка — «дворец», «двор», от царского до скотного. По вопросу происхождения слова «аул» существуют разные точки зрения (Ст. Станилов, 1984. С. 103, 104), однако «аул» и «лагер» интересуют меня не с семантической точки зрения, а как уже устоявшийся *археологический* термин с определенным содержанием. Я следую за *археологической* классификацией Р. Рашева. Ст. Станилов полагал, возражая Ст.Михайлову, что «аул» у византийских авторов не всегда дворец с каменным укреплением. Ни в коей мере не пытаясь вмешиваться в дискуссию болгарских ученых, рискну высказать предположение, что некоторая путаница и противоречия происходят из-за того, что в разное время или у разных авторов ряд крепостей, особенно Плиска, могли называться и лагерем и аулом, ведь и те и другие — крепости, укрепления. Позволю, однако, возразить против обращения некоторых болгарских авторов, в т.ч. Ст. Станилова, к иной категории, социальной — азиатскому «аилу» и его стойбищу, которое они образовывали, и привлечению «аила» к решению проблем трактовки «аула» Первого Болгарского царства. В частности, неприемлемо, на мой взгляд, применять к Плиске определения равно и аил, и аул, как это предлагает Ст. Станилов (Там же. С. 105). В археологическом отношении от стойбища остаётся то, что в российской археологии называют «кочевьем» или «открытым поселе-

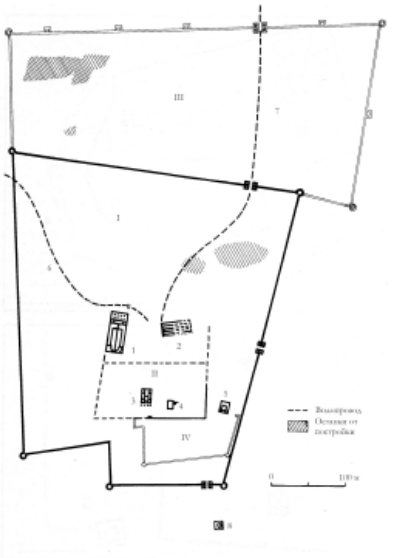
сти Хан Крум (рис. 37), на острове Пъкуюл-луй-Соаре, у с. Слон в Карпатах». Упоминаются как возможные аулы крепости в Оряхово, Видин, Доросторуме (Рашев Р. 1982. С. 126).

Итак, нетрудно заметить, что такой признак *аула,* как дворец в окружении оборонительной стены, более напоминает описание дворцового комплекса Итиля. Примечательно, что так называемый Малый дворец в Плиске был окружён кирпичной стеной, но на каменной основе. В то же время весь Итиль с его округой периметром в несколько фарсахов сравним в социально-экономическом отношении с Плиской — *лагерем.*

Ещё в большей степени, причём стадиально, Итиль можно сравнивать с докаменной Плиской периода деревянных укреплений, к которому Р. Рашев относил деревянные «представительские юрты» (Рашев Р. 2001. С. 134, 135; Рашев Р. 2008. С. 63, рис 19; табл. XIII–XVI). Полагаю, вполне оправданно отмеченное в статье упоминавшегося Цветелина Степанова предположение о том, что сохранение традиций «номадского/полуномадского стиля жизни» у владетелей Плиски было то же, что и у хазарских каганов в Итиле, и на этом основании сопоставившего планировочную концепцию Плиски и Итиля в описании Иосифа. Имеется в виду так называемое *полюдье,* то есть сбор дани с населения домена, а отнюдь не «доказательство за номадизъм» (Степанов Ц. 2002. С. 29). На такое же полюдье мог ходить владетель любой крепости, отнюдь не только в собственных интересах, но для сбора натуральных продуктов для своего войска. Такой способ обеспечения довольно примитивен и вполне соответствует лишь «зачаткам» не только городской жизни, но и государственности, когда фискальный аппарат ещё не создан. Полюдье, как способ отчуждения прибавочного продукта, по своду сведений Ю.М. Кобищанова, имел «почти глобальное распространение» (1987. С. 136; 1995). Ранее сюжет с параллелью Плиски и Итиля в связи с письмом Иосифа рассматривал Ст. Станилов (Станилов Ст. 1984. С 105).

нием», т.е. неукрепленным, которым соответствуют болгарские «селища». Термин, известный также в русской археологии.

Р. Рашев, рассматривая различные типы праболгарской фортификации, дал следующее определение аула: «Характерная черта укреплений аула — сооружение крепостных стен из выделанных в форме параллелепипедов или кубов каменных блоков» (Рашев Р. 2008. С. 121). Другое дело — социально-экономический облик аула.



Илл. 38.
Преслав
(по: Рашев Р. 2008)

При том что в болгарской археологической литературе принято называть пространство между валами и каменными стенами Плиски Внешним *городом,* а каменную крепость-аул — Внутренним «городом», это не более чем дань традиции. Вопрос о столице Первого Болгарского царства Плиске как о городе в социально-экономическом смысле не стоит.

Сущность и происхождение каменного строительства в Болгарии весьма объективно изложены Стаменом Михайловым: «В отличие от более позднего болгарского средневекового города, каким, например, является Тырново, город раннего средневековья, совпадающего с эпохой Первого Болгарского царства, это прежде всего *сильно укреплённый пункт,* который в фортификационном и градоустроительном отношениях стоит гораздо *ближе к настоящей крепости, чем к городу в средневековом смысле этого слова.* Такой характер имел столичный центр *Плиска,* который не случайно в источниках той эпохи — имеем в виду Чаталарскую надпись, назван καvπον, который может быть сравним с латинским castrum» (Михайлов Ст. 1983. С. 189). Определение Ст. Михайлова в комментарии не нуждается, но обращу внимание на определение *«пункт».* Не напоминает ли оно по своей нейтральности столь же нейтральное определение Итиля Б.Н. Заходером как «значительного населённого места».

Ст. Михайлов своей характеристикой Плиски дал прекрасный пример российским археологам и особенно историкам, сплошь и рядом походя пишущим о «городах Хазарии».

Преслав (рис. 38) — ханский аул, выросший во вторую болгарскую столицу после расширения ранней малой крепости-*аула* и сооружения внешней крепостной стены, в результате чего малая крепость начинает играть роль цитадели. Сравнивая Плиску и Преслав, Дм. Овчаров дал Преславу весьма субъективную характеристику. Он полагал, что существенные различия фортификации обоих центров связаны не только с развитием военной мысли и техники, но отражают более высокую стадию общественно-экономического развития к середине X в., накануне византийского завоевания, когда Преслав приобретает облик феодального города, оформляется как первостепенный культурный и религиозный центр, сосредоточивший наиболее значительные церкви и монастыри. Большая роль в развитии экономики Преслава принадлежала центральной власти. Одновременно Преслав оставался военно-административным центром. Особенно ярко это проявилось во времена царя Симеона (Овчаров Дм. 1981. С. 85–87). Из перечисленного я особо отмечу роль христианской церкви и её союза с центральной властью, но это лишний раз подчеркивает превалирование административной и культовой функции Преслава. Следует признать, что аналогичных явлений в Хазарском каганате не отмечается, как и консолидации вокруг новой религии — иудаизма. И всё-таки, при всей значимости Преслава, я бы назвал его городом в стадии формирования. Хотя бы по причине отсутствия уличной или квартальной планировки. Как крепость он, пожалуй, не очень существенно отличается от Плиски. Дм. Овчаров явно преувеличил развитие военной мысли и техники. Выше я приводил более строгую оценку Преслава Р. Рашевым, не отрицавшим его административно-культовое назначение, но в целом оценившим его как *земледельческий центр* (Рашев Р. 2008. С. 132).

Но вернёмся к сравнению языческой Плиски и Итиля. Археологически план Итиля нам неизвестен, однако известен план Плиски, которую даже после формирования всего каменного строительного комплекса ещё трудно назвать в полном смысле слова городом. Это административный и политический центр государства с дворцовыми, культовыми и подсобными зданиями

и сооружениями (бани, водохранилища) (Рашев Р., Димитров Я. 1999). Таким же не только административно-политическим, но и религиозным, христианским центром, *столичным аулом* позднее станет Преслав (Рашев Р. 2007. С. 15).

Судя по общей картине крепостного строительства в Хазарии, белокаменного и кирпичного, есть все основания сомневаться, что Итиль выглядел столь же грандиозно, как Плиска. Тем более это позволяет определять не только Итиль, но и любой крупный центр Хазарии не как город, но стан, лагер или аул с учетом особенностей технологий крепостного строительства в Хазарии. Надо полагать, соответствия этим терминам имелись в языках Хазарии, иранских и тюркских. Но их выявление — это уже дело лингвистов. Определение «лагерь» применил к Итилю более четверти века назад А.В. Гадло, не упоминая Чаталарскую надпись и Плиску. Так что мне выпало лишь присоединиться к заключению А.В. Гадло о том, что Итиль «представляется не обычным городом, а скорее *большим лагерем*» (1979. С. 176).

Термин «аул» приложим и к Семикаракорской крепости с цитаделью, содержавшей кирпичную застройку, и к Хумаре с её мощной цитаделью. Хумара, стоящая на р. Кубань, — единственная в Центральном Предкавказье крепость, имевшая не местное, но государственное стратегическое значение.

Несмотря на каменные (не земляные) стены, исключительно по функциям «лагерями» были Маяцкая, Верхне-Ольшанская и Верхне-Салтовская крепости, не имевшие фундаментальных строений типа «дворцов», но выполнявшие функции *крепостей-убежищ.* Убежищами они были по существу, в отличие от плотно застроенной Правобережной Цимлянской крепости. Но и последняя при необходимости могла принять на короткое время (проблема запаса продуктов и воды) часть окрестного населения. Цимлянскую крепость с её сложной внутренней планировкой можно отнести уже к аулам.

Не берусь пока определять назначение таких больших поселений с валами, как Сидоровское городище. Надо учитывать, что валы более архаичный тип фортификации, нежели каменные с регулярной кладкой или кирпичные стены. Вопрос о них — тема большого исследования, для которого они пока ещё мало изучены. Я думаю, было бы небезынтересно сравнить большие салтово-маяцкие городища с городищами Скифии, особенно та-

ким, как Бельское. Последнее рассматривается как *город* Гелон уже не только благодаря известию Геродота, но и по попытке социологического анализа, реконструкции застройки с улицами, переулками, площадями (Бойко Ю.Н. 1994). Такое сравнение будет полезно и скифологам, тем более что речь идет об одной природно-географической зоне.

Сложнее обстоит дело с крупными городищами Дагестана типа Андрей-аульского ввиду незначительности раскопок на них. Надо учитывать, что они сохраняли «дохазарскую» планировку.

Вероятно, к типу «лагерей» регионального значения можно отнести знаменитое прямоугольное Шелковское городище со стенами из глинобита и сырцовых кирпичей, но оно не исследовано. Что в нём находилось, мы не знаем. Об упоминаемой его цитадели ничего не известно, а говорить о нём как о «складывающемся крупном политическом и административном центре» (Магомедов М.Г. 1983. С. 44) нет ни малейших археологических оснований из-за «слабой выраженности культурного слоя» (Там же. С. 41). Менее всего можно представить, что в его центре располагалась «большая базарная площадь» (Плетнёва С.А. 2002. С. 114). Недавно опубликован уточнённый план Шелковского городища. В центре обозначено небольшое квадратное всхолмление, но раскопки на нём не производились (Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н. 2003).

Предлагая использовать терминологию болгарских коллег, я прекрасно понимаю, что это не снимает проблему. Но эти термины все же ближе к тому, что археология знает о городищах каганата, нежели всеобъемлющее название «*город*». Действительно, если ориентироваться на Плиску, то **земляной лагерь**/стан/κάνπον/kanpon/campus, а позже **каменный аул** характеризуются наличием мощной оборонительной системы при складывавшейся без определённого плана, без размеченной системы улиц, нерегулярной внутренней застройке, включая и сооружения для знати и культовые. Что касается хозяйства, то оно мало отличалось от хозяйства любого поселения. Его нельзя назвать специфически городским, дававшим ремесленную продукцию, которую село не производило или производило на более низком технологическом уровне.

Термины «лагер-кампос» и «аул» зафиксированы византийскими письменными источниками в приложении к болгарским

крепостям и праболгарскими надписями. Но как непосредственно называли современники Плиску и Преслав? Городами, столицами или как-то по-иному? Обратимся к собранным воедино Р. Рашевым некоторым сведениям.

В связи с тем, что книга Р. Рашева вряд ли будет доступна большинству российских читателей, предлагаю некоторые выписки в моём, достаточно вольном, переводе. «Известно, что до XI в. имя Преслав не известно в собственно болгарских письменных источниках. Ни один из современников-писателей («книжовницы») Симеона (893–927) не употребил это имя в своих сочинениях. Иоанн Экзарх называл столицу "***княжеский двор***", а центральную часть с дворцовым комплексом — "***дворец***". Впервые упоминание формы "Преслав" появляется у Константина Багрянородного, позднее — у Льва Диакона и ещё позднее в Болгарской апокрифической летописи. Трудно дать иное объяснение этому, кроме как существование характерного для того времени обычая заменять имена важных центров (столиц) описательными формулами или характерными географическими (топографическими) и архитектурно-градостроительными примечательными особенностями. Феофан передаёт эпизод с приглашением Кардаму напасть на Константинополь в выражении "*пойди к* ***Златым вратам***". В начале IX в. болгарская столица называлась "***аул Крума***". В Чаталарской надписи… болгарская столица обозначена как "***кампост у Плиски***", а новая — "***аул на Тиче***"; в Тырновской надписи столица названа "***старый дом***" [Плиска], построенная новая — "***преславный дом на Дунае***". Название Плиска появляется первый раз у Льва Диакона вместе с именем Преслав. Даже при упоминании такого важного акта, как приём учеников в Плиске, пространное Житие Климента Охридского удовлетворяется сообщением, что те прибыли "***к Борису***"». В заключение Р. Рашев отмечает, что выражение «***устье Тичи***» при наличии вышеперечисленных примеров вполне вписывается в устойчивую практику и может быть принято в качестве заместителя собственного имени города Преслава (Рашев Р. 2007. С. 20).

Итак, мы имеем следующие типы обозначения болгарских столиц:

1) местопребывание владетеля — «княжеский двор»;

2) наиболее значимый архитектурный признак — «дворец»; «Золотые ворота»;

3) отражение очерёдности возникновения, основания, преемственности — «старый дом»;

4) в форме знаковой характеристики — «преславный дом»;

5) указание на крепость, укрепления — «аул», «кампост»;

6) географический — «на Дунае»; «в устье Тичи»;

7) как общее явление отметим употребление усложнённых конструкций, совмещающих два признака: «аул Крума» (тип крепости плюс имя владетеля), «преславный дом на Дунае» (указание на престижность, значимость пункта плюс географический признак);

8) наконец, особое внимание обратим на замещение имени пункта или описания его признаков собственным именем владетеля «Крум», «Борис»; постоянное местопребывание кана, князя, царя в раннее средневековье, по сути, идентично столице; где престол — там столица (сравним: «первопрестольная», заменяющая менее значимое «Москва»).

Допускаю, что обозначения крупных населённых мест, крепостей Хазарского каганата были идентичны практиковавшимся в Болгарском царстве. Собственно, название «Саркел» не более чем признак крепости по архитектурному признаку — «жёлтый дом». Название ставки каганата построено на географической основе, по названию реки — Итиль–Волга. Не важно былое название, важно было знать, ***где*** она находится и кому в данный момент принадлежит.

Итак, примеры из Первого Болгарского царства и два из самой Хазарии вынуждают выдвинуть предположение: термин «город» в каганате просто не был в ходу, не был затребован, в нём не было необходимости.

Старые и новые проблемы

На сегодняшний день из археологически известных в бассейне Дона и в Центральном Предкавказье крепостей ни одна не может быть определена как город ни в архитектурно-планировочном отношении по данным археологии, ни в социально-экономическом. О последнем мы вообще мало что знаем. Далека от разрешения ситуация с городищами Дагестана.

Полагаю, во взаимопонимании археологов ничего не изменится, если вместо «город Итиль» будем употреблять «Итиль», избегая до времени всяких социологических определений.

Неприменим термин «город» и к памятникам, которые сами исследователи пытаются такими сделать, хотя они не раскапывались, раскапывались в ограниченных масштабах или даже не найдены. Последнее относится, в частности, к Семендеру.

Есть иная проблема. Какие вербальные возможности в обиходе хазар (другого населения каганата) существовали для обозначения поселения, крепости и города, пусть даже не своего, а византийского? **Что подразумевало само население каганата под своим «городом»,** если вообще идентичное понятие имелось в его языковом обиходе? Как крупные заселённые места определяли в верхах каганата? Постановку таких вопросов я не встречал (возможно, пропустил) в современной отечественной хазароведческой литературе, что связано с отсутствием текстов из самой Хазарии, исключая хазаро-еврейскую переписку. Несомненно, защищённость поселения, особенно наличие каменных и кирпичных фортификационных сооружений, непременно отражалась в лексике, так как это имело большое практическое значение. Но что касается градации в нашем современном социологическом понимании всех населённых мест, то это вряд ли занимало население каганата. Жилища и планировка поселений каганата мало различались. Занятия же сельским хозяйством, скотоводством или/и земледелием было непременным услови-

ем существования любого поселения. Исключения были допустимы лишь для отдельных категорий населения, вряд ли были распространены и имели постоянный характер. Даже такие требующие высокой квалификации специалисты, как оружейники и ювелиры, не были полностью в мирное время свободны от земледелия и животноводства (сужу по этнографическим данным).

Придётся обратиться за параллелями в иные эпохи, к нескольким весьма поучительным примерам в порядке хронологии.

Пример первый. «В шумерской и аккадской терминологии не делается никакого различия в словах, определяющих поселения различного размера; селение и город называются одинаково (*uru* — по-шумерски и *alu* — по-аккадски*).* Эти термины применяются к любому постоянному поселению, состоящему из домов, построенных из необожжённого кирпича, а иногда даже и к скоплению хижин и других видов жилищ, образующих административную единицу. … Окружающая стена, как правило, существовала, но не была обязательной. В этом *uru* имел сходство с полисом, который тоже не обязательно окружался стеной» (Оппенхейм А. 1980. С. 115).

Второй пример можно назвать общезначимым, классическим. Греческий библеист Н. Василиадис обратил внимание на известное место из Ветхого Завета о Каине: «И построил он *город*; и назвал город по имени своего сына Енох» (Быт. 4, 17). Н. Василиадис дал к нему следующий комментарий: «Под словом “город”, конечно, не следует понимать то, что называется сегодня. Оно означает место постоянного пребывания Каина и его семьи. Каин обитал по большей части в хижинах, а не кочевал с места на место» (Василиадис Н. 2003. С. 14). Примечательна объективность замечания Василиадиса — он совсем не занимался собственно проблемой города.

Более исторично следующее из описания Нижней Галилеи Иосифом Флавием: «…очень плодородна, изобилует пастбищами, богато насаждена разного рода деревьями и своим богатством поощряет на труд самого ленивого пахаря. Немудрено поэтому, что вся страна сильно заселена; ни одна частица не остаётся незанятой; скорее она чересчур даже пестрит *городами*, и население в деревнях, вследствие изумительного плодородия почвы, также везде до того многочисленно, что в самой незначительной *деревне* числится свыше 15 000 жителей» (Иосиф Флавий. Кн. 3: гл. 3: 2). Не трудно заметить, что выражение «пестрит городами» связано у Иосифа исключительно с сельским хозяйством. Что касается «пятнадцати тысяч» в «незначительной деревне», то это лишь указывает на то, что он, как и его современники, не видел различия между деревнями и городами современной Палестины. Учтём, конечно, что И. Флавий был весьма склонен к преувеличениям в числах, но разделить 240 (по его данным) городов и деревень Галилеи на те и другие при занятии жителей преимущественно сельским хозяйством было действительно трудно. Полагаю, что к городам должны были причисляться поселения с укреплениями, но и их население жило сельским хозяйством. Основание к такому заключению даёт следующий фрагмент, посвящённый Гисхале (Галилея), которую он называет то «городком», то «городом», имевшим оборонительную стену. Тем не менее: «Население её… большей частью состояло из земледельцев, все помыслы которых сосредотачивались постоянно на урожае…» (Там же. Кн. 4, гл. 2:1).

Иная картина рисуется из византийской истории VI в., т.е. уже современной началу истории хазарской. В описании строительной деятельности Юстиниана I Прокопий Кесарийский в труде «О постройках» (Прокопий, 1996) успешно для своего времени решает проблему «город / негород».

- «18. В этой Евфратесии (Месопотамия. — *В.Ф.*) лежали и некоторые другие *местечки*, например Зевгма и Неокесария; они могли называться *городками только по имени,* будучи окружены стенами вроде какой-то колючки… 20. Так вот император Юстиниан окружил эти города настоящими стенами, имеющими достаточную высоту и толщину; укрепил их и другими приспособлениями. Таким образом, он сделал то, что они по справедливости могли теперь *называться городами*…» (Кн.II: *IX,* 18, 20). Усиление обороноспособности подняло в глазах современника терминологический статус крепости. Вот другие аналогичные примеры.

- Область Родопы. «7. Среди страны был *посёлок* Беллур, в силу своего богатства и по многочисленности населения *равный* городу; но вследствие того, что он был совершенно лишен укреплений, он всегда представлял лёгкую и завидную добычу для варваров, испытывая одинаковую судьбу с многочисленными полями, лежавшими вокруг него. 8. Наш император обращает

его в *город*, окружает стенами…» (Кн. IV: *XI,* 7, 8). История та же, появление укреплений делает поселок городом, но перестали ли жители распахивать соседние поля?

- «1. Есть город в Вифании, носящий имя Елены, матери императора Константина. …Вначале это был *ничтожный посёлок*. 2. Воздавая ей славу, Константин одарил это *местечко* и именем матери и *достоинством города,* но не создал никаких великолепных памятников, достойных императорского имени: по своему внешнему виду продолжал оставаться всё тем же, украшаясь только *названием города…»* Далее идёт перечисление того, что построено в поселке Юстинианом, после чего последний стал *городом*: водопровод, общественные бани, храмы, дворец, галереи, присутственные места, мост через реку (Кн. V: *II*).

О Карфагене, отстроенном Юстинианом I и переименованном в Юстинианию: «...самый большой и самый замечательный из здешних городов». Таким он стал после того как: выстроены оборонительные стены, выкопан ров; построены два храма и монастырь-крепость, галереи на центральной площади, замечательные общественные бани (Кн. V: 1–8).

Из приведённых описаний хорошо видно, что Прокопий из Кесарии прекрасно для своего времени понимал, что *«город»* должен не только *званием* отличаться от негорода, местечка, городка. В самом простейшем случае город должен был иметь укрепления (стена, валы и др.), при этом Прокопий не отличает собственно город от крепости. Безусловными признаками города были для него здания присутственных мест, дворцы, системы водоснабжения, бани. В этом с ним нельзя не согласиться.

Однако вершиной его социального определения стало описание и характеристика отстроенного Юстинианом I в Бизакийской области Северной Африки местечка Капутдава. При строительстве укреплений был открыт источник, судя по описанию артезианский. «13. Желая отметить этот дар Божий… император Юстиниан… тотчас решил это *местечко* преобразовать в *город*, дать ему крепкие стены, всеми другими сооружениями придать ему важность, украсив, сделать его *богатым городом*. … 14. Воздвигалась… городская стена, и внезапно изменилась вся судьба округи. 15. ***Земледельцы, покинув свои плуги**, живут как граждане, применяя уже не деревенские обычаи, но* ***городской образ жизни.*** 16. *Они ежедневно посещают городскую площадь, ведут собрания и споры о собственных нуждах, для общих нужд* ***устраивают рынок*** *и совершают всё остальное, что служит достоинством для города»* (Кн. 6:VI, 13–16).

Полагаю, текст не требует детального комментирования. А вот данными, что жители Хазарии *покидали плуги,* мы как раз и не располагаем. Археология на сегодня показывает другое, равно как и то, что облик всех крупных поселений Хазарского каганата никак не свидетельствует о городском образе жизни.

Закончу несколько пространное обращение к градостроительству Византии, упомянув зафиксированный современными нам историками обратный процесс в следующие за Юстинианом века. С конца VIII в. начинается спад в экономике, выразившийся в *аграризации* городов, сокращении денежного обращения и торговли (Чичуров И.С. 1980. С. 10). Удивительно, как историки, разделённые более чем тысячелетием, определяют в системе одних признаков различия города и деревни.

Я не случайно столь подробно остановился на Прокопии Кесарийском. Из помещенных здесь отрывков, как и из всего сочинения в целом, видно, что в византийском обществе, точнее, в структурах гражданского и военного управления империей и у наиболее образованных его представителей, каким был Прокопий, сложилось вполне определённое и отвечающее текущим потребностям представление о том, что есть «*город»* и чем он отличается от крепостей, сёл, просто «местечек» и захолустных городков, т.е. негородов. Подчеркну, возникла *потребность* в понятии *«город».*

В методическом плане стоит учесть наблюдения С. Торбатова, проводившего анализ фортификационной терминологии поселений и крепостей III–VII вв. провинции Скифия на Нижнем Дунае и в Западном Причерноморье. «В той ситуации, когда отсутствуют определенные письменные указания, опыты типологического определения укрепленных объектов неизбежно носят отпечаток известной условности и неточности» (Торбатов С. 2002. С. 85).

Терминологическая проблема в византийской лексике также стоит в отношении укреплённых поселений Болгарии периода её вхождения в состав империи, что близко к проблематике «хазарских городов» (Миланова А. 2004). Терминология и классификация ранневизантийских крепостей и поселений были пред-

метом исследования В. Динчева, в котором он отделяет их от собственно городов, вводя вслед за G. Dagron`ом термины «полугородские поселения» площадью свыше 1 га и «укрепленные поселения» площадью до 1 га. Деление, безусловно, спорное, но заслуживающее внимания. Сам В.Динчев признаёт, что определение «укреплённое село» не совсем удачный термин (Динчев В. 2006. С. 9). Дело, впрочем, не в этом. Идёт поиск социально-экономической сути поселений разных видов, с разной архитектурой и фортификацией (или без неё) и, наконец, разного археологического облика.

Однако особое значение для нашей проблематики имеют труды *Рашо Рашева*. В концентрированном виде выводы о процессах становления ханских резиденций и градообразования он изложил в своём последнем капитальном исследовании в главе «Обитаемые места», преимущественно на примере Плиски, рассмотрев и проанализировав историю её возникновения, развития и, что особенно важно, функции этого одного из крупнейших «обитаемых мест» Первого Болгарского царства (2008). Рашев анализирует в равной степени терминологию (аул, лагер, кампос, город) и стоящие за ней реальности. Здесь же я должен подчеркнуть вводимый Рашевым обобщающий термин «обитаемые места». Действительно, далеко не всегда открытый в ходе раскопок или известный по письменным источникам пункт можно охарактеризовать в более определенных терминах и понятиях, не став на путь субъективизма за нехваткой информации (кочевье, селище, поселение, убежище, крепость, город). Заметим, термин Р. Рашева по созвучию и содержанию перекликается с термином Б.Н. Заходера «населённые места» (Заходер Б.Н. 1962. С. 172). Аналогичен по смыслу у Ст. Михайлова нейтральный термин «пункт».

Лексика, определяющая тип населённого пункта, города постоянная и важнейшая тема в исследованиях процессов урбанизации. Дело, понятно, не в лингвистических упражнениях, а в адекватном понимании источников, в том числе в сопряжении их с данными раскопок. Так, Н.В. Пигулевская обобщила достижения современной ей иранистики по серии терминов, включая «шахристан»=город. Обращу внимание на «рустак»=деревня, как противополагающийся «городу», «kanta»=стена (Самарканд=Мараканда) (Пигулевская Н.В. 1956. С. 169–172).

Терминология арабской лексики вновь рассмотрена О.Г. Большаковым: «В сведениях о событиях VII в. (время становления Хазарского каганата. — *В.Ф.*) употребляются два термина: *мадина и карйа:* первое, безусловно, “город”, второе географы X в. употребляли в смысле “селение”. Но в VII в., видимо, такого четкого разграничения не существовало. В некоторых случаях словом *карйа* обозначались, несомненно, города. … Этот разнобой в употреблении терминов, обозначающих различные типы поселений, прекрасно иллюстрирует Коран. В нём встречаются три термина: *мадина, карйа* и *балад*. …Особенно неясно значение слово *балад*» (Большаков О.Г. 2001. С. 48). Из приведённого обратим внимание на «разнобой».

Что касается соседней с каганатом Таврии, то приведу вывод А.В. Иванова: «Предпосылки к образованию городских поселений складываются только к рубежу IX–X вв., до этого времени единственным подлинным городским центром Юго-Западной и Южной Таврии оставался Херсон» (Иванов А.В. 2001. С. 97). Так обстояло дело на северной окраине Византийской империи. Для Византии это было едва ли не захолустье, а для каганата — земли соседней, более развитой во всех отношениях державы.

Из всего перечисленного и цитированного возникает вопрос: была ли в Хазарии *потребность* в дифференцировании терминов для определения поселений разного назначения, состава и занятий населения? Очень сомнительно. В названных в данной работе памятниках нет ни одного, который хоть в какой-то мере можно было сравнить даже с провинциальным византийским городом. На мой взгляд, это заставляет ещё более осторожно относиться к термину «*города* Хазарии». Однако не может возникать сомнений в том, что в Хазарском каганате существовали определённая традиция и повседневная практика в обозначении каждого долговременного поселения, а тем более крепости.

Один из предлагаемых выводов: **до накопления новых археологических данных, равно как и нарративных, до новых лингвистических исследований и открытий мы можем (должны) отказаться от термина «город» в приложении к памятникам Хазарского каганата.**

Для обширных археологических объектов имеющих или не имеющих оборонительные сооружения целесообразно придерживаться традиционных археологических терминов *«городи-*

ще», «поселение», в первую очередь для совершенно не исследованных или с незначительным процентом вскрытых площадей.

Вывод второй. По имеющимся на сегодня чрезвычайно скудным археологическим данным ни одно городище или конгломераты открытых поселений салтово-маяцкой культуры не позволяют определять их как «город» ни по одному из проявлений материальной культуры. **Чётко различимой дифференциации города и села в каганате археология не фиксирует.**

* * *

Не найдя среди поселений салтово-маяцкой культуры тех, которые с полной уверенностью можно было бы признать городами, я задался вопросом, *чем мотивировала свои построения о городах Хазарского каганата автор идеи о них С.А. Плетнёва.* Однако исследовательница сама даёт четкий ответ: «Соображения относительно существования степных городов и торгово-таможенных крепостей появились у меня в результате *невероятности отсутствия* (выделено мною. — *В. Ф.*) в такой обширной торговой державе, какой была Хазария, пунктов, организующих и объединяющих это громадное степное многоземелье» (Плетнёва С.А. 2002. С. 123). Надежда на существование хазарских городов подменила археологическую действительность. Неудивительно, что список хазарских городов в трудах автора систематически менялся.

Обратим внимание на совершенно устаревшие утверждения о Хазарии как преимущественно торговой державе (в чём-то напоминают характеристики Л.Н. Гумилёва), что и явилось основным постулатом С.А. Плетнёвой — «торгово-таможенные крепости». Надо в конце концов осознать, что роль торговли в Хазарском каганате была не больше, чем у любого современного ему государства, и не идёт ни в какое сравнение с торговой активностью Китая, Византии, Ирана и Арабского халифата, а затем отдельных халифатов. Более широко освещая роль торговли в Хазарском каганате в ряде исследований, В.Я. Петрухин пришёл к следующему заключению: «…Вопреки ставшим расхожими представлениям о главенстве “финансового капитала” в Хазарии, у нумизматов практически нет данных о денежном обращении в каганате; хазары чеканили собственные подражания арабским дирхемам, но клады серебряных монет на территории каганата единичны, особенно по сравнению с многими десятками кладов, содержавших сотни тысяч монет, на территории Руси (и связанной с ней Скандинавией)» (Петрухин В.Я. 2002. С. 308).

* * *

В любом научном исследовании есть проблема, которую я обозначу как «*подмена содержания феномена термином*». Вводя в хазароведение новый термин, исследователь поневоле, неосознанно оказывается у него в плену. Этот вопрос психологии научного творчества напрямую относится и к термину «город».

Вторая проблема отчасти также психологическая, но в большей степени методическая. Недостаток источников — для археологии это неполнота (часто низкое качество) раскопок и публикаций даже известных памятников — порождает стремление «восполнить» их всевозможными мнениями, предположениями, допущениями, гипотезами*. На собственной реконструкции Итиля я показал, насколько они бывают эфемерны.

Новый импульс в обсуждении проблемы города в Хазарском каганате могут дать только масштабные раскопки больших населённых пунктов. При существующем порядке, когда каждый археолог *индивидуально* ведёт маленькие раскопки «своего» памятника, надеяться на скорое накопление новых данных по структуре поселений салтово-маяцкой культуры не приходится. Выход есть: нескольким археологам объединить свой научный потенциал и финансы для комплексного исследования одного поселения. Не могу не отметить, что превалирующая в археологии практика единоличности в полевых исследованиях устарела, она непродуктивна, неизбежно ведёт к застою в методике

* По сути, об этом же в связи с другой тематикой с тревогой пишет С.Б. Сорочан: «…в ряде таких работ стал обнаруживаться опасный симптом, на который стоит обратить внимание. Развившись и выйдя из-под контроля, он может в будущем увлечь исследователей на шаткий путь домыслов, превращающихся в ходячие клише, навредить уже полученным результатам, посеять путаницу и заблуждения. Самое печальное в наблюдаемой тенденции — отказ от непреложных исторических, археологических фактов и стремление бездоказательно подогнать имеющиеся материалы к собственным выводам, которые далеко не безупречны и нередко не могут быть приняты даже в виде гипотезы, входя в противоречие с иными данными» (Сорочан С.Б. 2010. С. 225).

раскопок, препятствует обмену новыми методами и технологиями полевых исследований, в значительной мере тормозит теоретические разработки. Дополнительно поясню: речь идёт не о сосредоточении на одном памятнике нескольких «индивидуальных» экспедиций, а о работе по единой программе. Такой начавшийся, но незавершённый опыт имел место при раскопках Маяцкого археологического комплекса в 1975, 1977–1982 гг. Неудача состояла в том, что по окончании полевых исследований сотрудничество не продолжилось в главном — в обработке полученных материалов. Она опять пошла в «индивидуальном порядке», что свело сотрудничество в раскопках на нет. Что ж, это надо учесть и попытаться не повторить.

* * *

Затрону два вопроса, освещения которых в современной хазароведческой литературе найти не удалось.

1. В этих очерках я неоднократно упоминал города Византии и Халифата. Сделано это не случайно. Возможно ли сравнивать городища и большие неукреплённые поселения Хазарского каганата с настоящими в полном смысле этого понятия городами средневековых империй Балкан, Малой Азии, Ближнего и Среднего Востока? Думаю, не только возможно, но необходимо и неизбежно. Необходимо для того, чтобы опираться на определённые критерии в хазароведческих исследованиях. Изучение византийского и восточного города имеет давние традиции и большие достижения как в фактологической части, так и в теории (сетования историков исследователей городов Византии и Ближнего Востока на недостаток письменных и археологических источников у исследователей Хазарского каганата могут вызвать только улыбку: у хазароведов их ничтожно мало). Для Востока известна общая хронологическая канва политических событий (часто до дня и месяца), а история многих городов прослеживается столетиями. Лакуны в истории одних дополняются сведениями о других. Мало того, я полагаю, необходимо обращение к городам античным и эллинистическим.

С сожалением отмечу, что в работах археологов ссылки на исследования городов Ирана, Византии, Халифата редки до удивления. Исключения составляют исследователи хазарского пограничья — Крыма, значительно реже — Дагестана. Сложившуюся

ситуацию можно назвать хазароцентризмом, а было бы продуктивно *посмотреть на Хазарию со стен восточных городов.*

2. Об общей теории и методологии изучения города. Я не намеревался затрагивать эту бездонную проблему. Толчком послужило введение О.Г. Большакова к своей книге, из которого придётся сделать большую выписку: «Автор настоящей работы предложил вместе с В.А. Якобсоном определять город как населённый пункт, основной функцией которого является *концентрация и перераспределение прибавочного продукта*. Преимущество этого определения перед остальными состоит в том, что оно основывается на важнейшем понятии марксистской политэкономии, определяющем характер социально-экономических отношений всех классовых обществ, а следовательно, и всех сторон жизни города. В понятие «концентрация прибавочного продукта» входит сбор налогов, получение земельной ренты и излишка продукта, образующегося вследствие неэквивалентности товарообмена между городом и деревней...» (Большаков О.Г. 2001. С. 10). Да, вероятно, город можно рассматривать как центр сосредоточения прибавочного продукта и последующего его перераспределения. О.Г. Большаков не декларирует политэкономическую категорию К. Маркса, но в полной мере использует в своей книге*. Квинтэссенция

* Обращение О.Г. Большакова к теории К. Маркса в полной мере приветствую. С тем, насколько удачно в данном конкретном случае применена теория прибавочного продукта, можно спорить. Дело в другом. К. Маркс был выдающимся политэкономом, и воспринимать его следует как ученого, исследователя, но не в его искаженном в годы коммунистического режима образе. Тогда ссылки на основателей «марксизма-ленинизма» были обязательным требованием в работах ученых всех отраслей знания, но в первую очередь историков бывшего СССР (например: Пигулевская Н.В.1969). Творческий подход к трудам Маркса не допускался и расценивался как ревизия его наследия. Советский «марксизм» был профанацией научных изысканий К. Маркса. Ссылки на Маркса к месту и не к месту были не просто правилом «хорошего тона», но изъявлением верности коммунистической идеологии и опорой в борьбе с буржуазной. По этой причине ни в одной из моих публикаций тех времён не было ни одной ссылки и даже простого упоминания «классиков марксизма» и уж тем более решений съездов КПСС, в которых теория К. Маркса «развивалась».

Безграмотно, а часто анекдотично выглядит наступившее в России с конца XX в. «отрицание» К.Маркса, что стало элементом идеологии

концепции О.Г. Большакова: «...все характерные проявления цивилизации (как бы разнообразно ни трактовалось это понятие) рождены появлением прибавочного продукта, концентрацией и трансформацией которого занимается город» (Там же. С. 11). С этим можно спорить по ряду положений (в частности, о том, что прибавочный продукт производил и сам город, а этот же продукт концентрировался не только в городе, но и в руках крупных землевладельцев и скотоводов), но нас интересует другое. Приложим ли данный подход к большим поселениям Хазарского каганата? Ответ содержится в примечании автора на с. 10: «Это определение [города. — *В.Ф.*] исключает возможность называть городами крупные укрепленные поселения доклассовых обществ, в которых ещё отсутствовало отчуждение прибавочного продукта» (С. 10). Круг замкнулся. Мы возвращаемся *к вопросу о формационной ступени хазарского общества.* Данных о собственности на землю и скот у нас нет, но при раскопках городищ с каменными и кирпичными крепостями не обнаружено что-либо, свидетельствовавшее о выделении слоя феодалов или иного слоя крупных собственников. Земельная рента? Сбор налогов или всё-таки полюдье? О невыделенности ремесла сказано выше. То, что можно было бы назвать «прибавочным продуктом», могло собираться лишь эпизодически для постройки этих же крепостей, но не как замков феодалов, а как необходимых всему населению пунктов обороны, прежде всего в междоусобной борьбе.

нового правящего режима, исключившей даже из лексики понятие «классы», «классовая борьба», «эксплуатация».

Политэкономия К. Маркса — результат его многолетнего и кропотливого изучения истории человечества, эволюции в ней производственных отношений, видов собственности и т.д. Чтобы убедиться, насколько дотошно К. Маркс изучал историю, в том числе историю средневекового Востока, достаточно открыть его «Хронологические выписки» («Архив Маркса и Энгельса», т. V. М.: Госполитиздат, 1938). По сути это небольшая историческая энциклопедия, в которой упомянуты даже хазары.

С другой стороны, не следует абсолютизировать выводы К. Маркса, относящиеся к кочевым культурам и возникшим на их основе каганатам и империям. В его времена база источников по ним была много скуднее нынешней. В целом же отрицать и не использовать выдающийся вклад К. Маркса в экономическую теорию и историю экономики по меньшей мере неосмотрительно.

Делать какое-либо определённое заключение о хазарском обществе не берусь. Вспомним, что М.И. Артамонов определял его как «примитивное феодальное образование». Характерно, что богатство верхушки более состояло из драгоценностей, чем из звонкой монеты. Стратификация хазарского общества по данным археологии мало выразительна (об этом я писал: Флёров В.С. 1990, 1993, 1995). Я не разделяю взгляды исследователей, которые на основе находки сабли в катакомбе относят погребённого к особому слою воинов. Вряд ли социальная граница между погребёнными с саблей и без неё была устойчивой, а главное, закреплялась нормами права.

О.Г. Большаков продолжает: «Предлагаемое определение снимает также старый спор о примате политико-административного или торгово-ремесленного начала в городе: оба они, будучи соотнесены с такими важными понятиями политической экономии, как прибавочный продукт, предстают двумя сторонами неразделимого диалектического единства».

* * *

Основанных хазарами городов археология, как я пытался показать, в каганате не обнаруживает.

Этот мой основной вывод заставляет вернуться к построениям С.А. Плетнёвой в уже упоминавшейся книге, в которой она в обобщённом виде изложила свою теорию «от кочевий к городам» в приложении ко всем каганатам, не только к Хазарскому (Плетнёва С.А. 1982). Оставляя за скобками важные особенности каждого из них, она писала: «Все явления экономической, этнической, культурной жизни кочевых объединений связываются в прочные цепочки, или социально экономические модели» (С. 146). Третья модель, помимо прочих, характеризуется ею следующими признаками: третья стадия кочевания, феодализм, города. Приходится отметить противоречивость объединения в одну модель третьей стадии кочевания и городов. Вероятно, по этой причине С.А. Плетнёва вводит и многократно использует в книге термин «степные города». Расшифровка содержания термина не предложена, но по контексту можно догадываться, что подразумевается некий специфический тип города, создаваемый в кочевой среде. Непосредственно в Хазарском каганате таких

пока не обнаружено. Явно понимая это, Плетнёва применила и иной термин «поселение городского типа» (С. 100). Поскольку речь шла о Дагестане, подразумеваются Семендер и Беленждер? Археология их не выявила, об их типе можно только гадать.

Что касается Дона и Нижней Волги, то, по С.А. Плетнёвой, здесь «помимо неукреплённых поселений и замков… было *несколько более* или *менее крупных* городов. Мои курсивные выделения неслучайны, так как названы только два пункта. Из крупных — ненайденный Итиль, «выросший из ставки кагана и *во всё время* жизни этого государства [Хазарского каганата] *остававшийся зимовищем* хазарской знати, продолжавшей *кочевать в течение семи месяцев в году*» (С. 102, 103). Характеристика противоречива. Я понимаю её как большое поселение, так и не ставшее городом.

Облик Итиля реконструировать не удалось, да и свою попытку я предпринял с одной целью: выяснить, возможна ли убедительная реконструкция в принципе. О каком-либо облике социально-экономической структуры Итиля до раскопок судить вообще опрометчиво. Соотношение в Итиле занятых сельским хозяйством, ремеслом и непроизводящих групп населения (администрация, служители религий, «гвардия», торговцы и пр.) неизвестно.

Из *«менее крупных»* назван только «город Саркел», с уточнением «не очень большой город» (С. 102). Впоследствии сама С.А. Плетнёва отказалась от определения «город», выдвинув на первое место функцию «караван-сарая». Такие колебания симптоматичны. О неубедительности версии «караван-сарая» уже говорилось, хотя Саркел, как любая другая крепость, мог давать убежище и ночлег купцам и иным путешествующим.

На этом перечисление «нескольких городов» закончено. За ним последовало напоминание о «*принадлежавших* хазарскому правительству» нескольких «*древних* портах» на Азовском море и в Крыму. Если и принадлежавших, то временно и основанных задолго («древние»!) до появления на берегах Азовского и Черного морей Хазарского каганата. Что касается вопроса, на каких правах они «принадлежали» хазарам, то отсылаю к трудам С.Б. Сорочана и оппонентов его версии о кондоминиуме.

* * *

До сих пор я не упоминал другие каганаты. В связи с проблемой «городов» всех каганатов Евразии отмечу только одно: все они, как и Хазарский каганат, сошли с арены истории, не оставив после себя ни одного города. Укажу для примера на столицу Уйгурского каганата Хаара-Балгас (Карабалгасун), который действительно мог быть назван городом хотя бы по сложности планировки (социальную характеристику оставим в стороне).

Недолгое существование городов в степях заметил и Г.Е. Марков (1976. С. 285). Полностью разделяю его тезис: «…города, ремесленные центры возникали только при прочной осёдлости, что *противоречит самой сути кочевничества*» (выделено мною. — *В.Ф.).* Выше я писал то же: город и кочевничество несовместимы. Если и начинают появляться большие населённые пункты, «столицы», то они исчезают вместе с каганатами и империями кочевников.

Только в Европе в совершенно иных условиях два прежде кочевых народа создали и ныне существующие государства с городской культурой. Праболгары, получившие античное и византийское наследство не только в градостроении и строительных технологиях, но и в агрикультуре. Большую роль сыграло присоединение Болгарии к греческому православию. И это при том, что политические и церковные отношения с Византией всегда были напряжёнными. Достаточно указать на эпоху царя Симеона (Рашев Р. 2007). Феномен Болгарии заключается ещё и в том, что она выжила даже в условиях турецкой оккупации и насаждения ислама.

Венгры, не без римского и аварского наследия, а главное, при постепенном включении в европейскую культурную среду, несмотря на языковую отчуждённость, создали самостоятельное государство. После кровавых набегов на западных соседей и благодаря неизбежному их влиянию контакт с Европой был закреплён присоединением к западной ветви христианства. Для сравнения — манихейство в конечном итоге привело, наряду с другими факторами, Уйгурский каганат к гибели, так как выделило его из окружения (Плетнёва С.А. 1982. С. 90). В данном случае я полностью согласен с С.А. Плетнёвой. Ни один из восточных каганатов не положил начало и новым государствам.

* * *

Однако вернёмся ещё к Первому Болгарскому царству, его первому центру Плиске и тому, как её характеризует Рашо Рашев. Для этого лучше прибегнуть непосредственно к его тексту, а не пересказу: «…Центральная часть не могла быть охарактеризована как город согласно обычным для этого понятия критериям, состоящим в сравнительно плотной застройке с улицами и площадями, водопроводной системе массового пользования, общественных постройках и преобладании производственной и ремесленно-торговой деятельности населения. Плисковский Внутренний город не обладал ни одной из перечисленных черт, он прежде всего *крепость* (здесь и далее выделено мною. — *В.Ф.*). Исключая несколько массивных построек в центре и систему водоснабжения, он не имел ничего общего с городами региона римско-византийского времени. … На базе таких критериев не только резиденция [т.е. Внутренний город], но вся территория столицы (которая представляется единым *аулом*) не может быть названа городом. С хозяйственной точки зрения экономика ближайших кварталов (надо понимать как заселённые участки внутри Внешнего города. — *В.Ф.*) имела подчёркнуто аграрный характер…» Далее, приведя ряд точек зрения на функции Плиски, сам Рашев делает заключение: Плиска создана как *культовый и военно-административный центр* (Рашев Р. 2008. С. 133). Казалось бы, позиция известного болгарского учёного обозначена вполне определённо, но продолжим выдержки из его текста. «Военно-административная функция [Плиски] ведущая, она определяет постоянное присутствие в ней владетеля, который в определенных случаях выступает и в качестве верховного жреца. В его резиденции и рядом постоянно расположены войска. Но даже при такой характеристике резиденции она имеет и выполняет важную хозяйственную функцию (sic! — *В.Ф.*). Она центр концентрации и перераспределения прибавочного продукта в его различных формах — натуральные дани, добыча, различные формы принудительных повинностей по строительству и поддержанию ханской резиденции — функция, которая присуща только государственному центру, который при всех оговорках не сравнивается с обитаемыми местами сельского типа. С такой точки зрения, ханская резиденция могла бы быть определена как *своеобразная форма раннего города*» (Там же. С. 132).

Попробуем разобраться в словах Р. Рашева о Плиске. С одной стороны, резиденция с военно-административными функциями без перечисленных им признаков города; с другой стороны — очень осторожное: резиденция «*могла бы* быть: определена» как *своеобразная форма раннего города* на основе концентрации в ней прибавочного продукта. Сразу обратим внимание, Рашев не настаивает, но лишь предлагает своё определение. Речь идёт даже не о городе, а о *ранней его форме*. Другое дело, можно ли источниками прибавочного продукта* считать перечисленные военную добычу и принудительные строительные работы, ведь такие явления широчайше распространены в самых ранних сообществах. Здесь есть предмет для дискуссии. Что касается дани со своего населения, то в какой-то мере этот аргумент можно принять, если дань взимается постоянно в нормированных пределах. Что касается моей позиции, то я склонен строго придерживаться тех признаков города, которые Р. Рашев перечислил, а соответственно вижу в Плиске военно-административный и культовый центр. Не стала Плиска хозяйственным центром и с потерей столичных функций, которые перешли к Преславу. Истины ради укажу, что среди болгарских исследователей бытуют и иные точки зрения.

Обращение к исследованию Р. Рашева закончим его словами: «Точная универсальная дефиниция понятия город, как известно, чрезвычайно трудная задача» (Там же. С. 131). На мой взгляд, основная трудность заключается в том, что невероятно сложно уловить тот исторический момент, когда обитаемое место начинает превращаться в город. Здесь важно, не поддаваясь эмоциям, твёрдо придерживаться определённых признаков, не преувеличивая значение каждого отдельно взятого.

Итак, если даже в отношении такого центра, как Плиска, существуют обоснованные сомнения в его социально-экономическом статусе города, то что же говорить о городищах Хазарского каганата, о его фортификации и пр. Достаточно сказать, что такое мощное и масштабное, технически и архитектурно совершенное строительство, которое представлено в Плиске, не зафиксировано ни на одном археологическом памятнике Хазарского

* Я не встретил у Р. Рашева упоминаний о аналогичном обращении О.Г. Большакова к теории К. Маркса. Оба учёных пришли к этому независимо друг от друга, что весьма симптоматично.

каганата. И почти исключено, что нечто подобное скрывается в недрах найденного (городище Самосделка) или ненайденного Итиля.

О ФЕОДАЛИЗМЕ В ХАЗАРИИ

Вопрос о социальном статусе крепостей и столичного поселения Итиль, проблема города в целом неразрывно связаны с оценкой степени «феодализации» каганата. Во введении к упоминавшейся книге С.А. Плетнёва категорично заявляет: «Материалы по истории населения европейских степей VII–IX вв. позволили, как мне кажется, установить, что сложение *классовых отношений* и соответственно *феодальное владение землей* началось на *второй стадии кочевания*, когда произошло разделение пастбищ на отдельные участки кочевания» (Плетнёва С.А. 1982. С. 10). Мало-мальски знакомый с проблемами становления феодализма у кочевых народов мгновенно заметит в этой фразе смешение двух понятий: распределение пастбищ совсем не означает феодального владения землёй и не ведёт к нему. Это совершенно разные вещи. Владение же землёй вообще не могло возникнуть на второй стадии кочевания. Если уж говорить о стадиальности, то можно было бы ставить вопрос о завершении третьей стадии, но еще М.И. Артамонов отметил, что «об условном землевладении у хазар, связанном с определёнными обязательствами по отношению к сюзерену, ничего не известно» (Артамонов М.И. 1962. С. 401). В этом я вижу прежде всего констатацию отсутствия источников, но последнее могло быть обусловлено именно отсутствием феодального землевладения. В целом же М.И. Артамонов признавал, что о «формах социально-экономических отношений в Хазарии мало известно» (Там же. С. 400), и лишь предположил (не более), что, «*по всей видимости,* внеэкономическая и экономическая зависимость соплеменников облекалась у хазар, как и у болгар, в формы патриархально-родового строя» (Там же. С. 402). Должен подчеркнуть, что моя ссылка на авторитет выдающегося хазароведа никак не может заменить источников. Проблематика собственности на скот, пастбища и землю и так называемого «кочевого феодализма» детально рассмотрена в книге Г.Е. Маркова (1976. С. 278 и сл.), к которой и отсылаю читателя во избежание пересказа известных положений и дискуссий по ним.

Подчеркну: первые поползновения на захват земель в частное, *феодальное* владение надо искать не в степи (не в связи со стадиями кочевания), а там, где идёт становление оседлого земледельческого (не кочевого скотоводческого!) хозяйства, где сама земля (не пастбища и скот на них) начинает представлять непосредственную ценность, т.е. в лесостепных районах. Но как определить начало этого процесса? Раскопки поселений и городищ ответа дать не могут. «Замки», пользуясь термином С.А. Плетнёвой, один из которых она исследовала сама — Маяцкое городище, ничего общего по происхождению не имеют с собственно замками Западной Европы, выросшими в феодальных поместьях (см. выше о книге Ф.Х. Гутнова; о замках см. также: Попов С. 2009).

Причина появления замков по С.А. Плетнёвой: «...у богачей появилась необходимость отделиться от рядового населения... Так появились в степях своеобразные *кочевые замки*» (С. 78). Наш источник сведений о каменных крепостях каганата — раскопки, но по их результатам (других источников нет) невозможно судить, действительно ли в строительстве замков знать реализовала отделение от прочего населения. О неприемлемости самого определения «кочевой замок» повторять не буду*.

Должен отметить, что на территории Хазарского каганата пока не обнаружено ни одной постройки, которую можно было бы определить как жилище «богачей», если угодно «феодальных». Менее всего на такие могут претендовать полуземлянки Маяцкой крепости и юртообразные жилища Правобережной. В последней вообще была сплошная застройка, что никак не соответствует тезису С.А. Плетнёвой об «отделении феодалов». Добавлю, что в археологическом плане можно провести комплексное сравнение укреплений западноевропейских с хазарскими типа Маяцкой крепости. Но это позволит сравнить лишь уровень строительных технологий и фортификации, типы жилищ. Можно сопоставить их и с «замками» Средней Азии. Всё это не подменит исследование проблемы на материалах самого кага-

* Вероятно, как дань основанной С.А. Плетнёвой традиции упоминание «замков» Хазарского каганата ещё встречается (Петрухин В.Я. 2002. С. 296).

ната, а лишь с неизбежностью вызовет очередные бесплодные дискуссии.

Декларировав существование феодализма в Хазарском каганате, С.А. Плетнёва не могла не конкретизировать его стадию. И здесь вновь необъяснимое противоречие в позиции автора. На с. 103 читаем: «Несмотря на своеобразную, характерную для кочевников “вуаль” патриархальных отношений, наброшенную на все стороны жизни населения каганата, его социальный строй мы вполне можем считать *развитым* феодальным». Однако на с. 106: «...все выросшие на обломках Тюркских каганатов степные государства характеризуются общими чертами», их строй «*раннефеодальный* с многочисленными патриархальными пережитками». Может быть, подразумевается, что Хазарский каганат среди прочих был исключением? Нет, ранее С.А. Плетнёва подчеркнула, что «закономерности развития, которые были прослежены на узком отрезке времени — в Хазарском каганате, распространяются на всё кочевое население» (1982. С. 10).

Разброд с определением стадиального положения каганата не позволяет в свою очередь принять положение о «вполне устоявшихся *классовых отношениях*» в Хазарии (С. 80, 102). Попытки стратификации хазарского общества на основе раскопок могильников не привели ни одного исследователя к таким выводам. Опять отмечу, что методика выделения «всадников» и «простых» воинов по составу оружия (сабли, луки, топорики) выглядит довольно примитивно. Картину не то что классового, но слабого имущественного расслоения дал исследованный мною Маяцкий катакомбный могильник*. Никак не назовешь классово определяемыми и несколько погребений непосредственно на Маяцком поселении. Это захоронения обычных воинов. Не поражают особым богатством и курганы с ровиками, в т.ч. так называемого соколовского типа. Но дело не в наборе приношений, поскольку они напрямую социальное расслоение не отражают.

Читатель вправе спросить, каково же моё мнение о возможности появления феодализма в Хазарском каганате. Письменные источники ничего не сообщают о формах пользования пастбищами, владении землёй, внеэкономическом принуждении. Археология же вообще почти бессильна помочь в поисках ответа. В итоге моя позиция сводится к следующему. На сегодня проблема нерешаема, и нет ни малейшей необходимости спешить с этим. Необходимо наконец признать, что ни историки, ни археологи не в состоянии дать чёткую и бесспорную картину социальных отношений в таких сообществах, каким был Хазарский каганат. От громадной и многокрасочной мозаики ее внутренней жизни до нас дошли лишь отдельные разрозненные кусочки. *Неопределённость* в характеристике социально-экономических отношений в Хазарском каганате имеет полное право на существование. Я формулирую это так: *отсутствие источников непреодолимо*. Их не заменить введением общеизвестных штампов, в данном случае «феодализм», «феодальный», «город»: содержание этих терминов формировалось на изучении истории средневековой Европы. Должен обратить внимание на *постоянный дисбаланс между социально-экономическими отношениями, включая формы собственности и эксплуатации, и государственно-политическими системами в степях Евразии (да и не только здесь) в эпоху средневековья.* Углубляться в тему нет возможности, поэтому приведу один яркий пример: и в эпоху империи Чингисхана, и в современной республике Монголии основой сельского хозяйства было скотоводство, полукочевое. Не изменилась даже оснастка скотоводческого хозяйства, а соответственно и производительность, сами скотоводы продолжают жить в юртах.

Считаю уместным привести вывод О.Г. Большакова по изучению городов, одновременных Хазарии. «Мы проследили в самых общих чертах ту материальную основу, на которой стоял средневековый город Ближнего Востока, *умышленно* не прилагая к нему определение «феодальный», чтобы *не применять его формально*, только на том основании, что в средние века он не может быть иным, хотя мысль о том, что в феодальном обществе и город может быть феодальным, кажется сама собой разумеющейся» (Большаков О.Г. 2001. С. 262). Что же говорить о Хазарском каганате, источники по которому по сравнению с источниками по средневековому Востоку более чем ничтожны, мизерны. Весьма любопытно примечание Большакова к приведённой фразе: «Показательно, что И.М. Смилянская, подробно

* Недавно непосредственно вблизи Маяцкого городища открыт второй могильник — ямный. Это позволит вернуться к вопросу о расслоении в среде местного населения.

рассматривая экономику и социальную структуру Сирии XVII–XVIII вв., ни разу не назвала город этого времени феодальным [Смилянская И.М., 1979]». Мне остаётся констатировать, что в своём умышленном отказе от определённости я не одинок.

Создаётся впечатление, что С.А. Плетнёва в своих теоретических разработках оказалась в плену у некогда выбранного запоминающегося названия всё той же известной книги — «От кочевий к городам». Что же касается общего значения книги для *археологии* Хазарского каганата, то я продолжаю расценивать её очень высоко. В ней продолжены исследования, успешно начатые М.И. Артамоновым и И.И. Ляпушкиным. Книга сыграла более чем заметную роль в систематизации накопленных ко второй половине XX в. археологических источников по материальной культуре Хазарского каганата. Не будем забывать, что подзаголовок книги, может быть не столь броский, как основное название, — «салтово-маяцкая культура». Многие положения этой книги не устарели и сегодня. Другие требуют пересмотра, что отражает непрерывный процесс развития науки, никак не умаляющий заслуг предшествующего нам поколения учёных.

Едва ли не в первую очередь по-иному надо взглянуть на так называемую стадию кочевания в истории каганата.

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИЛИ КОЧЕВАНИЕ?

Как ни парадоксально, при множестве работ с упоминанием кочевничества в Хазарском каганате, именно стадия кочевничества в нём изучена хуже всего. Сегодня становится всё очевиднее, что каганат изначально не был кочевым «степным государством». Основной массив его населения от Среднего Дона до его низовий, включая бассейн Северского Донца, был исключительно оседлым, по крайней мере, с середины VIII в. Сезонное кочевание имело место только в степях левобережья Нижнего Дона; именно здесь городищ, если угодно – «степных городов», как раз и нет. Семикаракорская крепость, как и Саркел, поставлена непосредственно в долине Дона, а не в глубине левобережной степи.

Если для степей левобережья Нижнего Дона и восточнее, вплоть до Нижней Волги, вопрос о кочевничестве можно ставить хотя бы в силу отсутствия развитой сети поселений, то в лесостепи о кочевании говорить не приходится. И в целом, *существовало ли здесь кочевание как постоянная форма хозяйства, начиная с момента появления Хазарского каганата, а в археологическом аспекте – салтово-маяцкой культуры?*

Нет городищ в степях среднего течения Северского Донца, но здесь множество поселений. К.И. Красильников объясняет это невооружённостью местного, преимущественно болгарского населения, находившегося, по его мнению, под контролем и в состоянии экономической эксплуатации со стороны хазар. Отсюда лишение болгар права на строительство крепостей и личное оружие. Район, по его данным, густо заселён, причём помимо собственно долговременных поселений автор обнаруживает здесь стойбища без культурного слоя и кочевья с культурным слоем. Первый этап оседания реконструируется им как переход от кочевого уклада (стойбища) к полукочевому (кочевья). Полная же оседлость маркируется появлением поселений (селищ). Часть же поселений возникает на месте кочевий. Но мне не совсем ясно, как удаётся в процессе раскопок достоверно проследить трансформацию кочевья в поселение (Красильников К.И., Красильникова Л.И. 2010).

В значительной степени на построения К.И. Красильникова оказала влияние классификация поселений, предложенная ещё С.А. Плетнёвой, но им несколько видоизменённая. С.А. Плетнёва не разделяла «стойбища» и «кочевья». Стойбища (равно летовки и зимовища) для неё синоним кочевий, как и ещё один термин — «стоянки» (Плетнёва С.А. 1967. С. 13–15). Исследовательница на очень скудном материале выделила более ранние большие стойбища куренного типа, с находками фрагментов амфор VI–VII вв. и котлов с внутренними ушками, и более поздние VIII–IX вв. аильного типа, с «салтово-маяцкой керамикой». Но котлы с внутренними ушками — это тоже салтово-маяцкие формы керамики, а формирование самой культуры в VI–VII вв. исследовательница впоследствии категорически отрицала. Попутно замечу, что расхожее мнение о том, что лепные котлы всегда более ранние, ошибочно: они сосуществуют со сформованными на ручном круге вплоть до конца салтово-маяцкой культуры. Что же касается выделения ею стойбищ куренного типа, то куренным она назвала и расположение нескольких юртообразных

жилищ на Правобережном Цимлянском городище, датируемом никак не ранее конца VIII — начала IX в. По её прежней классификации поздние типы расположения жилищ должны быть аильные. Она писала: «Аильные зимовища были по существу переходной формой от становищ-кочевий к поселениям оседлых земледельцев» (Там же. С. 19). Впрочем, неясность для неё самой проблемы кочевий просматривается и в неустойчивости терминологии — кочевья, стойбища, стоянки, становища.

Разумеется, мы не можем с позиций сегодняшнего дня критиковать С.А. Плетнёву за отмеченные несоответствия и противоречия, ведь она шла тогда, более 50 лет назад, ещё «не изведанными тропами». Но сама возможность подразделять куренной и аильные способы размещения наземных жилищ на основе сборов или небольших разведочных раскопок вызывает сомнение. В самой постановке вопроса просматривается прежний схематизм.

Вот на что надо в первую очередь обратить внимание: в числе описанных С.А. Плетнёвой, были и *поселения* с тем же набором находок, в частности у с. Натальевка и особенно с. Обрыв, судя по разнообразию представленной на последнем керамики* (Там же. С. 16). В ходе разведок на небольших речках, впадающих в Таганрогский залив, я обнаружил и настоящие поселения, обитатели которых могли периодически спускаться со стадами или для рыбной ловли к Таганрогскому заливу, оставляя после себя рассеянные по побережью черепки и кости от мяса домашних животных. Путь занимал сутки-двое.

* Материалы сборов С.А. Плетнёвой не сохранились. Проверить даты амфор сегодня не представляется возможным, а соответственно и даты открытых ею у Таганрогского залива памятников. Весьма вероятно, что среди фрагментов амфор были датируемые VI–VII вв.

В 1970–1974 гг. я прошел по маршруту С.А. Плетнёвой, а также по речкам Сухой и Мокрый Еланчики и Сарматка, впадающим в Таганрогский залив (отчёты в научных архивах Института археологии РАН и Таганрогского краеведческого музея. Все сборы полностью сохраняются в фондах этого музея). Ситуация здесь не столь проста, как она описана С.А. Плетнёвой; хронологию надо уточнять. Что касается упоминаемых ею каменных цоколей на местонахождении у с. Натальевка, то это могли быть развалы жилищ эпохи поздней бронзы. Остатки каменных строений этого времени, перекрытые небольшим салтово-маяцким слоем, были мною открыты на р. Сарматка у с. Отрадное (Ильюков Л.С., Флёров В.С. 1980).

Среди тех местонахождений побережья залива, которые С.А. Плетнёва называла «стойбищами», а ряд нынешних археологов называют подобные вновь открытые «кочевьями», большинство может быть также и прежде всего следами: перемещений пастухов, передвижения военных отрядов, постоянных мест дойки, временных ограждений для крупного рогатого скота и лошадей, временных овчарен, мест постоянных водопоев и т.д. Разбитую посуду и остатки трапез оставляли у полей и огородов земледельцы (почему это не учитывается?). В ходе археологических разведок следы всего перечисленного могут быть приняты за «кочевья». Они и неотличимы от действительных кочевий. С другой стороны, на однодневной стоянке воинского отряда в 50–100 человек, а особенно на многодневной могло остаться достаточное количество битой посуды, выброшенной тары (амфор) и костей для того, чтобы она воспринималась при внешнем осмотре как поселение, а места кострищ могут быть приняты за следы плохо сохранившихся очагов или зольники.

Разбросанные по степям следы пребывания оседлого населения оставались на протяжении последующих веков вплоть до сегодняшнего дня. Типичный образец: археологизирующиеся на наших глазах полевые станы XIX–XX вв., места базирований колхозных бригад в период посева и уборки урожая. Все они со временем превращаются в «кочевья». Приходится учитывать и тот фактор, что скопление «кочевий», т.е. рассеянных немногочисленных культурных остатков, могут быть указанием на нахождение вблизи неоткрытого, незамеченного поселения, а найденное «кочевье» при тщательном обследовании и пробных раскопках окажется поселением с культурным слоем.

Совершенно очевидно, что, предпринимая поиск кочевий, необходимо учитывать общую ситуацию в данной археологической культуре, в определённом её регионе, в данном социуме на конкретном отрезке времени.

Один из самых последних примеров разнобоя в определении типа памятника: поселение или стойбище местонахождение Манучкина балка IV к востоку от г. Таганрога? Первый раскопщик памятника А.В. Шеф характеризовал его как поселение, что другой, М.А. Бакушев, специально отметил.

Сам М.А. Бакушев, вскрыв на памятнике площадь в 1400 кв. м перемешанного слоя, в котором обнаружил около ста фрагмен-

тов амфор, несколько фрагментов лепных сосудов и полуразрушенный очажок из камней, пришел к иному заключению на основании преобладания амфор и небольшого числа лепной керамики: местонахождение, *«по всей видимости»,* является, по С.А. Плетнёвой, стойбищем второго типа. Он пишет: «Стойбища второго типа базировались на аильной системе ведения хозяйства и были переходной формой от становищ-кочевий к оседлым поселениям. Они датируются С.А. Плетнёвой VIII–IX вв.» (Бакушев М.А. 2010). Комментировать ситуацию с типологической принадлежностью пункта Манучкина балка IV нет смысла*.

Складывается впечатление, что в истории Хазарского каганата не было как такового отдельного исторического этапа кочевничества. Правильнее говорить о *переселении* и быстром освоении новой территории с последующим сооружением укреплений в форме валов-рвов, а затем белокаменных и кирпичных крепостей. Заимствуя термин из истории венгров, я бы назвал это «обретением родины». Кстати, как и для венгров, поиск прежней старой родины хазар не завершён, а точнее, практически и не начинался. Новую родину обрели и праболгары Аспаруха (Исперих) на Нижнем Дунае, где они, не без влияния славян, быстро перешли к оседлости.

Если же ставить вопрос лишь о кратковременном периоде кочевания после переселения на новую территорию, то он в полной мере зафиксирован на Правобережном Цимлянском

* Отмечу следующее обстоятельство. Подавляющее большинство текущих открытий местонахождений салтово-маяцкой культуры в её южных регионах, в частности в Ростовской области, происходит в ходе т.н. «спасательных» экспедиций раскопщиками, не имеющими определённой специализации. К их выводам в предварительных публикациях надо подходить с особой осторожностью. К сожалению, до полных публикаций у большинства из них руки не доходят, т.к. зачистка территорий для строителей от археологических памятников (суть «спасательных» раскопок) поставлена на поток. Надо обращать внимание и на следующее. Цифры вскрытых квадратных метров, как бы велики и впечатляющи они ни были, сплошь и рядом относятся не к площади самого местонахождения, его культурного слоя, а к общему объёму выполненных экспедицией работ. В него могут входить и «пустые участки», особенно если раскопки ведутся траншейным способом вдоль будущих трубопроводов, дорог и пр. Настоящие границы местонахождения при этом не устанавливаются.

городище, причем в самой ярко выраженной форме сочетания примитивных юртообразных жилищ с самой совершенной в каганате белокаменной фортификацией. Создается впечатление, что группа кочевников была приглашена (поселена) в уже построенную крепость.

И, разумеется, нет оснований предполагать, что аланы, переселившиеся с Северного Кавказа в верховья Северского Донца и на Средний Дон, прошли на новых местах пусть даже короткий этап кочевания. В лесостепи юртообразные жилища правобережно-цимлянского типа, точнее, напоминающие их, встречаются эпизодически и никак не могут служить доказательством процесса массового перехода от неустановленного здесь кочевания к оседлости. Попытки решить эту проблему предпринимает В.В. Колода (см. в частности: Колода В.В., 2005). Не имею возможности разбирать здесь его построения (мне они не представляются убедительными из-за превалирования «теории» над скудной базой археологических источников, на которых она строится). Это же могу сказать и относительно его версий «этнического синкретизма», славяно-салтовского (Колода В.В., 2008; 2009*а*).

Вопрос о кочевничестве и его продолжительности в каганате требует в целом коренного пересмотра. Решить его можно одним путём — в ходе тщательных и неспешных археологических исследований. Один пример. В 1965 г. С.А. Плетнёва проводила разведку около Семикаракорского городища и далее выше по течению р. Сал (Плетнёва С.А. 1967. С. 14, карта). Никаких памятников в окрестностях городища обнаружено не было. В последние годы вокруг городища в низовьях р. Сал местный краевед С.Ф. Токаренко в результате упорных пеших разведок выявил более 20 поселений. Как далеко сеть поселений простирается выше по течению степной реки, предстоит ещё выяснять.

* * *

Сложнее обстоит дело с Великой Болгарией в Приазовье и на Нижнем Дону. Поселенческие праболгарские памятники, будь то кочевья или стационарные поселения дохазарского времени, практически не изучены. Кроме того, надо иметь в виду, что праболгары застали на месте старое позднесарматское оседлое

население, которое далеко не всё было втянуто в Великое переселение народов. В целом же археология Старой Великой Болгарии — тема, требующая отдельного рассмотрения.

Предложенные выше мои соображения — пока ещё даже не гипотеза, но подходы к её формированию. Необходимы дополнительные археологические данные.

ЭКОНОМИКА КАГАНАТА

Почему в книге, посвященной в основном крепостям и крупным поселениям, появилась необходимость обратиться к проблеме кочевий, к самой ранней истории Хазарского каганата? Ими обозначен отправной пункт хазарской истории, если рассматривать её с позиций археологии.

Мы пришли к тому, что Хазарский каганат возникает как осёдлое образование условно раннегосударственного типа, минуя стадию длительного кочевания с её специфической экономикой, но к концу своей истории, создав самодостаточную экономическую основу и вполне развитую для своего времени и географического положения материальную культуру, так и не образует поселения высшего типа — города.

На первый взгляд каганат имел достаточно предпосылок для возникновения городов. Это собственная сырьевая база для развития ремёсел. В первую очередь следует назвать центр чёрной металлургии в районе Ютановского городища в Белгородской области. В районе Донбасса фиксируется добыча меди, а часть её с другими цветными металлами поступала с Кавказа. Чёрная металлургия обеспечивала сырьем и инструментарием разнообразные ремёсла, не в последнюю очередь оружейников. Подчеркнём высокий уровень гончарного ремесла. В VIII–IX вв., когда соседнее славянство довольствовалось лепной посудой, в каганате повсеместно бытовали прочные горшки, сошедшие с ручного круга.

Нет сомнений в самообеспеченности населения каганата зерном разных культур и продукцией скотоводства. Стоит отметить, что встречающиеся изредка высказывания о зависимости каганата от поступления зерна из славянских земель ничем не подтверждены. Зерно от славян могло поступать в форме натуральной дани, но решающего значения это не имело. Повсеместно встречающиеся на поселениях и городищах земледельческие орудия это подтверждают. Для земледельцев изготовлялся полный набор сельхозорудий, включая наральники. Поступавшая от соседних полузависимых народов дань, в том числе от славян, лишь подпитывала экономику и благополучие каганата (Петрухин В.Я. 2005. С. 167).

О хозяйстве каганата написано достаточно, и нет в данном случае необходимости прибегать к ссылкам на отдельные публикации; упомяну книги В.К. Михеева (1985), В.В. Колоды (1999*б*) и его же с С.А. Горбаненко (2010). В связи с хозяйством, особенно сельским, отмечу вполне благоприятные климатические и географические условия (ср. с зонами пустынь или полупустынь, таёжных лесов, высокогорий). Неблагоприятными для земледелия были только некоторые юго-восточные территории (современной Калмыкии, Астраханской области). Даже климатические изменения в сторону аридности вряд ли могли серьёзно отразиться на производительности сельского хозяйства при густой речной сети.

Есть иные предпосылки, которые обычно включаются в список необходимых для возникновения города. Я имею в виду уровень культуры, среди разных проявлений которой важнейшей является письменность. Письменность в каганате была! Памятники рунического письма, пусть немногочисленные, обнаружены на всей территории каганата. Безусловно, руническая письменность не самая совершенная (ср. с греческой, латинской, арабской), допускающая разночтения у современных специалистов, но, надо полагать, обеспечивавшая потребности каганата. Как известно, при дворе каганов со времени обращения появляется письменность на иврите, который использовался для внешних сношений (еврейско-хазарская переписка).

В наличии было ещё одно важнейшее условие: каганат принимает официальную общегосударственную (в перспективе) религию; одновременно это и важнейшее политическое решение, хотя, вероятно, не лучшее*.

---

* Отступая от темы. Я не считаю, что выбор иудаизма был неизбежным и единственно возможным. По крайней мере выбор христианства в реальности не мог удалённому от Византии каганату грозить политической зависимостью и той борьбой, которая, не прекращаясь,

Итак. Достаточно высокое во всех отношениях развитие не привело с неизбежностью к возникновению городов, хотя вроде бы все предпосылки для возникновения «хазарских городов» были налицо. В чём причина? Мой вывод может показаться парадоксальным, но иного я пока не нахожу. **Полнота ресурсов, обеспеченность продуктами ремесла и сельского хозяйства в сочетании с хорошими природными условиями привели к обратному эффекту — Хазарский каганат останавливается на достигнутом уровне, удовлетворявшем потребности не слишком стратифицированного общества. Выпуск собственной монеты развития не получил и скорее имел декларативные цели, надо полагать, преобладал натуральный обмен, чему соответствует практика полюдья кагана (и бека?) и его окружения.**

Были нужны дополнительные стимулы в сфере надстройки, политические, подтолкнувшие бы к активизации денежных отношений и внутреннего товарооборота, что в свою очередь создало бы условия для сдвигов в ремёслах, за которыми и могло последовать превращение некоторых крупных поселений в города, да и в целом общие преобразования в стране. Какие же стимулы были необходимы? Требовались централизация государства и подавление самостоятельности вождей. Усиление роли центральной власти, подчинение ею местной знати (часто в форме приведения к присяге на верность) — это переживала и Западная Европа в «хазарское время», а особенно с X в. и позднее*.

Не способствовало экономическому и политическому развитию каганата и ближайшее внешнее окружение, находившееся на безусловно более низком уровне, более слабое во всех отношениях — славяне, народы Поволжья и Северного Кавказа. И это также не стимулировало к внутренним преобразованиям, укреплению войска, сдвигам в военном деле (ср. Аладжов Ж. 1997).

Наконец, для целенаправленного осуществления преобразований нужно было появление «сильной личности» во главе каганата. Судя по ослаблению каганата к X в., такая не выдвинулась. Остаётся признать, что многое из истории каганата письменные источники не сохранили. О внутренней ситуации в каганате нам почти ничего не известно. Относительно легко было разгромлено восстание так называемых кабаров. Но в целом мелкие политические коллизии в Хазарии не затронули экономические основы. Борьба за власть, религиозные столкновения, по существу, не привели к переделам земель, хотя территориальные споры могли возникать между местными вождями. Не может не привлечь внимания появление в среднем течении Северского Донца группы мусульманского населения. Если это и вызвало какие-то столкновения, то местного масштаба.

шла между Болгарией и Византией. Отголоски её сохраняются до настоящего времени.

* Успешее этот процесс шёл в Англии, сложнее во Франции, до XIX в. затянулся в Германии и Италии. Иной путь прошла Польша. Литература огромна, нет смысла делать выборочные ссылки.

* * *

Чего же в целом не хватает для решения проблем стадиального уровня Хазарского каганата, включая и вопрос о городе? На сегодня разработана политическая история каганата (оставим в стороне бесплодные дискуссии по частным вопросам). Наступило время создания **экономической истории.** Какой бы невероятно сложной ни казалась поставленная задача, без её решения не обойтись. Для начала же надо наладить методику отбора источников и работы с ними. Не подходить к ним с заранее установленными критериями — важнейшее требование. А источники остаются прежними: постоянно пополняемые археологические. Экономическая информация, большей частью косвенная, содержится и в письменных источниках, но на открытие новых рассчитывать особенно не приходится. Говоря о создании экономической истории, я, конечно, помню о достижениях нумизматов, но ставлю вопрос гораздо шире.

О ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Какова была государственная структура Хазарского каганата, уровень её централизации — это проблема, требующая для своего разрешения не одного года исследований, не в последнюю очередь археологических в связи с вопросом: была ли материальная салтово-маяцкая культура государственной культурой. В этом я в настоящее время стою близко к позиции С.А. Плетнёвой, если

держаться в пределах археологического источниковедения. Да, археологическая культура каганата может быть признана «государственной», так как основные её проявления, в самую первую очередь керамика, получили распространение буквально на всей *территории* каганата. Специфический поясной набор, горшки и котлы с внутренними ушками с характерным орнаментом, линейно-волнистым, встречаются от Кубани до Среднего Дона. К этому выводу я прихожу не первым. «Локальное разнообразие не заслоняет определённого единства салтово-маяцкой культуры, которое обнаруживает строительная техника, массовый бытовой инвентарь, в том числе характерная керамика, амулеты и т.п. ... Существенно, что ареал салтово-маяцкой культуры совпадает с той территорией Хазарского государства, которую описал хазарский царь Иосиф в письме сановнику кордовского Халифата Хасдаю б. Шапруту» (Петрухин В.Я. 2002. С. 298; 2008). Нивелирующая роль салтово-маяцкой культуры признана В.Е. Флёровой (2001*в*). Эта культура была материальной культурой как праболгарского, так и аланского компонентов населения каганата, при том, что они сохранили специфику погребальной обрядности, как и носители подкурганного обряда и обряда кремации. Открытия последних лет показали, что лесостепной вариант культуры, до недавнего времени воспринимавшийся исключительно как аланский, с господством катакомбных погребений, таковым уже не является. Рядом с катакомбными могильниками открываются новые, типично ямные. Это означает, что материальная культура в значительной степени стала надэтнической, «государственной». Да, всё это так, но с одной существенной оговоркой: если термин «государство» приравнять к термину «страна» — *территория* с определённым населением и другими характеризующими её признаками.

Если говорить о *государстве* «Хазарский каганат» и его структуре, то мы должны будем рассматривать совершенно иные категории — институты власти, её формы и полномочия в центре и на местах, степень централизации или, наоборот, слабость таковой. Для Хазарского каганата мы не знаем важнейшего признака становления государства, каковым является вытеснение обычного права юридическими нормами, фиксированными *в правовых документах*, поначалу в самых примитивных, таких, как «салические правды». Нет намёков и на существование «судебников» — первых документов, отражающих социальную стратификацию общества, как правило, в видах наказаний, штрафов, компенсаций имущественного или физического ущерба. Данных о бытовании в каганате подобных правовых документов нет.

По существу, сегодня мы мало продвинулись в определении сущности «государства» Хазарский каганат со времени попыток С.А. Плетнёвой*. Выше я отметил разнобой в её определениях кочевий. Те же затруднения вызвали у неё и характеристики структур Хазарского, равно и иных рассмотренных ею каганатов: «рыхлые государственные объединения», «объединения государственного типа» (вторая стадия кочевания), «государственные степные образования» (обобщающая формулировка), «крупные объединения государственного типа, не успевшие стать государствами», Хазарский каганат = «федерация»; для праболгар на Нижнем Дунае — первоначально «полукочевое государство» (Плетнёва С.А. 1982. С. 43, 49, 122, 131, 109, 105). Что же нам выбрать? Независимо от выбора ответа *связь развития государственности и урбанизации не вызывает сомнений.*

* * *

По возможности я старался не поддаваться соблазну обращаться к другим культурам, хотя полностью избежать этого не удаётся, но ещё одно обращение — к Золотой Орде — мне представляется в русле рассматриваемой городской темы необходимым. Повод дала небольшая публикация В.Г. Блохина (2007), освещающая ту же проблематику идентификации города, но на ином археологическом материале. Автор подверг критике высказывания В.Л.Егорова, насчитавшего в Нижнем Поволжье остатки более 110 городов, высказывания, которые «породили и порождают ложные представления об уровне золотоордынской урбанизации». Не буду повторять все аргументы В.Г.Блохина, выделю то главное, в чём он увидел причину встречающейся у ряда авторов (Э.С.Кульпин, М.Г.Крамаровский, Ю.И.Дробышев) завышенной оценки урбанизации Золотой Орды. Она та же, что и для горо-

* Тема «государственность» салтово-маяцкой культуры периодически всплывает на страницах разных изданий, но преимущественно в русле обсуждения существующих точек зрения (напр.: Моця А.П. 2004. С. 274).

дищ Хазарского каганата. «Большинство памятников [золотоордынских Нижнего Поволжья] исследовано разведочно. Стационарными раскопками охвачены в основном одни из самых значительных поселений, причём вскрытая площадь на них по сравнению с их размерами остаётся незначительной. Естественно, что данные о структуре, функциональной нагрузке, времени и условиях возникновения тех или иных поселений будут достаточно условны». Рассматривая конкретно материалы, использованные В.Л. Егоровым, В.Г. Блохин из всего списка выделил всего пять пунктов (Увек, Хаджитархан, Водянское, Селитренное, Царевское), из которых только три последних исследованы широкими площадями. Что же касается нескольких больших памятников (Мечётное, Комсомольское, Красный Яр, селище Самосделка), то уточнение их типов автор вполне резонно предлагает опять-таки после раскопок с широким охватом площадей.

Как мы видим, ситуация более чем схожая с хазарской: социоэкономические реконструкции и субъективные представления оказались несоотносимы с изученностью археологических источников. Не берусь судить в целом о состоянии исследований по Золотой Орде, но в археологическом хазароведении это распространено чрезвычайно широко.

И уж совсем не соответствует действительности картина, нарисованная в главе «Болгария — страна городов» в капитальном казанском издании по истории Татарстана (История татар, 2006), но мотивы преувеличения здесь несколько иные (псевдопатриотические), подкреплённые тенденциозным подходом к характеристике большинства упомянутых в издании городищ, даже совершенно не исследованных раскопками.

* * *

Всё-таки последние строки этой небольшой книги должны быть посвящены «*хазарским* городам». Ещё в 1930 г. Ю.В. Готье, отметив немногочисленность хазарских городов, смог назвать только два — Итиль и Семендер (Готье Ю.В. 1930. С. 77). В начале XXI в. мы возвращаемся на круги своя.

Городская цивилизация уже по определению предполагает существование многих городов. Для Хазарского каганата можно говорить весьма предположительно об одном — Итиле, причём только о начатках городской жизни в нём. Каганат не наследовал культуру города и не создал, а точнее, не успел создать собственную и даже не освоил в полной мере чужой опыт фортификации и строительных технологий, не говоря о появлении гражданской архитектуры.

Хазарский каганат очень быстро миновал «стадию кочевий», собственно стадию «обретения родины», но к «городам» не пришёл. Ему не хватило для этого отпущенного Историей времени.

Литература

Абрамова М.П., Магомедов М.Г. О происхождении культуры Андрейаульского городища // Северный Кавказ в древности и в средние века. М.: Наука, 1980.

Айбабин А.И. О начале хазарского господства в Крыму // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. К 100-летию со дня рождения М.И. Артамонова. С.–Петербург, 1998.

Айбабин А.И. Хазарский слой в Керчи // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 2000.

Айбабин А.И. Археологическая культура хазар в Северном Причерноморье // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.

Аксёнов В.С. Форпост Верхний Салтов // Восточная коллекция. 2006. № 2 (25).

Аладжов Ж. За общественото начало в устройството на прабългарската войска // Проблеми на прабългарската история и култура. 3. Шумен, 1997.

Албегова З.Х. Арабский форпост в горах Центрального Кавказа // ж. Достояние поколений. № 1(8). М., 2010.

Албегова З.Х., Верещинский-Бабайлов Л.И. Раннесредневековый могильник Мамисондон. Результаты охранных археологических исследований 2007–2008 гг. в зоне строительства водохранилища Зарамагских ГЭС. // Материалы охранных археологических исследований. Т. 11. — М.: Таус, 2010.

Артамонов М.И. Средневековые поселения на Нижнем Дону. ИГАИМК. Вып. 131. Л ., 1935.

Артамонов М.И. Саркел–Белая Вежа // Труды ВДАЭ. Т. I. МИА № 62. М.-Л., 1958.

Артамонов М.И. История хазар. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962.

Артамонова О.А., Плетнёва С.А. Стратиграфические исследования Саркела–Белой Вежи (по материалам работ в цитадели) // МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.

Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М.: Наука, 2003.

Археологія Української РСР. Том III. Київ: Наукова думка, 1975.

Археология Украинской ССР. Том III. Киев: Наукова думка, 1986.

Атаев Д.М., Магомедов М.Г. Андрейаульское городище // Древности Дагестана. МАД № 5. Махачкала, 1974.

Афанасьев Г.Е. Исследование южного угла Маяцкой крепости // Маяцкое городище. М.: Наука, 1984.

Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII–X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). АОН. Вып. 2. М.: Наука, 1987.

Афанасьев Г.Е. Донские аланы. М.: Наука, 1993.

Афанасьев Г.Е. Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // РА. 2001. № 2.

Афанасьев Г.Е. К проблеме локализации Хазарии и фурт-асии (о противоречии данных археологии и письменных источников) // Форум «Идель–Алтай». Материалы научн.-практич. конференции «Идель–Алтай»: истоки евразийской цивилизации» I Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. докл. Казань, 2009.

Бакушев М.А. Многослойный археологический памятник «Манучкина балка IV» // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Вып. 24. Азов, 2010.

Балабанов Т. Нови проучвания на старобългарските господари // ИИМШ, 12. 2004.

Баранов И.А. Таврика в эпоху раннего средневековья (салтово-маяцкая культура). Киев: Наукова думка, 1990.

Баранов И.А. Болгаро-хазарский горизонт Средневековой Сугдеи // Проблеми на прабългарската история и култура. 2. София: Аргес, 1991.

Баранов И.А., Майко В.В. Тюркское святилище Сугдеи // РА. 2001. № 3.

Белецкий В.Д. Жилища Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. МИА. № 75. М.-Л., 1959.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, 1973.

Бешевлиев В. Първобългарски надписи. София: Изд-во на БАН, 1979.

Биджиев Х.Х. Хумаринское городище. Черкесск, 1983.

Биджиев Х.Х. Хумаринское городище (VIII–X вв.) // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.

Блохин В.Г. Золотоордынские города Нижнего Поволжья: проблема социокультурной идентификации археологических бытовых памятников // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Междунар. Нижневолжская археол. конф. Тез. докл. Волгоград, 2007.

Богословская И.Н., Богословский О.В. Исследование средневековых слоёв Таманского городища // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск, 1992.

Бойко Ю.Н. Социология восточноевропейского города I тыс. до н. э. (по материалам Бельского городища и Ворсклинской региональной системы скифского времени) // Древности. 1994. Харьков, 1994.

Большаков О.Г. Средневековый город Ближнего Востока VII–XII в. Изд. второе, дополненное. М., 2001.

Большаков О.Г. История Халифата. II. Эпоха великих завоеваний. 633–656. М.: Восточная литература, 2002.

Бондарь С.В. Ассирия. Город и человек. (Ашшур III – I тыс. до н.э.). М.: Древлехранилище, 2008.

Василиадис Н. Библия и археология. Изд-во Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2003.

Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д. Городище Самосделка — памятник домонгольского периода в низовьях Волги // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 3. Донецк (Украина), 2003.

Винников А.З. Хазарская крепость на Тихой Сосне. Воронеж, 2006.

Винников А.З., Плетнёва С.А. На северных рубежах Хазарского каганата. Маяцкое поселение. Воронеж, 1998.

Винников А.З., Синюк А.Т. Дорогами тысячелетий. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 2003.

Виноградов В.Б., Нарожный Е.И., Савенко С.Н. О Шелкозаводском городище хазарского времени на Тереке // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 1. Армавир, 2003.

Виолле-ле-Дюк Э. Крепости и осадные орудия. Средства ведения войны в средние века. М.: Центрополиграф, 2007.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Элементы погребального обряда могильников Брутского городища // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке. Сборник памяти М.П. Абрамовой. М.: Таус, 2007.

Габуев Т.А., Малашев В.Ю. Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа. М.: Таус, 2009.

Гадло А.В. Раннесредневековое селище на берегу Керченского пролива (по материалам раскопок 1963 г.) // КСИА. 1968. Вып. 113.

Гадло А.В. Раскопки раннесредневекового селища у деревни Героевки в 1964 г. // СА. 1969. № 1.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа в IV–X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979.

Голб Н., Прицак О. Хазаро-еврейские документы X века. М.–Иерусалим: Гешарим, 1997.

Горелик М.В. Три племени кавар и савирский всадник // Хазары. Второй Международный коллоквиум. Тезисы. М., 2002.

Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М.: Государственное издательство, 1930.

Гуренко Л.В., Ситникова А.В. К вопросу о локализации средневековых городов Атиля и Саксина // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий. Астрахань, 2001.

Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Ч. I. Владикавказ: Ир, 2007.

Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Ч. II . Владикавказ: Ир, 2008.

Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река»: Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М.: Языки славянских культур: Знак, 2007. — (Studia historica. Series minor).

Джанов А.В. Сугдея в III–VII вв. // Сугдейский сборник. Вып. I. Киев–Судак, 2004.

Дживелегов А.К. Средневековые города в Западной Европе. СПб., 1902.

Димитров Дм.Ил. Прабългарите по северното и западното Черноморие: Към въпроса за тяхното присъствие и история днешните руски земи и роля им при образуването на българската държава. Варна,1987.

Динчев В. Ранновизантийските крепости в България и съседните земи (в диоцезите Thracia и Dacia). Разкопките и проучвания. Кн. XXXV. София, 2006.

Древняя Русь. Город, замок, село. Серия «Археология СССР». М.: Наука, 1985.

Замятнин С.Н. Археологические разведки в Алексеевском и Валуйском уездах // ВИАВ, № 2. Воронеж, 1921.

Захаревич А.В. Донское казачество в боях начального периода Кавказской войны (1801–1802 гг.) // Памяти Владимира Александровича Золотова. Сборник статей. Ростов-на-Дону, 2002.

Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962, 1963.

Зиливинская Э.Д. Проблемы хронологии поселенческих памятников Нижнего Поволжья // Средневековая археология евразийских степей. Материалы Учредительного съезда Международного конгресса. Т. I. Казань, 2007.

Зиливинская Э.Д. О связях Нижнего Поволжья и Северного Кавказа в хазарское время // Проблемы и периодизация археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Магас (Республика Ингушетия), 2010.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. О вероятной локализации города Итиля на Самосдельском городище в дельте Волги // Труды II (XVII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. М., 2008.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В. Население Нижнего Поволжья в хазарское время по материалам раскопок Самосдельского городища // Форум «Идель–Алтай». Материалы научн.-практ. конференции «Идель–Алтай»: истоки евразийской цивилизации», I Международн. конгресса средневековой археологии евразийских степей. Тез. докл. Казань, 2009.

Зиливинская Э.Д., Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Рудаков В.Г. Раскопки на средневековых городищах в Астраханской области // АО-2004. М.: Наука, 2005.

Зинько В.Н., Пономарёв Л.Ю. Степи Восточного Крыма в эпоху Хазарского каганата // МАИЭТ, т. XI. Симферополь, 2005.

Зинько В.Н., Пономарёв Л.Ю. Салтово-маяцкие комплексы поселения Осовины-I // МАИЭТ, т. XIII. Симферополь, 2007.

Иванов А.А. Крымский археологический комплекс (исследования 2006–2009 гг.) // Хазары: миф и история. М.–Иерусалим: Мосты культуры–Гешарим, 2010.

Иванов А.В. Образование ранних городских поселений и этнические процессы в Юго-Западной и Южной Таврике X–XIII вв. // Проблемы истории и археологии Украины. Материалы конференции. Харьков, 2001.

Иосиф Флавий. Иудейская война. СПб.: Типо-литография А.Е. Ландау. Перевод Я.Л. Чертка (репринт: СПб.: «Орёл», 1991).

История евреев России. Учебник под ред. М. Кипнис. М.: Лехаим, 2005.

История татар. Т. II. Казань, 2006.

Ильюков Л. С., Флёров В.С. Поселение позднебронзового века в Северо-Восточном Приазовье // Очерки древней этнической и экономической истории Нижнего Дона. Межвузовский сборник научных трудов. Ростов-на-Дону, 1980.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань,1987.

Катунин В.А. Критерии выделения городов среди памятников салтовской культуры // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Материалы междунар. конф. к 100-летию И.В. Синицына. Саратов, 2000.

Ключников В.В., Иванов А.А. Исследования городища хазарского времени «Золотые Горки» в 2003 году // VI Донские археологические чтения. Ростов-на-Дону, 2004.

Кобищанов Ю.М. Полюдье и его трансформация при переходе от раннего к развитому феодальному государству // От доклассовых обществ к раннеклассовым. — М.: Наука,1987.

Кобищанов Ю.М. Полюдье: явление отечественной и всемирной истории цивилизаций. М.: РОСПЭН, 1995.

Ковалевская В.Б. Поселенческие структуры Северного Кавказа I–X веков по данным компьютерного картографирования // Поселение как исторический источник: теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии. Тез. докл. междунар. конф. М., 2008.

Колода В.В. Исследования 1997 г. в Верхнем Салтове // Археологічні откриття 1997–1998. Харьков, 1998*а*.

Колода В.В. Місце Вовчанського археологічного комплексу серед старожитностей салтівскої культури // Збірник наукових прац: історичні науки. Науковий вісник ХДПУ, Вип. 1. Харьков, 1998*б*.

Колода В.В. Раннесредневековые жилища Верхнего Салтова // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 1999*а*.

Колода В.В. Черная металлургия Днепро-Донского междуречья во второй половине I тыс. н.э. Харьков: РЦНИТ, 1999*б*.

Колода В.В. Житла раннього середньовіччя у Верхньому Салтові // Археологія. 4. Киев, 2000.

Колода В.В. Новые материалы к проблеме оседания средневековых кочевников: критерии выделения и подходы к решению (на примере исследования городища Мохнач) // Хазарский альманах. Т. 4. Харьков, 2005.

Колода В.В. Проблемы градообразования в раннесредневековых контактных зонах (на примере лесостепного региона Северского Донца) // Средневековый город юго-востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009.

Комар А.В. К вопросу о дате и этнокультурной принадлежности Шиловских курганов // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк (Украина), 2001.

Коновалова И.Г. Падение Хазарии в исторической памяти разных народов // Древнейшие государства Восточной Европы. 2001. М.: Восточная литература, 2003.

Котович В.Г. Из истории Дагестана (середина VII — первая половина VIII в.) // Новое в археологии Северного Кавказа. М.: Наука, 1986.

Кравченко Э.Е., Давыденко В.В. Сидоровское городище // Степи Европы в эпоху средневековья. Том 2. Донецк (Украина), 2001.

Красильников К.И. Крепости салтово-маяцкой культуры // АО-1984. М.: Наука, 1985.

Красильников К.И., Красильникова Л.И. Идентифицирующие признаки населения степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата // Хазары. 2. Москва–Иерусалим: Мосты культуры–Гешарим, 2010.

Круглов Е.В. Этапы обращения византийских монет VI–VIII веков в восточноевропейских степях и их датирующие возможности в памятниках археологии // Археологические записки. Вып. 4. Ростов-на-Дону: Донское археологическое общество, 2005.

Крыганов А.В. О результатах исследования Верхнесалтовского и Нетайловского памятников // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл. Харьков, 1997.

Крыганов А.В. Крупнейший город Хазарии // Проблемы истории и археологии Украины. Тезисы докл. Харьков, 1999.

Крыганов А.В. Состояние и задачи изучения Верхнесалтовского археологического памятника // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001*а*.

Крыганов А.В. Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры — остатки древнего хазарского города // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Донецк, 2001*б*.

Кызласов Л.Р. Первогорода древней Сибири (в бронзовом и раннем железном веках) // Вестник МГУ. Серия 8. История. № 3. М.,1999.

Ларенок П.А., Семёнов А.И. Саркел, Саркел, ещё Саркел…// Донская археология. № 3–4. Ростов-на-Дону, 1999.

Ллойд С. Археология Месопотамии. М.: Наука, 1984.

Лунин Б.А. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1926 г. Ростов-на-Дону: Изд. Северо-Кавказского бюро краеведения, 1928.

Ляпушкин И.И. Городище Новотроицкое // МИА № 74. М.–Л., 1958.

Магомедов М.Г. Верхнечирюртовский курганный могильник // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. МАД, т. № 7. Махачкала, 1977.

Магомедов М.Г. Образование Хазарского каганата. — М.: Наука, 1983.

Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994.

Майер В.Е. К истории взаимосвязи феодальной крепости и средневекового города Германии с X по XVI в. // Античный и средневековый город. Свердловск, 1981.

Майко В.В. Хазаро-русско-византийские отношения в середине X в. и Крымская Хазария // Stratum plus. №5. 2000.

Майко В.В. Памятники VII –X вв. Судакского района АР Крым (дополнение к археологической карте) // Хазарский альманах. Т. 6. Харьков, 2007.

Макарова Т.И. Раскопки около церкви Иоанна Предтечи // АО-1971. М., 1972.

Макарова Т.И. Боспор–Корчев по археологическим данным // Византийская Таврика. К., 1991.

Макарова Т.И. Археологические раскопки в Керчи около церкви Иоанна Предтечи // МАИЭТ. Том. VI. Симферополь, 1998.

Макарова Т.И. Боспор–Корчев // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII века. М., 2003.

Маргулан А.Х. Казахская юрта и её убранство. М.: Наука, 1964.

Марков Г.Е. Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.

Медведенко Н.А. История и археология Хазарского каганата в исследовании М.И. Артамонова. Воронеж: Истоки, 2006. (В приложении публикуются документы о научной деятельности М.И. Артамонова и его собственные рукописные материалы.)

Миланова А. Типология на укрепени селища в България под византийска власт (според лексика на византийски автори) // CIVITAS DIVINO-HUMANA в чест на професор Георги Бакалов. София, 2004.

Михайлов Ст. За някои характерни черти на българския средновековен град // Преслав, 3. Варна: «Георги Бакалов», 1983.

Михеев В.К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Михеев В.К. Салтовская культура населения Хазарского каганата // Ежегодн. междунар. междисциплинарн. конференция по иудаике. Часть 2. Академическая серия. Вып. 4. М., 1999.

Могаричёв Ю.М., Сазанов А.В. К вопросу о хазарах на Боспоре в конце VII — начале VIII в. // Боспорский феномен. Проблема соотношения письменных и археологических источников. СПб., 2005.

Могаричёв Ю.М., Сазанов А.В., Степанова Е.В., Шапошников А.А. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. Симферополь, 2009.

Моця А.П. Население Хазарского каганата в Юго-Восточном Крыму // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2004.

Науменко В.Е. Таврика в контексте византийско-хазарских отношений: опыт первых контактов // Хазарский альманах. Т. 3. Киев–Харьков, 2004.

Никифоров М.А. Торгово-ремесленный центр Юго-Восточного Крыма Сугдея в IX –XI вв. // XI Боспорские чтения. Керчь, 2010.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы. М.: Наука, 1990.

Обломский А.М. Верхнее Подонье в V в. н.э. как часть Гуннской державы // Археологическое изучение Центральной России. Тез. докл. научн. конф., посвящённой 100-летию со дня рождения В.П. Левенка. Липецк, 2006.

Овчаров Дм. Старобългарско крепостно строителство // Български средновековни градове и крепости. Т. I. Варна: «Георги Бакалов», 1981.

Овчаров Дм. Прабългарски култов паметник от Балчик // Археология. Кн. 2. 1986.

Оппенхейм А. Лео. Древняя Месопотамия. Портрет погибшей цивилизации. М.: Наука, 1980.

Пашкевич Г.А., Горбаненко С.А. К вопросу о земледелии племён салтовской культуры (по материалам поселения Рогалик) // Древности. 2004. Харьков, 2004.

Пантелеев С.А. Бугор Татарский — грунтовый могильник городища Мошаик. Исследования 2005 года // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 8. Волгоград, 2006.

Петрухин В.Я. Хазарский каганат и его соседи // История татар. Т. I. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002.

Петрухин В.Я. Хазарская дань и славяне: к истории тюрко-славянских отношений // Тюркологический сборник. 2003–2004. Тюркские народы в древности и средневековье. М., Восточная литература, 2005.

Петрухин В.Я. Славянские данники хазар: к истории Восточной Европы в IX в. // Древности эпохи средневековья евразийских степей. Воронеж, 2008.

Петрухин В.Я., Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Флёров В.С. «Хазарский проект»: новые исследования на юге Восточной Европы // Дивногорский сборник. Труды музея-заповедника «Дивногорье». Вып. 1. Археология. Воронеж, 2009.

Пигулевская Н.В. Города Ирана в раннем средневековье. М.–Л., 1956.

Пигулевская Н.В. Города Ближнего Востока в раннем Средневековье // ВДИ. 1. 1969.

Плетнёва С.А. Керамика Саркела–Белой Вежи // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. II. МИА № 75. М.–Л., 1959.

Плетнёва С.А. О построении кочевнического лагеря-вежи // СА. 1964. № 3.

Плетнёва С.А. От кочевий к городам. М.: Наука, 1967.

Плетнёва С.А. Кочевники Средневековья. М.: Наука, 1982.

Плетнёва С.А. Маяцкое городище // Маяцкое городище. Труды Советско-Болгаро-Венгерской экспедиции. М.: Наука, 1984.

Плетнёва С.А. Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М.: Наука, 1987.

Плетнёва С.А. На славяно-хазарском пограничье. М.: Наука, 1989.

Плетнёва С.А. Правобережное Цимлянское городище. Раскопки 1958–1959 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994.

Плетнёва С.А. Саркел и «Шёлковый путь». Воронеж, 1996.

Плетнёва С.А. Оборонительная стена в Таматархе–Тмутаракани // Историко-археологический альманах. Вып. 6. Армавир, 2000.

Плетнёва С.А. Города в Хазарском каганате (доклад к постановке проблемы) // Хазарский альманах. Том 1. Харьков: Каравелла, 2002.

Плетнёва С.А. Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья. IV–XIII вв. Воронеж, 2003.

Плетнёва С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж, 2006.

Поляк А.Н. Восточная Европа IX–X веков в представлении Востока // Славяне и их соседи. Вып. 10. М.: Наука, 2001.

Попов П.В. Лепные котлы Самосдельского городища и проблема их этнической интерпретации // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк (Украина), 2009.

Попов Стоян. Укрепената владетелска резиденция в средновековния град от днешните български земи (XII –XIV в.) –възникване и развитие // Приноси към българската археология. Т. VI. София: ИВРАЙ, 2009.

Приймак В.В. Исторические события и археологические реалии Днепровского левобережья VIII в. // Археология Центрального Черноземья и сопредельных территорий. Липецк, 1999.

Прокопий Кесарийский. Война с готами. О постройках. Перевод: С.П.Кондратьев. М.: ВИКА-пресс, 1996.

Прокофьев Р.В. Раскопки древнерусского поселения на Северском Донце. Предварительные итоги // Археологические записки. Вып. 4. Донское археологическое общество. Ростов-на-Дону, 2005.

Пряхин А.Д., Беседин В.И., Разуваев Ю.Д., Цыбин М.В. Вантит. Изучение микрорегиона памятников у северной окраины г. Воронежа. Вып. 1. Воронеж, 1997.

Равич И.Г., Флёров В.С. Горячекованые высокооловянные восточные бронзы на территории Хазарии // РА. 2000. № 3.

Рашев Р. Старобългарски укрепления на Долния Дунав (VII –XI в.) София: «Георги Бакалов», 1982

Рашев Р. Прабългарите и Българского ханство на Дунав. София, 2001.

Рашев Р. Цар Симеон. Щрихи към личността и делото му. София: Фабер, 2007.

Рашев Р. Българската езическа култура VII –IX век. София, 2008.

Рашев Р., Димитров Я. Плиска.100 години археологически разкопки. Шумен, 1999.

Ромашов С.А. Территория Хазарского каганата в период расцвета (VIII–IX вв.) // Archivum Eurasiae medii aevi. 12 (2002–2003). Wiesbaden, 2003.

Ромашов С.А. Города Хазарского каганата // Archivum Eurasiae medii aevi. 13 (2002–2003). Wiesbaden, 2004.

Рыблова М.А. Традиционные поселения и жилища донских казаков. Волгоград, 2002.

Рабовянов Д. За появата на крепостите от групата Цар Асен // Проблеми на прабългарската история и култура. 4–2. София, 2007.

Савченко Е.И. Крымский могильник // АОН. Вып. 1. М.: Наука, 1986.

Сазанов А.В., Могаричёв Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII — начале VIII в. Проблема «хазарских слоёв» Керчи // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М. –Магнитогорск, 2003.

Сазанов А.В., Могаричёв Ю.М. Боспор и Хазарский каганат в конце VII — начале VIII в. (по данным письменных источников) // Северное Причерноморье в эпоху античности и средневековья. Тр. ГИМ. Вып. 159. М., 2006.

Свистун Г.Е., Чендев Ю.Г. Восточный участок обороны Мохначанского городища и его природное окружение в древности // Археологічний літопис Лівобережної України, 2. Полтава, 2002.

Семёнов И.Г. История стран и народов Западного Прикаспия. Казань: Тан-Заря, 1994.

Семёнов И.Г. К вопросу об исторической географии Хазарии // Сборник Русского исторического общества. Том 4 (152). От Тмутороканя до Тамани. М.: Русская панорама, 2002.

Смилянская И.М. Социально-экономическая структура стран Ближнего Востока на рубеже нового времени (на материалах Сирии, Ливана и Палестины). М., 1979.

Сорочан С.Б. Византия и хазары в Таврике: господство или кондоминиум? // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XII. М.–Магнитогорск, 2002.

Сорочан С.Б. Больница в раннесредневековом Херсонесе // Древности. 2004. Харьков, 2004*а*.

Сорочан С.Б. Об opus spicatum и населении раннесредневековой Таврики // Хазарский альманах. Т. 3. Харьков, 2004*б*.

Сорочан С.Б. Сугдея в «тёмные века» // Сугдейский сборник. Киев–Судак: Академпериодика, 2004*в*.

Сорочан С.Б. Византийский Херсонес. Очерки истории и культуры. Харьков, 2005.

Сорочан С.Б. Ещё раз о тудуне Херсона и статусе Боспора и Фанагории в начале VIII в. // Хазарский альманах. Т. 6. Харьков, 2007.

Сорочан С.Б. Декларация или факты? О некоторых новшествах в изучении христианской топографии византийского Херсона // Сугдейский сборник. Вып. IV. Киев–Судак, 2010.

Степанов Цв. Цивилизационно равнище на българите до X век: другите за нас и ние за себе си // История на българите. Изкривявания и фалшификации. Част I. София, 2002.

Станилов Ст. Селища и аули (Някои въпроси на преселването и усядането на прабългарите на Долния Дунав VII–VIII в.) // Сборник в памет на проф. Станчо Ваклинов. София, 1984.

Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. Серия «Археология СССР».

Сухобоков О.В. Тюркомовні народи в історії населення лівобережнодніпровської лісостепової України (археологічний аспект) // Хазарский альманах. Т. 3. Харьков, 2004.

Токаренко С.Ф. Технология изготовления кирпичей Семикаракорской крепости. Опыт реконструкции // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк (Украина), 2009.

Толочко П.П. Миф о хазаро-иудейском основании Киева // РА. 2001. № 2.

Торбатов С. Укрепителната система на провинция Скития (края на III — VII в.). В.Търново: Фабер, 2002.

Тортика А.А. Река «Буртас» средневековых восточных авторов: проблема локализации и идентификации // Хазарский альманах. Т. 3. Харьков, 2004.

Тортика А.А. Лесостепное Подонье — Придонечье и Горный Крым в хазарское время // МАИЭТ. Т. XI. Симферополь, 2005.

Тортика А.А. Северо-Западная Хазария в контексте истории Восточной Европы. Харьков, 2006.

Туаллагов А.А. Курганное аланское погребение у сел. Брут (Северная Осетия) // Археологический журнал. 2008. № 2. Армавир.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и её территория. Казань, 1975.

Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М.: Наука, 1984.

Флёров В.С. Лощеная керамика Саркела–Белой Вежи // СА. 1976. № 2.

Флёров В.С. К вопросу о социальной дифференциации в Хазарском каганате // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Тез. докл. конф. Пенза, 1990.

Флёров В.С. К вопросу о социальном строе в Хазарском каганате (по материалам Маяцкого могильника) // Социальная дифференциация общества: Поиски археологических критериев. М., 1993.

Флёров В.С. Верхне-Ольшанское городище и проблемы методики раскопок белокаменных крепостей салтово-маяцкой культуры // Историко-культурное наследие. Памятники археологии Центральной России: охранное изучение и музеефикация. Рязань, 1994*а*.

Флёров В.С. Правобережное Цимлянское городище в свете раскопок 1987–1988, 1999 гг. // МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994*б*.

Флёров В.С. Общинное хранилище (к проблеме социальных отношений в Хазарском каганате) // Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. Тез.докл. междунар. конф. Самара, 1995.

Флёров В.С. Правобережная Цимлянская крепость (проблемы планиграфии и стратиграфии) // РА. 1996. № 1.

Флёров В.С. Коллоквиум «Хазары» и Краткая еврейская энциклопедия о хазарах // РА. 2000. № 3.

Флёров В.С. «Семикаракоры» — крепость Хазарского каганата на Нижнем Дону // РА. № 2. 2001.

Флёров В.С. Крепости Хазарии в долине Нижнего Дона (этюд к теме фортификации) // Хазарский альманах. Т. 1. Харьков, 2002.

Флёров В.С. Были ли в Хазарском каганате города? Археологический аспект проблемы // Тюркологический сборник. 2003–2004. М.: Восточная литература, 2005.

Флёров В.С. «Хазарские города». Что это такое? // Проблеми на история и култура. 4–1. София, 2007.

Флёров В.С. Хазарский каганат: крепости, значительные населенные места или города? // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии). Тез. Междунар. научн. конф. М.: Институт археологии РАН, 2008.

Флёров В.С. Семикаракорская крепость Хазарского каганата: строительство из сырцового кирпича, технология, сроки // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк (Украина), 2009*а*.

Флёров В.С. Обожжённые кирпичи Семикаракорской крепости и Саркела (опыт статистики размеров) // Степи Европы в эпоху Средневековья. Т. 7. Хазарское время. Донецк (Украина), 2009*б*.

Флёров В.С., Флёрова В.Е. Правобережная Цимлянская и Маяцкая крепости: сравнение планов и технологий // Восточнославянский мир Днепро-Донского междуречья и кочевники южно-русских степей в эпоху раннего средневековья. Материалы научн. конф. Воронеж: Истоки, 2008.

Флёров В.С., Чхаидзе В.Н. Глиняный жертвенник начала VIII в. из Фанагории // VIII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Святилища и сакральные объекты. Керчь, 2007.

Флёрова В.Е. Граффити Хазарии. М.: Эдиториал УРСС, 1997.

Флёрова В.Е. Резная кость Восточной Европы IX–XII века. Искусство и ремесло (По материалам Саркела–Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа). СПб.: Алетейя, 2001*а*.

Флёрова В.Е. Согдийское ремесло и кочевники VII–VIII вв.: о происхождении накладок из Шиловского кургана // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001*б*.

Флёрова В.Е. Подкурганные погребения восточноевропейских степей и пути сложения культуры Хазарии // Степи Европы в эпоху средневековья. Т. 2. Хазарское время. Донецк (Украина), 2001*в*.

Флёрова В.Е., Флёров В.С. Котлы с внутренними ушками: вопросы, вопросы // Биляр и Волжская Болгария. Изучение и охрана археологических памятников. Тезисы конференции. Казань, 1997.

Флёрова В.Е., Флёров В.С. Дагестанский вариант салтово-маяцкой культуры: правомерность выделения // XXI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Кисловодск, 2000.

Халиков А.Х. История изучения Билярского городища и его историческая топография // Исследования Великого города. М.: Наука, 1976.

Харузин Н.Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. М., 1896.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран. Баку: Эли, 1986. Перевод и комментарии Н. Велихановой.

Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 // МАИЭТ. Вып. 6. Симферополь, 1998.

Цимлянское, водораздельные и манычские водохранилища. Л.: Гидрометеоиздат, 1977.

Чернигова Н.В. Материалы к характеристике Верхнесалтовского археологического комплекса VIII–X вв. (селище у с. Нетайловка) // Вісник Харківського держ. університету. Історія. Вип. 30. Харків, 1998.

Чернигова Н.В. Исследование Верхнесалтовского городища в 1997–1998 гг. // Древности. 1997–1998. Харьков, 1999.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.

Чхаидзе В.Н. Таматарха — крепость Хазарского каганата // Евразия. Этнокультурное взаимодействие и исторические судьбы. Тезисы докл. М., 2004.

Чхаидзе В.Н. Тмутаракань (80-е гг. X в. — 90-е гг. XI в.): очерки историографии // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 6. Армавир, 2006.

Чхаидзе В.Н. Таматарха. Раннесредневековый город на Таманском полуострове. М., ТАУС, 2008.

Шишлина Н.И. Новые данные о резервуарном эффекте в Прикаспии (по материалам современных и археологических образцов) // Проблемы и периодизация археологических памятников и культур Северного Кавказа. XXVI «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Магас (Республика Ингушетия), 2010.

Щеблыкин И.Н. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943.

Якименко Е.В. Исследования Воронежского областного краеведческого музея на Ольшанском археологическом комплексе салтово-маяцкой культуры в 1988–1992 гг. // Тр. Воронежского областного краеведческого музея. Вып. 2. Воронеж, 1994.

Сокращения

АО	Археологические открытия (Москва)
АОН	Археологические открытия на новостройках (Москва)
ВДИ	Вестник древней истории (Москва)
ВИАВ	Воронежский историко-архивный вестник (Россия. Воронеж)
ИИМШ	Известия на Историческия музей Шумен (България)
КСИА	Краткие сообщения Института археологии (Москва)
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры (Москва)
ЛГУ	Ленинградский государственный университет
МАД	Материалы по археологии Дагестана (Махачкала)
МАИЭТ	Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии (Симферополь, Крым)
МГУ	Московский государственный университет
МИА	Материалы и исследования по археологии СССР (Москва–Ленинград)
РА	Российская археология (Москва)
СА	Советская археология (Москва)
Тр. ВДАЭ	Труды Волго-Донской археологической экспедиции
ХДПУ	Харьковский державный педагогический университет (Украина, Харьков)

Вместо послесловия

В.Я. Петрухин

ПРОБЛЕМЫ ХАЗАРСКИХ ГОРОДОВ И ПРОЦЕССОВ УРБАНИЗАЦИИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ*

Десятилетняя совместная работы автора этих строк и В.С. Флёрова в рамках «Хазарского проекта» (о нём немало говорится в книге) продемонстрировала насущность одной проблемы: коллеги историки и филологи постоянно требуют от археологов данных, которые можно было бы соотнести с информацией письменных источников. Это требование мы услышали и в отношении того, что можно именовать хазарскими городами, при подготовке очередного тома «Хазары: миф и история», выходящего одновременно с книгой В.С.Флёрова в издательстве «Мосты культуры-Гешарим».

Книга Флёрова призвана ответить на эти насущные вопросы, опираясь на доступный ныне материал. Автор является не только самым авторитетным на сегодняшний день исследователем хазарских поселений, но и координатором той работы, которую коллектив специалистов стремится наладить в рамках «Хазарского проекта» (Аржанцева, Петрухин, Флёров, 2009): создать свод поселенческих памятников салтово-маяцкой культуры, а вместе с этим определить уровень их социально-экономического развития — проблема, которая неоднократно обсуждалась на международных конференциях и встречах (материалы одного из первых таких обсуждений опубликованы в первом томе «Хазарского альманаха», Харьков, 2002).

Естественно, внимание к историческим понятиям «город», «замок», «государство» всегда было традиционно для археео-

* Авторская работа поддержана Программой ОИФН РАН «Аланы, хазары и Русь: этнокультурные взаимосвязи народов Восточной Европы в раннем средневековье».

логии. Не случайно В.С. Флёров приводит примеры постановки этих проблем для ряда регионов мира в различные эпохи. Столь же естественно, что в советской медиевистике эти понятия основывались на «формационном подходе»: Средневековье было эпохой феодальной формации, значит, Хазария, как и Русь, должны были быть феодальными государствами. «Отставание» от Западной Европы (прежде всего, Руси) не допускалось, поэтому в Восточной Европе должны были быть свои феодальные города и замки, рвы которых были «могилой родового строя». М.И. Артамонов и С.А. Плетнёва следовали стереотипам официозной историографии, и современная наука вынуждена бороться с этими стереотипами*. При работе с археологическими источниками борьба осложняется тем, что сложен и сам перевод археологических реалий или «признаков» города, государства на язык политэкономических категорий. В дискуссии, которая ведется в отечественной науке по поводу становления города на Руси с 1970-х гг. (ср. Петрухин, Пушкина, 1979 и полемику с этими авторами — Носов, 2005, Толочко, 2010 и др.), выяснилось, что и доминантный с точки зрения русской этимологии «признак» города как укрепленного (огражденного) поселения нерелевантен, ибо древнейшие, начиная с Ладоги, поселения с «признаками» международной торговли и специализированного ремесла не имеют выраженных укреплений (для них был предложен термин ОТРП — открытые торгово-ремесленные поселения). Я предполагал, что эти пункты в древности были погостами, центрами сбора дани дружиной (в средние века они превратились в сельские административные центры). Не вполне релевантен (в связи с Хазарским каганатом об этом пишет Флёров, равно как Руси и даже Византии) и «классический признак» городского хозяйства — отделение ремесла от сельского хозяйства**, ибо древнерусские города, как и погосты, привязаны к собственным пашням и выпасам скота (оболонь). Пожалуй, наиболее существен в типологическом отношении образец

* Формационный подход остаётся устойчивым и в современной исторической науке, ср. Толочко 2007, из работ, специально разбираемых Флёровым, — Гутнов, 2007. О феодальной формации см. ниже.

** Ср. попытку обнаружить археологические признаки этого разделения на болгарском материале с позиций формационного подхода: Хенинг, 1982.

Византии, где в результате синойкизма поселений различного типа — городов (крепостей) и деревень возникли образования, именовавшиеся «деревнегород» (χωρόπολιν), застроенный крестьянскими домами и т.п. (Курбатов, Лебедева, 1986: 178–188).

Остается «абстрактный», но вполне ощутимый археологически, политэкономический признак города как центра перераспределения прибавочного продукта (несводимого только к перераспределению продукции сельского хозяйства — ср. Носов, 2005: 32) О нём пишет и В.С.Флёров в связи с работами О.Г. Большакова. Наиболее очевидно этот прибавочный продукт представлен в Хазарии (равно как на Руси и в Северной Европе) монетным серебром, получаемым в Европе из Халифата.

Давно отмечено, что Хазария несравненно беднее кладами монет, чем Русь и Скандинавия. В этих регионах, в отличие от регионов с давно развитой «имперской» рыночной экономикой, не существовало собственно монетного обращения: восприятие монетных находок как свидетельства товаро-денежных отношений приводило к многочисленным историографическим недоразумениям, к каковым следует отнести и знаменитую теорию торговых городов В.О. Ключевского. В отношении Хазарского каганата эти недоразумения подкреплялись историографическими фантомами, вроде активности «еврейского торгового капитала» (вплоть до популярных работ С.А. Плетнёвой), «паразитирования» каганата при посредстве таможенных сборов на международных коммуникациях, трансконтинентального пути «из немец в хазары», который должен был функционировать, связывая Регенсбург, Киев и Итиль чуть ли не с VIII в. Об этом специально пишет В.С. Флёров, замечая, между прочим, что серебро использовалось для производства парадного убора — и это было формой перераспределения прибавочного продукта. Археологически эта функция перераспределения богатств, в отдельных случаях связанная с административной функцией, скорее может быть обнаружена на материале некрополей, чем на материале поселений.

Ещё одно очевидное свидетельство для археологии материализации прибавочного продукта — наличие укреплений, особенно когда нанимались иностранные мастера, как это было в случае с Саркелом: хазарский государственный, идущий от хакана и бека, заказ на строительство его греками был документирован

Константином Багрянородным (DAI, 42). Крепость отнюдь не обязательно должна была иметь какие-либо иные специализированные городские признаки: скептицизм Флёрова в отношении историографической конструкции С.А. Плетнёвой, наделяющей Саркел функцией караван-сарая на Шелковом пути, представляется в этом отношении обоснованным. Саркел именуется у Константина «крепостью» — κάστρον, но так же именуется у него и Херсонес (а также Киев и Смоленск): византинисты (Шувалов, 1986; Dunn, 1994) заметили, что к X в. многие византийские города превращаются в крепость и соответствующий термин заменяет традиционное обозначение — полис.

Существеннее, однако, иная проблема: один город, даже столичный (функции хазарской столицы Итиля Флёров разбирает подробно)*, может не обладать полным набором функций — «признаков», которых ожидают от «настоящего города» исследователи. Таким набором функций, опять-таки с точки зрения политэкономической науки, обладает *городская сеть* с поселениями, наделенными специализированными функциями (торговых/ремесленных или административных, культовых и т.п. центров — см. Ильин, 1979; Петрухин, 2009).

Одна из проблем, поднимаемая в связи с этим В.С.Флёровым — взаимодействия сети поселений Хазарии с сетью заведомо городских поселений Византии и Халифата**. И торговые связи, и стремление к господству над древними городскими центрами Причерноморья (ср. предположения о «кондоминиуме» хазар и греков в византийских городах вплоть до Херсонеса) заставляют предполагать знакомство хазар со средневековым городским правом. В описании маршрутов иудейских купцов *ар-разанийа* хазарский *город* Хамлидж упомянут в одном контексте с другими населенными пунктами, включая Рей, Багдад, которые едва ли можно лишить городского статуса (см. недавнее комментированное издание — Хрестоматия: 31,35). Замечу, что уже первый договор Руси с греками (907/911 г.) предполагал разверстку дани

* Не меньше дискуссий порождает и проблема расположения и истории ранней столицы Хазарии – Беленджера (ср. Магмедов 1994: 54–68; Гмыря, 1995: 150–156).

** Ранним центром такого взаимодействия был Дербент: ср. Кудрявцев, 2003; ср. о взаимодействии сети иранских («сасанидо-албанских») городов и хазарских поселений Магомедов, 1994.

(«укладов») по русским городам (ПВЛ: 418); то же относится и к присутствию иноверцев на поселениях Хазарии — дело отнюдь не в специфической веротерпимости хазар, а в знакомстве с традициями имперского права. В.С. Флёров прав, подчеркивая, что эти политэкономические и юридические проблемы — не предмет археологии, он анализирует материал с позиций «археологического источниковедения», хотя с его мнением об «исчерпанности потенциала» письменных источников по проблеме городов можно не соглашаться (в том числе, в перспективе междисциплинарных исследований). Смысл и ценность его работы — в систематическом и критическом обзоре того археологического материала, без которого уже не могут обойтись представители смежных специальностей. Здесь немало как редакционных, так и содержательных проблем, разрешить которые можно лишь в своде памятников салтово-маяцкой культуры.

Справедливы экскурсы В.С.Флёрова о количественных показателях древних и средневековых авторов — ещё филолог-античник Ф.Ф.Зелинский писал, что они «щедры на нули»: некоторые математические мифы обрели жизнь в современной историографии. Так, всерьез воспринимаются рассказы о переселении десятков тысяч еврейских семей в Армению и Иран, известие ал-Куфи о пленении Марваном 20 тысяч славянских семей во время хазарской войны, что позволяет заселить славянами всю Хазарию вместе с Поволжьем и Северным Кавказом и т.п. (не только в квазинаучных конструкциях Е. Галкиной). Для более поздней степной проблематики существеннее, что 10 тысяч — распространенное в средние века обозначение боевой единицы, ср. монгольский *тумен* и древнерусскую тьму (10 тыс. воинов).

Существенна для проблематики книги информация русской Начальной летописи о походе князя Святослава на хазар (965 г.): в отношении хазарских поселений летописец XI в. (во вставном тексте, разрывающем рассказ о походе русского князя на вятичей) именует хазарские поселения «градами» — «иде Святославъ на козары…и градъ их и Бѣлу вежю взя» (ПВЛ: 31). Из синтаксиса фразы неясно, взял ли князь столицу — Град — Итиль *и* крепость Саркел (точно поименованную по-русски Белой Вежей), или термин *град* приложим к хазарской крепости. Далее в рассказе о походе князя на Балканы термин град/город прилагается

уже к поселениям на Дунае: «и взя городъ 80 по Дунаеви, и сѣде княжа ту въ Переяславци, емля дань на грьцѣх»; Переяславец — новая столица Святослава — также именуется градом*.

Впрочем, именно лексика естественного (русского) языка столь же естественно порождает в концепциях исследователей и переводчиков древних текстов «города», «замки» и т.п. (ср. Гмыря, 1995: 151–154)**. Заметим, что и на Руси не существовало замков, ибо дележ прибавочного продукта происходил в городах (как в Киеве, так и в Новгороде), с замками ассоциируются древнерусские «владельческие села», иногда укрепленные (ср. Поляков, 2005), но «феодальная» верхушка и князья тянулись к городам. Можно предполагать, что сходной была ситуация в Хазарии, и скепсис Флёрова в отношении такого конструкта, как «кочевой замок»***, следует считать справедливым.

К сфере естественного языка стал относиться и термин «феодализм», обозначающий собственность на землю государственной элиты, собирающей дань (феоды/лены, состоящие из даней, по Марксу): по инициативе А.Я. Гуревича была проведена дискуссия о применимости термина феодализм для средневековых социальных отношений (см. «Одиссей», 2006), большая часть исследователей отказалась признать за этим термином универсальный характер — формационное обозначение способа производства (хотя модификации этого термина, призванные обозначить региональную специфику формации — «кочевой феодализм», «горский феодализм» существуют в отечественной историографии). Впрочем, этимологические игры с социальной терминологией популярны в современной историографии: считается даже, что в древней Руси не было государства, так как термин *государь* распространился лишь в XV в. Эти проблемы так или иначе затрагиваются в заключительной части книги

* Ср. к проблеме преемственности византийского и болгарского города в «византийской Болгарии»: Миланова, 2007.

** Актуальным для городской проблематики представляется обращение к сравнительному анализу тюркской поселенческой лексики, уже осуществленному отечественными лингвистами — см. Лексика, 2001: 492 и сл.

*** Вероятно, на характеристику укреплений как «кочевого замка» повлияло описании Ибн ал-Асиром осады Беленджера, который население окружило тремя сотнями повозок, по кочевому обычаю (Гмыря, 1995: 154).

В.С.Флёрова, и автор прав, обнаруживая слабую аргументированность формационных историографических конструкций (*феодализм, феодальное государство, феодальные замки*), но отказываясь от решительных выводов по столь дискуссионным проблемам на весьма ограниченном материале*.

Монография В.С.Флёрова, безусловно, является важным шагом в развитии археологического источниковедения в области такой комплексной проблемы, как поселенческая археология.

Литература

Аржанцева, Петрухин, Флёров 2009 — Ирина Аржанцева, Владимир Петрухин, Валерий Флёров. К итогам и перспективам работы «Хазарского проекта» (2000–2008) // Евроазиатский еврейский ежегодник, 5769 (2008/2009) год / [гл. ред. М. Членов]. — М., 2009. С. 39–51.

Гмыря 1995 — Гмыря Л.Б. Страна гуннов у Каспийских ворот. Махачкала, 1995.

Ильин 1979 — Ильин П.М. Функции городов и развитие сети городских поселений СССР. Киев, 1979.

Кудрявцев 2003 — Кудрявцев А.А. Пути развития северокавказского города (по материалам Дербента домонгольской поры). 2003.

Курбатов, Лебедева 1986 — Курбатов Г.Л., Лебедева Г.Е. Город и государство в Византии конца IX–XI вв.// Становление и развитие раннеклассовых обществ: город и государство. Л., 1986.

Лексика 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М., 2001.

Магомедов 1994 — Магомедов М.Г. Хазары на Кавказе. Махачкала, 1994.

Миланова 2007 — Миланова А. Градът във византийска България (XI–XII вв.): преемственост и промяна // Средневековен урбанизъм: памят — сакралност — традиции. Под редакцията на Г. Казаков и Ц.Степанов. София, 2007.

* Дискуссионность касается не только перечисленных общих формационных проблем: дискуссионны и собственно археологические проблемы практически на каждом поселении хазарского времени (ни одно из которых не раскопано полностью). Эти проблемы более или менее подробно разбираются в книге, особенно в отношении боспорских и крымских городов (в связи с недавней монографией — Могаричев и др., 2007); к ним «примыкает» проблематика, связанная с «пещерными городами» Крыма (см. Проблемы истории, 1992 и др.).

Могаричев и др. 2007 — Могаричев Ю.М., Сазанов А.В., Шапошников А.К. Житие Иоанна Готского в контексте истории Крыма «хазарского периода». Симферополь, 2007.

Носов 2005 — Носов Е.Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья// Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. СПб., 2005.

ПВЛ — Повесть временных лет. Изд. 2-е. СПб., 1996.

Петрухин 2009 — Петрухин В.Я. Хазария, Русь и славяне: становление городской сети и контроль над международными коммуникациями // Международные отношения в бассейне Черного моря в скифо-античное и хазарское время : сб. ст. по материалам XII междунар. науч. конф. [отв. ред. В. П. Копылов]. — Ростов н/Д : Медиа-Полис 2009. — С. 208–214.

Петрухин, Пушкина 1979 — Петрухин В.Я., Пушкина Т.А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 100–112.

Поляков 2005 — Поляков Г.П. Села-замки Древней Руси XI–XIII вв. Брянск, 2005.

Проблемы истории 1992 — Проблемы истории «пещерных городов» в Крыму. Симферополь, 1992.

Толочко 2007 — Толочко П.П. Археология и древняя история (в защиту исторического марксизма). Киев, 2007.

Толочко 2010 — Толочко П.П. Еще раз о проблеме становления древнерусских городов // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб., 2010.

Хенинг 1982 — Хенинг Й. Археологически проучвания за разделението на труда между града и селото по времето на Първата Българска държава // Първи Международен Конгрес по българистика. Симпозиум «Славяни и прабългари». София, 1982. С. 182–199.

Хрестоматия — Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия / Рос. акад. наук, Ин-т всеобщ. истории ; под ред. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коноваловой и А.В. Подосинова. — М. : Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. — Т. III : Восточные источники.

Шувалов 1986 — Шувалов П.В. Анализ терминологии, как метод исследования истории текста (на примере изображения города в сочинениях Константина Багрянородного) // Проблемы социальной истории и культуры Средних веков. Л., 1986.

DAI — Константин Багрянородный. Об управлении империей. Под ред. Г.Г. Литаврина и А.П. Новосельцева. М., 1991.

Dunn 1994 — Dunn A. The transition from *polis* to *kastron* in the Balkans (III-VII c.): general and regional perspectives// Byzantine and Modern Greek Studies 18,1994.

Summary

V.S. Flyorov

«TOWNS» AND «CASTLES» IN THE KHAZAR KAGANATE ARCHEOLOGICAL REALITY

THE TERM «TOWN»: WHAT DOES IT MEAN?

The term «*город*/town» (the words *городить, ограждать деревянной крепостной стеною*, which mean to fence, surround with a wooden fortress wall) has a very vague meaning in Russian. It is used for historical settlements with fortifications or without them. It does not reflect the chronology, the size, the economy, the composition of the population and other characteristics of a settlement.

The term «*город*» has become firmly established in archaeological and historical literature for the description of the sites of ancient settlements of the Khazar kaganate. To what degree is it substantiated by the excavation materials? In the book the author comes to a negative answer: there were no towns in the Khazar kaganate.

V.S. Flyorov sees the solution of the problem of a town in Khazaria in a thorough research of the archaeological material of the kaganate monuments which may seem to have the status of a town. Generally the program of the study is formulated as follows: *a town or something else.* For Khazaria it can be done on the basis of settlement plans, the types of structures, the sizes of fortifications, and the presence of artisan production.

The problem of a “Khazar town” was introduced into the khazar studies by S.A. Pletneva in the book «От кочевий к городам / From the nomads’ camps to towns» (Плетнёва С.А., 1967). The title reflects the straight forwardness of the scheme of the kaganate development. Pletneva has considered as towns Itil, Sarkel, Semikarakory, Semender and “others that have not been studied” (Плетнёва С.А.,

1967, c.44-48). Later the list was changed, and Semikarakory was excluded (Плетнёва С.А., 1987, 2002). Her terminology is not stable: town, a provincial border small town, a steppe town, etc.

V.S. Flyorov mainly considers the sites of ancient settlements – a stone and brick fortification of Don – Seversky Donets basin, where the culture of the Khazar kaganate, that is Saltovo-Mayatsky culture, had formed and developed in its pure shape. Exactly for this region the question of Khazaria "towns" must be solved. The monuments of the Crimea, Dagestan, and Chechnia are also used, for which one may come across the definition "a town of Khazaria".

In the quest of khazar towns two features are taken into account: 1. *The architectural and planning aspect*. It *archaeologically* (up to visualization) distinguishes a town from a village/hamlet. The social structure of the urban population, its composition and organization is reflected in it. After all the character of the settlement as that of a *town* (not a village!) was determined neither by the houses of the nobility/aristocracy, nor by cult buildings, but by the type of the houses of the ordinary populace with its way of life and occupations. 2. *The structure.* The feature is not simple. It is not clear what must be included into the composition of a "town", only the sites or the adjoining open settlements together with them. Some authors are beginning to toy with the term «посад»/suburb.

THE DON – SEVERSKY DONETS BASIN

The sites that have been studied, which earlier were called "towns" or "castles" are not such: Sarkel – Belaya Vezha, Semikarakory, Pravoberezhnoye Tsymlyanskoye, Mayatskoye, Verghni Olshan, Verchneye Saltovo, Mayaki. There are ordinary houses, semi-dugouts or yurt-type ones at all of them, there is no street planning, and agriculture prevails. There are no archaeological features of a town. Here are some examples.

Sarkel (Ill.1, 2). As a rule M.I. Artamonov called Sarkel a fortress and not a town (Артамонов М.И., 1958). S.A. Pletneva called Sarkel a town or a small town, and then caravanserai. Sarkel (the Levoberezhnoye Tsymlyanskoye site) is a tiny brick fort, 178.6 x 117.8 m along the inner perimeter. The houses have no characteristics distinguishing them from those known from rural settlements. The material culture, too, has nothing special about it. The brick rooms

inside the fort are hardly suitable to live in, especially in winter. Most probably they are store-houses for provisions in case of a siege and arsenals.

The excavations have given no reason to suppose that the main function of Sarkel was "commercial and customs activity", which S.A.Pletneva ascribed to it.

Semikarakory (Ill.3, 4) is a fortress made of adobe with structures of baked brick. Probably, it was the residence of the kagans (Флёров В.С., 2001, 2009а, 2009б). The considerable part of the fortress is not built.

Verhnee Saltovo (Ill.17). D.T. Berezovets (Археология УРСР, 1975, с.422) was one of the first to have written about it as a "town", later A.V. Kryganov (2001a, c. 102) tried to prove it. His description is an unreliable supposition with the predominance of emotion. He called the monument an "administrative and commercial centre" in the north-west of kaganate (Крыганов А.В., 1997, с.57). V.S. Flyorov considers the site to have been an ordinary fortress with adjoining settlements. It is badly explored. The size of the settlements and the burial ground are not known.

About the term "prototown". The question about it was put forward by V.V. Koloda (2009); he admitted that the existence of towns in the Khazar kaganate was open to question. According to Koloda, Verkhni Saltov, Chuguevskoye, Mokhnach, Korobovy Khutora, Sukhaya Gomolsha, Sidorovskoye, Mayaki, Yutanovskoye, Mayatskoye were prototowns. V.S. Flyorov thinks it to be a "game of terms". There is no sense to raise the question about the "prototowns" in the Khazar kaganate, because not a single one of the listed places had become a town.

"CASTLES" OR SOMETHING ELSE

In her book "From nomads' camps to towns" S.A.Pletneva expressed an opinion that six settlements with earthen ramparts – "these big fenced settlements can be considered to be one of the primary forms of the *"feudal nomadic castles"* (Плетнева С.А., 1967, с.24) as well as 12 fortresses of white stones, including the Pravoberezhnaya Tsymlyanskaya one. However, these monuments have nothing to indicate the presence of the feudal class. Some have not been excavated at all. The burial grounds of the kaganate are the evidence of very inconsiderable property stratification. The notion "castle" (*das Schlo*β in Ger-

man) has entered our country's historiography from West European studies of the Middle Ages, but it should be taken into account that social processes have gone along a different way in Europe.

ITIL

It remains unclear where Itil was. The author has tried to reconstruct how it looked on the basis of the sources of the "Caspian code" by B.N. Zakhoder. It has turned out that it is impossible to calculate its sizes, the number of the population, including the Christians, Moslems and Jews. There is no initial data to reconstruct the "palace". If an attempt is to be made to recreate a model of Itil in a verbal or graphic way it will hardly be possible to get anything integral on the basis of contradictory and fragmentary information. The conclusion made half a century ago still remains valid: "Many essential questions of the topography and history of Itil cannot be solved even in the form of a hypothesis, and it is not known whether the materials necessary for solving them will ever be found" (Заходер Б.Н., 1963, с.198). Zakhoder's remark is correct: Itil is a large populated place with the *beginnings* (not more!) of urban life and the predominance of agriculture. The remains of Itil are claimed by the site of Samosdelka in the Volga Delta.

Samosdelka. The author has used nearly all publications about the site (Васильев Д.В., Гречкина Т.Ю., Зиливинская Э.Д., 2003, с.106; Зиливинская Э.Д., 2007, 2010; Зиливинская Э.Д, Васильев Д.В., 2008, 2009) and has come to the following conclusion: it has not been studied sufficiently to draw any conclusions. There are no statistics about the size of bricks to compare them with the bricks of Sarkel. The date of founding is not established. The methods of excavations are not satisfactory, and the ceramics is not treated.

KHUMARA

It is the biggest fortress of the Khazar kaganate (Ill.20-22). Khumara could be considered a town, but the nearly complete lack of the study of the inner space is an obstacle to it. There is no data about the remains of solid structures, and the few ones that are excavated are ordinary semi-dugouts.

DAGESTAN

Belendjer and Semender have not yet been found. Probably, they were "large populated places" with simple dwellings and a rural population.

Verkhni Chir-Yurt (Ill.24). The site is not explored. The purpose of the stone wall was dam the valley of the Sulak River.

Andrey-aul (Ill.25). An open settlement founded in the beginning of the common era adjoins the site. Compared with the total area of the monument the explored parts are microscopic (Атаев Д.М., Магомедов М.Г., 1974). There is no information about either the structure of the site on the whole, or about the purpose of its separate parts. The planning and the density of construction are not known.

Today it is difficult to determine which fortresses of Dagestan were built in the Khazar time after all, for the dating stratigraphic scale of the ceramics is not worked out for them.

TAMAN AND THE CRIMEA

Were the towns of Tamatarkha, Phanagoria, Bospor – Korchev, Sugdea (Ill.26-32) the *Khazar* ones as S.A. Pletneva believed (1967, с.47-49)? They were founded in the ancient time. Having included these towns into the sphere of their interests for some time the Khazars did not exert any essential influence on the character of the local provincial Byzantine culture. In the cultural layers the artefacts of the Saltovo-Mayatsky culture are represented in small numbers. The Khazars have left no traces in the house-building and fortification of these towns. The role of the Khazar kaganate in the history of the Crimea is exaggerated.

OPUS SPICATUM

In the Russian literature this kind of masonry is called «ёлочка»/a furtree that is *herring-bone work*. S.A. Pletneva and then T.I. Makarova and A.I. Aybabin after her linked its appearance in the towns of the Northern Black Sea area with coming of the Khazars from Dagestan. However, the spreading of the opus spicatum in the Taman and the Crimea only coincided with the Bulgar-Khazar expansion, but was

not its result. What is important is the fact that in the vast basin of the Don dwellings with foundations of the opus spicatum type are not found. The connection of the Khazars with the opus spicatum masonry is denied by S.B. Sorochan in well-reasoned way (Сорочан С.Б., 2004б).

CAMP AND AUL

In the study of the problem of a "town in the Khazar kaganate" a comparison with the First Bulgar kingdom is expedient. The author has used the works of R.Rashev (Р.Рашев 1982) and other Bulgarian researchers. They divide the defensive structures on the Danube River into two kinds: 1. *A camp* (лагер), *an earthen rampart*, mostly rectangular. According to its purpose it is a *fortress* with a closed rampart along the perimeter. The largest camp was Nikulets (Никулец), 48.3 sq.km in area, with a number of inner fortifications (Ill.33). The camp was the outside fortification of Pliska (Плиска). 2. *Aul* (аул), *a fortification with the walls of grit stone* (a kind of sandstone). According to Rashev: The old Bulgar aul is not only a palace, a court, a complex of court structures of various purposes, but it is first of all a *fortified palace*. The surrounding of the khan's residence with a fortress wall is the most typical feature of the aul. The first one among the auls was the stony capital Pliska (Ill.34-36). Preslav (Преслав) (Ill.38) was a khan's aul that developed into a second Bulgar capital. There were no towns proper in the First Bulgar kingdom, which is analogous to the situation in the Khazar kaganate. V.S.Flyorov considers the Bulgar camps and auls to be the analogy of the Khazar fortresses, including also Itil taking into account the peculiarities of the technology of fortress construction in Khazaria.

OLD AND NEW PROBLEMS

About the feudalism in Khazaria. The problem of town is inseparably linked with the appraisal of the degree of "feudalization" of the kaganate. S.A.Pletneva has written about an early feudalism and even developed feudalism, about the feudal land ownership (1982, c.10). But written sources do not confirm this. M.I. Artamonov admitted that "little is known about the forms of social and economic relations

in Khazaria" (1962, c.400). It is necessary to admit that historians and archaeologists are unable to give a distinct picture of social relations in the Khazar kaganate. Only some incomplete facts have reached us about the multicolored mosaic of its inner life. The vagueness in the character of the social-economic relations in the Khazar kaganate has full right to exist. The absence of data is not to be replaced by the introduction of well-known clichés, in this case "feudalism", "a feudal town".

Migration or nomadic life. *However paradoxical it may be, despite the great number of works mentioning the nomadic life in the Khazar kaganate it is exactly the stage of the nomadic life in it that is studied worst of all.* Today it is becoming more and more apparent that from the very beginning the kaganate was not a nomadic "steppe state" as it is characterized by S.A.Pletneva. It is more correct to speak about *migration* and the quick development of a new territory with the subsequent construction of fortifications in the form of ramparts and moats and then fortresses of white stone and bricks. In Eastern Europe the kaganate's population *got a new homeland* as did the Hungarians for whom we use the formula of "getting a homeland". The pro-Bulgars of Asparukh (Isperikh), too, found a new homeland in the Lower Danube, where they, not without the Slavs' influence, soon passed to a settled way of life. The question about its stage of the nomadic life and its duration in the kaganate requires a radical revision.

THE KAGANATE ECONOMY

Why has it become necessary to turn to the problem of *nomadic life and the nomads' camps* in a book about fortresses and large settlements? From the position of archaeology they mark the beginning of the Khazar history. The Khazar kaganate emerges as a settled formation of a relatively early state type without the stage of a long nomadic way of life, and by the end of its history it creates a self-sufficient economy and an advanced material culture, but does not after all form high-type settlements – towns. That is its peculiarity: the high development had not necessarily brought about the appearance of towns, although, as it may seem, there were all the preconditions for the appearance of the "khazar towns". The following is its cause. The plenitude of resources, the provision with the products of handicraft

and agriculture combined with good natural conditions had brought to an opposite effect: the Khazar kaganate has stopped at the attained level that satisfied the needs of not too stratified society. The issue of a coin of its own did not develop or had declarative purposes; natural exchange prevailed, to which the kagan's gafol (polyudye – going round and gathering taxes, products, etc.) corresponded.

Extra stimuli were needed in the sphere of the superstructure, the political ones, to activate money relations and inner commodity circulation, which in its turn would have created conditions for improvements in the handicrafts, which could have been followed by the transformation of some large settlements into towns, and on the whole by the general improvements in the country. The centralization of the state and the suppression of independent chiefs were necessary for this.

ABOUT THE STATEHOOD

The question about Khazar kaganate's statehood is solved differently by archaeology and history. The archaeological culture of the kaganat can be recognized as that of a "state", since its main manifestations, first of all the ceramics, had spread literally *all over the territory* of the kaganate. Besides, the Saltovo-Mayatsky culture was outside of being only ethnic.

If we speak about the *state* of the "Khazar kaganate" and its structure we shall have to consider other categories – the institutions of power, its forms and prerogatives in the centre and in the provinces, the degree of centralization or, on the contrary, the weakness of power. For the Khazar kaganate we do not know the forming of a state that is the supplanting of the customary law by the legal norms fixed in *law documents*. We have not progressed much in the solving of the question about the essence of the Khazar kaganate's statehood. Regardless of the choice of an answer *there can be no doubt about the link between the statehood and urbanization.*

The Khazar kaganate had very quickly passed through the "stage of nomads' camps", the stage of "getting a homeland" but it did not come to "towns". It did not have enough time for this given by History.

В.С. ФЛЁРОВ

«Города» и «замки» хазарского каганата
Археологическая реальность

Издатель *М. Гринберг*
Художественное оформление *Г. Златогоров*
Зав. редакцией *И. Аблина*
Издательский редактор *А. Литвина*
Компьютерная верстка *И. Пичугин*
Корректор *А. Коссовская, М. Калинина*

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (499)241–6871
e-mail: office@gesharim-msk.ru

Gesharim, Jerusalem
Tel./fax: (972)–2–624–2527
Fax: (972)–2–624–2505
e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

Издательство «Мосты культуры»
ЛР № 030851 от 28.05.2010
Формат 60 x 90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 16,5.
Подписано в печать 30.03.2011. Заказ №
Тираж 1000 экз.

Электронный вывод и печать в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6